

**РОС. ГЛЯДЬ, ХВАТЬ, УКР. ЗИРК, ХАП, ЛИТ.
ŽIŪRS, ČIŪRT, АБО ПРО ОДНУ СУПЕРЕЧКУ,
В ЯКІЙ НЕ БРАВ УЧАСТІ Д. ОВСЯНИКО-
КУЛИКОВСЬКИЙ**

Д. Овсянико-Куликовський не був, як відомо, учнем О. Потебні, хоча поділяв більшість думок останнього. Проте, вірний засадничим положенням теорії О. Потебні, він часто не добачав дрібниць, на яких, зрештою, вибудовувалася вся споруда лінгвістичної концепції О. Потебні.

Так, у галузі (морфо)синтаксису Д. Овсянико-Куликовський [5, XXIV] обстоював Потебневу думку про те, що «тепер присудковість зосереджена в дієслові», хоча «є так само певна кількість «одієслівлених» слів, здатних предикувати, заступаючи дієслово («бух в воду», «хлоп», «стоп машина»); сюди ж можна віднести і «одієслівлені» іменники в емоційній мові, напр.: «Пожар!» — «Мороз!» — «Беда!» й т. ін.». На іншій сторінці [5, 123] свого «Синтаксису російської мови» він намагається розвинути цю думку так: «У сучасній мові є слова вставного і вигукowego характеру, що постали з наказового способу, як-от: *глядь, небось* (із «не бойся»), *хвать*». Проте ці пояснення не можуть задовольнити, бо більше — вони суперечать логіці усїєї системи поглядів О. Потебні, зокрема й на згадувані предикативні частки.

З наведених міркувань Д. Овсянико-Куликовського випливає, що «одієслівлені» слова, зосібна звуконаслідувальної природи, були включені у сферу *v. finitum*, імовірно, водночас із виокремленням із дієслівної парадигми форм наказового способу для окремої групи дієслів. Далєбі, важко уявити один еволютивний і функціонально зумовлений процес, але скерований у протилежних напрямках — доцентрово («додієслівно») і відцентрово («віддієслівно»). Натомість О. Потебня [6, 190] припускав, що предикативні частки є історично пізнішим новотвором від дієслів, що відображають звук(и), світло, раптові рухи тощо, і як такі об'єднуються «в один тип з деякими вигуками, які... так само позначають миттєвість дії, як-от, наприклад, рос. *бух, бац*». Причому аналіз предикативного навантаження таких новотворів і їхнє співвіднесення з відповідними дієсловами О. Потебня провадив у ширшому — балто-слов'янському — контексті, порівнюючи рос. *глядь*, укр. *зирк*, біл. діал. *зір*, лит. *žiŪrs* абощо.

На відміну від Д. Овсянико-Куликовського, який був прихильником морфо-синтаксичної концепції О. Потебні, хоча так і не спромігся досягнути «еволютивну перспективу» його поглядів у цьому позірно дріб'язковому питанні,

новітні інтерпретації предикативних часток у слов'янських та балтських мовах не тільки не йдуть в річищі Потебневої теорії, але й взагалі її заперечують. Так, росіянин Ю. Степанов [7], запозичивши поширену на сьогодні у західноєвропейському мовознавстві термінологію і засадничі положення стосовно праїндоевропейського ін'юнктива (зокрема, у ведійській мові [13]), пропонує обмежити розгляд відповідних часток контекстом зниклих аористів, особливо асигматичних, не згадуючи, щоправда, при цьому схожого погляду А. Шахматова [9, 206, 472]. На думку Ю. Степанова [7, 195], литовський ін'юнктив, ширше — «балто-слов'янський аорист-ін'юнктив», лежить в основі відповідних дієслів: лит. *žvilgt* (рос. *глядь*, укр. *зирк*): *žvēlgti* «дивитися»: *žvilgseti* [14, 242]. При цьому доісторичне існування «аориста-ін'юнктива», що характеризувався «невизначеним видом» та «перехідно-неперехідною діатезою», Ю. Степанов уgruntовує, зрештою, фрагментарним зауваженням Хр. Станга щодо матеріального збігу форм атематичного аориста та футурума на *-s-* у балтських мовах [21, 387—388].

Отож, навіч — суперечка між О. Потебнею і Ю. Степановим, але суперечка, яка розв'язується-таки не на користь останнього.

1. Хр. Станг, хоча й писав про матеріальний збіг *s*-аориста і *s*-футурума для 3 ос. одн. (так, для лит. *veikti* різниця між цими формами щонайменша — інтонаційна: аор. **vėiks* > **vėiks?*), припускав, що балтський футурум з атематичним *-s-* міг був розвинутися від давніх дезидеративних утворень ще тоді, коли існував сигматичний аорист [21, 388, 399]; пор. гр. фут. *λύσω*, аор. *έλυσα*, кон'юктив *λύσω* для *λύω* «розв'язувати». Окрім цього, якщо йдеться про «балто-слов'янський аорист-ін'юнктив», що характеризувався між іншим формантом *-s-*, то потребує пояснення його доля, з одного боку, в балтських мовах (зі збереженням *s*-футурум та зниклим *s*-аористом) та, з другого, в слов'янських мовах, в яких зберігався за історичних часів сигматичний аорист, але зник *s*-футурум: пор. дієприкм. майб. лит. *būsiąs*, лот. *būšuôt* (**-sjant*) і ст.-сл. **бѣшѣще-к** (**бѣшѣще-к**) «εσόμενος, γινόμενος» [18, 89, 538] як реліктову форму зі значенням майбутнього [24, 216]. Адже, наприклад А. Вайан, наслідуючи А. Мейє, розрізнявав **-sje/o-* для футурума, який зник у слов'янських мовах (пор. лит. *dūosiū* проти д.-інд. *dāsyāmi*) і походив від дезидератива на **-se/o-* [17, 192; 23, 163], і *-s-* для атематичного аориста, що зник в балтських мовах.

2. Якщо вживання балто-слов'янського «аориста-ін'юнктива» не відрізнялося у доісторичні часи від «сучасного» [7, 199], то не ясно, чому балтські та слов'янські частки по-різному співвідносяться з відповідними дієсловами. Як зазначав О. Потебня [6, 188], слов'янські частки за своїм значенням співвідносяться з дієсловами однократними із суфіксом *-н(у)-*, чий балтський відповідник в протолитовсько-лотиській мові траплявся вже у нечислених дієсловах, поступаючися суфіксові *-sta-* та продуктивному носовому інфіксові

[21, 340]: лит. *trúksta, trúkti* «луснути»; *tráukti* «тягти»; того ж кореня *truñka, trúkti* «тривати». Натомість балтські частки, зокрема литовські *istiktukai* аж ніяк не співвідносяться з дієсловами однократними, які є доконаного виду, а відтак відсутні в парадигмі балтського дієслова, що характеризується ступенюванням дії, але не знає видового протиставлення [12, 737; 23, 462—463]; вони системно і генетично пов'язані з такими дієсловами, що «позначають дрібність моментів дії та зменшеність дії» [6, 191]: пор. лит. *brinkt, čiùpt* і співвідносні дієслова *brinkterėti* «грюкатися» або *brinkšterėti* «mit den Fingern ein Knippchen machen» [19, 345], *čiùpterėti* «хапати, мацати» з характерним суфіксом *-t(er)-*, які категоріально нагадують не однократні укр. *брязнути, хапнути, мацнути*, а дієслова типу укр. *брязкотити, грюкотити*, біл. *грюкатаць* з тим же дериваційним елементом *-t-* (пор. іменні суфікси прасл. **-et-/ot-, ьt-/ьt-*), а не просто з т. зв. «поширювачем» *-t-* [14, 242—243].

Це припущення О. Потебні підтверджується не тільки на категоріальному рівні, але й на рівні формальному, зокрема звуковому, що усуває між іншим деякі «алофонічні алогічності» між частками і, як уважає Ю. Степанов та більшість сучасних дослідників, «похідними від них» дієсловами: пор. лит. *žiodps* «зирк!», що виокремилосся, скоріше за все, не з дієслова *žioopsoti*, але *žiopterėti* «einfältig, mit offenen Munde umhergaffen» (! — А. Д.), *maulauffen* [19, 550], тобто «кількаразово» і «дрібненько» щодо дії, яка розкладається на кілька моментів; аналогічно *žvilgt* «зирк!», що походить від *žvilgterėti* «einen von der Seite forschend ansehen» [19, 554], а не від алофонічно іншого *žvelgti*.

Отже, якщо слов'янин, зокрема українець, представляє дію (за певних умов спілкування) через «однократність моменту» (О. Потебня) — укр. *Сюди смик, туди смик* — *мій починок, як бик* (8, 10275), в.-л. *Hólčisko jemu pras* (<*prasny*) *do tjezwoča* [22, 43], біл. діал. *Я зір у вакно, ана пажар* [3, 62], болг. *греб, лан, хлоп* проти однократних дієслів *гребна, лапна, хлопна* тощо, — то балтієць, зокрема литовець, представляє «миттєву дію» через «дрібність моментів або моменту» (О. Потебня): пор. лит. *šauks* «гуку-гуку» проти *šaukiù, šaukti* «гукати», укр. *зуку-пуку за таяр* [8, 12514] проти *зукнути, пукнути* (= *пукти*), біл. *мы сов'ѣ гукѣ та гукѣ з ни* [4, 125].

3. На користь віддієслівного, навіть не «оддієслівного» (за Д. Овсянником Куликовським), походження предикативних часток (пор. ще укр. *гля(дь)*, біл. *глядзь*, рос. *глядь*, співвідносні з *глянути* < **гляднуть*, при пол. діал. *glądać, glądnać*) свідчать дериваційні смисли, які стосуються ступенювання дії і на шаровуються у східнослов'янських мовах на «однократне» представлення «миттєвого» вияву світла, звука, механічної дії абощо, а відтак надають віддієслівним часткам (а також вигукам здебільшого звуконаслідувального характеру) певної семантико-синтаксичної автономності. Пор. м'якшення кінцевих *d, t, s, z, k, r, l* як вияв «відтінку зменшеності» [6, 190] в частках типу

укр. *скіць* при *скік*; до них не слід відносити біл. *круць*, *верць* (укр. *круть*, *верть*) з кінцевим приголосним, посталим унаслідок цекання, хоча *trēs* (*po kaleniach*) [3, 63] — укр. *трісь* (д.-укр. *трѣсноути* < **трѣскноути*?), *блісь* (~ *бліснуць*) — укр. *блись* (~ *бліснути*) або навіть ст.-біл. *глюць* (XVIII) неясного походження, хоча воно, ймовірно, пов'язане з базовим коренем на позначення світла: пор. д.-в.-н. *glanz* «світлий», сер.-в.-н. *glanz* «полюск», д.-в.-н. *glioen* «горіти, ярити» або *gluot* «жар» [10, 303], гр. *λευκός* «дивитися» (< **λενω*) [11, 571—572], лат. *lūna* й т.ін., що мають основу на *-no* з темою **loukes-* або розширенням **leuks-* (корінь **leuk-*) [17, 245]. В усякому разі біл. *глюць* може бути однією з історичних модифікацій давнього кореня на позначення еманованого світла, але вже за допомогою узагальненого *-c'* (< *t'*) як суфікса з відтінком зменшеності (пор. ще діал. *гримоць*, укр. **grim* (?) < *гримнути*).

Імовірно, такого ж — узагальненого — походження і суфікс (а не «закінчення»), як уважав Є. Карський) *-(e)ць* в білоруській мові: пор. діал. *tak juon bachieć i zubiu* (укр., рос. *бух*, *бах*, пол. *bach*, чes. *bách*, *buch*: Тощо з коренем **bъch* < **bouch-* [20, 97—98]; цікаво, що Махек розглядає чes. *buch* як віддієслівне утворення); *smukieć* — укр. *смик*, *чарієць* — укр. *хан*, лит. *čiąpti* зі значенням «зменшеності» типу укр. *мац-мац* (*čiąpt vedes*, *čiąpt nevedes* «мац одружений, мац неодружений (щодо клямки, ручки дверей)» [10, 166; пор. 6, 190]; *czort szpurlėć jeje z hrúszu* (укр. **шпур*?) < *шпурнути*; інші приклади див. в [3, 62—63]. На наш погляд, у цих новотворах вже йдеться не стільки про однократне, скільки про «зменшене» (на кшталт балтського) представлення «миттєвої дії»: пор. укр. *підтюцем*, *назирцем*, *бігцем* як похідні від *pactionis* зі значенням зменшеності — *a він бігцем*, *бігцем з кіньми* [1, 103], в якому представлена «дрібність моментів дії» (за О. Потебнею), виражена через повторюване слово з мінімумом флективних ознак: пор. ще *дзень-дзень*, *телен-телен* абощо як подвоєні базові (тут — звуконаслідувальні) корені, від яких утворювалися дієслова однократні типу *дзенькнути*, *теленнути* і які за способом представлення «миттєвої дії» (але не за генезою!) нагадують балтські частки.

Про можливість вторинного (іменного) — як наслідок історичного відриву від базових однократних дієслів — осмислення часток свідчить інший суфікс, що його також згадує Є. Карський [3, 63] стосовно білоруського діалектного матеріалу, — *-ель*, який, на його думку, своїм *-l'* нагадує дисприкм. мин. часу: *сморгель* (= укр. *шморє!*) при *сморгаць*, *сморгнуць* «дергать, проізводя при этом звук трением; обрывают что-то во множестве; вытаскивать» [4, 595] (укр. *шморгати*, *шморгнути*), з похідним значенням, і *сморгаць*, *сморгнуць* «часто втягивать воздух в нос», що його І. Носович чомусь подав як окреме словниково гасло [4, 595], — пор. також *сморгуль* з додатковим значенням «швидкий удар» (~ *его по морде* — [4, 596]); сюди ж *кидель* [3, 63]

(пор. рос. діал. *кидых при кидь, кид* [2, 2, 107], хоча в [4, 596] зафіксовано лише *кидзель, кидзень* (~ *ему в очи грязю*). Пор., з другого боку, з аналогічним суфіксом польський іменник *żuchel* «шматочек» (*żuć*, діал. *żuchać* «жувати») — «слово, вочевидь, нове» (! — А. Д.) [15, 47] зі значенням п. асті, хоча первинним у цьому разі могло бути значення п. actionis (пор. рос. діал. *что ни жев, то плев* [2, 1, 528]; пор. так само іменник зі значенням п. actionis укр. *(за)гибель* (ст.-сл. *гыбѣль*, але вже д.-укр. *погыбель*, звідки, судячи з усього, чергування *загибель: загибелі*; укр. *метіль*, ймовірно, й *купель, купіль* з пізнішим переосмисленням як «вода для купання» (п. instr.) або «посудина з водою» (п. loci?), діал. *крутѣль* «вир», але *крутѣль* «мотузка, кручена з соломи» [1, 850] (= біл. *круцель, крутель* [4, 255], рос. діал. *крутель* «яр, обрыв, утес, стена, скала...» [2, 2, 203], тобто п. loci, що пов'язане з вируванням води (п. actionis).

Таким чином, розглядати предикативні частки як збережені — принаймні, від балто-слов'янських часів — форми «аориста-ін'юнктива» не можна. Навіть якщо для литовських часток на кшталт *židps* і можна постулювати аористний формант *-s-*, то це ще не значить, що в цьому разі йдеться про функціонально тотожні утворення. Судячи з наведеного матеріалу, мав-таки рацію О. Потєбня, який вважав предикативні частки віддієслівними новотворами, до того ж «відносної новизни». Такі частки були покликані не просто виконувати предикативну функцію, а позначати за певних умов спілкування лише результат миттєвого вияву «не уповні підкореного уяві явища» [6, 189] — шуму, звуку, світла абощо. Проте форма представлення такого миттєвого вияву у слов'янських, зокрема українській, та балтських, зокрема литовській, мовах є різною — однократність та дрібність (моментів) дії відповідно, що впливає з різного ступеня синтетичності слов'янського і балтського дієслова.

І останнє. Укотре О. Потєбня залишився наодинці з численними від нього та прихильників його вчення опонентами. Не зарадив би справі і Д. Овсянко-Куликовський, який, на жаль, не спромігся сягнути всієї глибини думок О. Потєбні щодо предикативності флективного дієслова взагалі і віддієслівних часток зокрема.

ЛІТЕРАТУРА

1. Грінченко Б. Словник української мови. — Берлін, 1925.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — Изд. 7. — М., 1978. — 1980. — Т.1—4.
3. Карский Е. Ф. Белорусы. Язык белорусского народа. — Вып. 2—3. — М., 1956.
4. Носович И. Словарь белорусского наречия. — СПб, 1870.
5. Овсянко-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. — СПб, 1912.
6. Потєбня А. А. Из записок по русской грамматике. — М.-Л., 1941. — Т. 4.
7. Степанов Ю. С. Индоевропейское предложение. — Москва, 1989.
8. Українські приказки, прислів'я і таке інше... / Спорудив М. Номис. — СПб, 1864.

9. Шахматов А. Синтаксис русского языка. — Л., 1941.
10. *Berneker E.* Slavisches Etymologisches Wörterbuch. — 2 Auf. — Heidelberg, 1924. — Bd. 1.
11. *Boisacq É.* Dictionnaire étymologique de la langue grecque. — 2-e éd. — Heidelberg — Paris, 1923.
12. *Endzelin J.* Lettische Grammatik. — Riga, 1922.
13. *Hoffmann K.* Der Injunktiv im Veda. — Heidelberg, 1967.
14. Lietuvių kalbos gramatika. — Vilnis, 1971. — Т. 2.
15. *Łoś J.* Gramatyka polska. — Lwów — Warszawa — Krakow, 1925. — Cz. 2.
16. *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. — Praha, 1957.
17. *Meillet A.* Introduction á l'étude comparative des langues indoeuropéennes. — 3-e éd. — Paris, 1912.
18. *Miklosich Fr.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. — Wien, 1876. — Bd. 3
19. *Nesselmann G.H.F.* Wörterbuch der litauischen Sprachen. — Königsberg, 1851.
20. *Pokorny J.* Indogermanisches Etymologisches Wörterbuch. — Bern, 1959. — Bd. 1.
21. *Stang Chr.* Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen. — Oslo, 1966.
22. *Šewc-Schuster H.* Gramatika hornjoserbskeje řeči. — Budyšin, 1976. — Zw. 2.
23. *Vaillant A.* Grammaire comparée des langues slaves. — Paris, 1966. — Т. 3.
24. *Watkins C.* Indogermanische Grammatik. — Heidelberg, 1969. — Bd. 3 (1).

Л. В. ПЕДЧЕНКО

НАИМЕНОВАНИЯ РИТУАЛЬНОГО ОГНЯ У РУССКИХ

(в свете исследования Д. Н. Овсяннико-Куликовского «К истории культа огня у индусов в эпоху вед»)

В монографии «К истории культа огня у индусов в эпоху вед» Д. Н. Овсяннико-Куликовский, исследуя гимны Ригvedы, посвященные божеству огня Агни, различает три священных огня (огонь домашний, или родовой, огонь общинный, или сельский, и огонь союзный, принадлежащий союзу общин [4, 1]), детально характеризует атрибуты и функции этих трех священных огней, особенности, истоки и развитие их культов, а также дает словарь эпитетов Агни (более 800 единиц), в необходимых случаях снабжая эпитеты этимологическими и семантическими комментариями.

Собранные Д. Н. Овсяннико-Куликовским древнеиндийские материалы представляют интерес при изучении культа огня у других индоевропейских народов, в частности — у русских. Они широко привлекались такими исследова-

дователями, как А. Н. Афанасьев, А. А. Потебня, В. Н. Харузина, В. Я. Пропп и др. Как отмечал Н. Ф. Сумцов, «поверья и обряды, связанные с огнем, представляются большею частью обломками древних культов Огня, выразившихся у индусов в гимнах Ригведы, у иранцев — в Зенд-Авесте, у греков — в учениях Фалеса, Гераклита и Эмпедокла, у римлян — в культе Весты» [10].

Опираясь на это указание Н. Ф. Сумцова, учитывая генетическое родство «огненных» представлений и обрядов разных индоевропейских народов, в настоящем сообщении мы рассматриваем русские наименования ритуального огня в сопоставлении с ведическими эпитетами Агни, представленными в труде Д. Н. Овсяннико-Куликовского. Отметим, что в первую очередь нас интересуют не формальные связи лексем, а семантические параллели, сходство образов и представлений, лежащих в основе номинаций.

В ритуальных целях у русских, как и у многих других индоевропейских народов, использовался огонь, добываемый при помощи трения дерева о дерево. Такой огонь возжигался во время эпидемий и эпизоотий для того, чтобы заменить им огонь в домашних очагах, зажечь от него костры и провести через них скот. Добытый трением огонь применялся также для возжигания праздничных купальских костров. Согласно суеверным представлениям, окуривание дымом этого огня сообщает людям и животным силу, позволяющую им устоять против морового поветрия. Огню тем самым приписывалась очищающая, обеззараживающая и вообще добрая, благотворная сила.

Аналогичные представления об очистительных свойствах огня отражены в Ригведе. Д. Н. Овсяннико-Куликовский приводит такие эпитеты Агни, как *atīvacātana* «прогоняющий болезнь, бедствие» [4, 68]; *tanurā* «охраняющий тела (людей)» [4, 82]; *pāvakaṣoci* и *pavakaṣocis* «имеющий чистый или очищающий свет, пламя» [4, 90]; *pāvaka* «светлый, чистый, яркий». «Впрочем, — замечает Д. Н. Овсяннико-Куликовский, — полагаю, настоящее значение этого термина скорее — очиститель, — это N.Ag. от каузальн. формы корня *pi* — течь и очищаться в процессе течения. Огонь, элемент чистый по преимуществу, есть «очиститель», — он удаляет всякую нечисть и скверну — физическую и моральную» [4, 89—90].

В диалектах русского языка ритуальный огонь номинируется терминологизированными атрибутивными сочетаниями, стержневым компонентом которых является лексема *огонь*. Определения же либо ареально варьируются, либо функционируют на одной территории в качестве дублетных. В различных лингвистических источниках отмечены определения *живой, деревянный, новый, небесный, святой, вытратой, трудовой, царский, самородный* и др. Данные о составе и географическом распространении русских названий обрядового огня собраны и охарактеризованы А. Ф. Журавлевым в статье «Из русской обрядовой лексики: «живой огонь»» [3]. Семантическую мотив-

вированность каждого из названных наименований, выражаемые ими представления А. Ф. Журавлев рассматривает лишь пунктирно, ссылаясь на то, что «в большинстве случаев ономасиологическая мотивация, лежащая в основе того или иного названия, прозрачна и не вызывает каких-либо трудностей в ее понимании. *Деревянным*, например, ритуальный огонь называют по материалу, используемому для его добывания» [3, 223]. Сопоставление с древнеиндийскими эпитетами огня дает возможность посмотреть на это наименование под другим углом зрения. У Д. Н. Овсянко-Куликовского находим: *mātariçvan* «Матарившан (эпитет огня, а чаще — собственное имя мифического лица, открывшего огонь... “Он (Агни) называется *mātariçvan*, когда образуется в матери”, т.е. в дереве, т.е. это огонь в скрытом, зачаточном состоянии, зачатый в дереве, из которого он добывается)» [4, 96]; *garbha (vanām* — дерево) «чадо, зародыш» [4, 78]; *vaneja* «рожденный в дереве» (*vana*, ав. *vana* дерево); *vanerāj* «в дереве властвующий» [4, 101]. Эти эпитеты отражают древнейшие праиндоевропейские мифологические представления о присутствии сокровенного огня в дереве, в камнях, в земле, в воде, в теле человека и животных. В свете этих представлений, возможно, и рус. *деревянный огонь* изначально не просто «огонь, добываемый из дерева», а «огонь, скрытый в дереве, живущий в нем в зачаточном состоянии». Отсюда процесс добывания огня представлялся его рождением, что подтверждается такими ведическими эпитетами, как *çiçi* «ребенок, дитя, малютка, детеныш (Агни называется малюткой, — он рождается на глазах людей из двух кусков дерева)» [4, 109]; *kumara* «ребенок, мальчик, дитя» [4, 76]; *navajāta* «новорожденный» [4, 88]; *taruna (çiç* — малютка) «юный нежный» [4, 83]. К этому семантическому ряду, вероятно, относятся болг. *млад огън*, *нов огън*, и рус. *новый огонь*. Определение *новый* передает также важную особенность ритуального огня: перед началом обряда вытирания огня в период эпидемий и эпизоотий все остальные огни в селении тушатся, так как только *новый*, «новорожденный» огонь является чистым, неоскверненным и поэтому может иметь целительную, очищающую силу.

В других русских наименованиях ритуального огня актуализируется собственно акциональная характеристика процесса добывания огня. Речь идет о сочетаниях *вытратой огонь*, *трудовой огонь*. Ссылаясь на ограниченность территории распространения этих названий, А. Ф. Журавлев делает вывод о том, что они «представляют собою очевидно позднейшие образования» [3, 226]. Это утверждение представляется нам не столь очевидным. Древнеиндийский эпитет огня *çita* «воспламененный; букв. наостренный — от *ca, ci* — острить, точить, — в применении к процедуре добывания огня посредством трения — зажигать» [4, 109] свидетельствует о древности рассматриваемой номинационной модели.

Все приведенные выше русские названия отражают представление о земной природе огня, добываемого трением. В то же время, как отмечал А. Н. Афанасьев, «очевидная для всех аналогия небесного света со светом обыкновенно-

го огня повела ко многим весьма знаменательным мифическим сближениям, которые... придали стихии земного огня священный характер» [1, I, 175]. Действительно, ряд славянских обозначений обрядового огня отражает представление о его сверхчеловеческой природе: рус. *святой огонь*, *небесный огонь*, болг. *божий огън*, чеш. *boži oheň* [3, 225]. Такие же представления лежат в основе ведических эпитетов огня: *rta* и *rtavan* «святой, священный» [4, 74]; *abhidyū* «небесный или к небу обращенный (*abhi* — предл. и *dyū, div* — небо)»; *divija* «рожденный на небе»; *divijoni* «кого обитель (или происхождение: *yoni* — матка) — на небе»; *divija* «небесный» [4, 68]; *deva* «бог, небесный с оттенком — светлый» [4, 85]; *dainja* «божественный» [4, 86] и др. Эпитеты *dvijanman* «имеющий двойное рождение (на небесах и на земле)» [4, 86]; *rodasiprā* «наполняющий два мира (небо и землю)» [4, 101]; *putra* «сын (земли и неба)» [4, 90] прямо указывают на представление о дуалистической природе священного огня, на его связь с небесной и земной стихиями.

В связи с этими древнейшими воззрениями, вероятно, следует рассматривать и объяснение наиболее распространенного русского названия ритуального огня — *живой огонь*. Традиционно понятие «живой огонь» связывается с фольклорным образом «живая вода». А. Н. Афанасьев писал: «Особенно важное значение приписывают огню, добываемому трением из дерева, так как под тем же образом древнейший миф представлял возжение богом-громовником небесного пламени грозы. Такой огонь называют на Руси *древесным, лесным, новым, живым, лекарственным или царь-огонь*, у сербов — *ватра* (в старину — молния), *жива, живи огонь*, у чехов — *boži oheň*, точно так же, как дождь, льющийся из тучи, пробуравленной палицей Перуна, назывался *живою водою*» [1, 2, 18]. На связь понятий «живой огонь» — «живая вода» указывает и А. Ф. Журавлев, основывая их толкование на значении слова *živ(jv)* «целый, свежий, не утративший своих качеств» [3, 227]. Сопоставляя это значение со значением рус. диалектного *дохлая вода* «стоячая вода, загнившая вода», он представляет это соотношение в виде семантического «квадрата», относящегося и к воде, и к огню:

живой	«живой»:	«свежий»
дохлый	«мертвый»:	«протухший, затхлый, загнивший»

[3, 228].

Однако, как отмечает Ю. С. Степанов, «это описание хорошо отвечает современному русскому противопоставлению *живая вода* — *дохлая вода*... Но это противопоставление вряд ли соответствует исконному понятию “мертвая вода” и кажется уже вовсе не применимым к огню» [8, 72—73]. Действительно, в русском фольклоре живая и мертвая вода не противоположны друг другу. Они друг друга дополняют. «Спрыснул Ивана-царевича мертвою водою — его тело срослось, sprыснул живую водою — Иван-царевич встал» [5, 197].

Мертвая вода делает тело целым (целит его), она успокаивает умершего, дает ему окончательную смерть, уводя из мира живых в царство мертвых. Следовательно, мертвая вода не сама мертва, она активна, так как она делает тело мертвым. Так и живая вода названа живой не потому, что она сама жива «свежа», а потому, что она оживляет, дает жизненные силы. Это утверждение применимо и к огню. Живой огонь дает жизнь, силу, здоровье. По мнению Ю. С. Степанова, «живой огонь — огонь на пути с небес вниз, наделенный живой, творческой силой, работающий огонь» [9, 193]. Представление об огне как об активной, деятельной силе отражают и ведические эпитеты Агни, показанные Д. Н. Овсяннико-Куликовским: *viṣvāyu* «всеоживляющий», *vr̥dha* «пособник, благодетель (от *vardh* — расти — тот, кто дает рост, развитие)» [4, 107]; *īrjasani* «добывающий, доставляющий силу, мощь» [4, 74]; *vayodhā* «дающий силу (и жизнь, жизненную силу)» [4, 102]; *vardhana* «укрепляющий, споспешествующий благу и развитию» [4, 103] и др.

Обратим внимание на еще одну любопытную параллель, связанную с прилагательным *живой*. У русских, как и у многих других индоевропейских народов, жизнь отождествлялась с бодрствованием, а смерть — соответственно со сном. Отражение этих представлений находим в рус. диал. *живой* «не спящий, бодрствующий» [6, 155], *живый* «бодрствующий, не спящий» [6, 162], жить «бодрствовать, не спать» [6, 195] (ср. др.-рус. *успение* «засыпание, сон; смерть, кончина» [7, 1295]). Принимая во внимание эти значения, можно предположить, что сочетание *живой огонь* могло обозначать «бодрствующий огонь» (вероятно, в сопоставлении со «спящим», скрытым огнем, заключенным в дереве). На это указывают и древнеиндийские эпитеты огня *jāgrvi* «бодрствующий, бодрый» [4, 81], *usharbudh* «на заре бодрствующий (*ushar* — заря, *budh* — бодрствовать, будить, *budh* = сл. *бѣд* — в *бѣдѣти*)» [4, 73].

Отметим некоторые другие русско-древнеиндийские параллели. В. И. Даль в числе определений вытертого из дерева огня приводит прилагательное *царский* [2, 538]. У А. Н. Афанасьева находим *царь-огонь* [2, 2, 18]. Многие древнеиндийские эпитеты огня выражают такой же образ: *rajan* «князь» (родств. *rex*) [4, 100], *indra* «князь», *īcāna* «владыка» [4, 72], *samrāj* «верховный владыка, властитель» [4, 112].

Другому приведенному В. И. Далем определению ритуального огня — *самородный*, — вероятно, соответствует древнеиндийское *tanūnapai* «сын себя самого — огонь, рождающийся от огня» [4, 82].

К сожалению, в рамках небольшой статьи невозможно рассмотреть все случаи параллелизма русских названий ритуального огня и ведических эпитетов Агни. Эти параллели столь многочисленны и четки, что, изучая концепты «огонь» и «вода» в славянской и древнеиндийской культурах, Ю. С. Степанов приходит к выводу о том, что «в этом случае следует, по-видимому,

говорить не только о наследовании общих черт из прошлого, но и о параллелизме поддерживающемся, т.е. об *изоглоссах культуры*» [9, 198]. Как показывают наши наблюдения, привлечение древнеиндийских материалов, представленных в работе Д. Н. Овсяннико-Куликовского «К истории культа огня у индусов в эпоху вед», позволяет глубже проникнуть в исконную семантику русских наименований ритуального огня, выявить древние мифологические образы и представления, лежащие в их основе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А. Н. Поэтические воззрения славян на природу. — М., 1865. — Т. 1.; М., 1868. — Т. 2.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1989. — Т. 1.
3. Журавлев А. Ф. Из русской обрядовой лексики: «живой огонь» // ОИА: Материалы и исследования. 1976. — М., 1978. — С. 204—228.
4. Овсяннико-Куликовский Д. Н. К истории культа огня в эпоху вед. — Одесса, 1887.
5. Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. — Л., 1986.
6. Словарь русских народных говоров / Под ред. Ф. П. Филина. — Вып. 9. — Л., 1972.
7. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. — СПб., 1912. — Т. 3.
8. Степанов Ю. С. «Два огня», «две воды», «две крови» и т.п. в индоевропейском языке и культуре («живой огонь» у славян и у Гераклита; лат. *Vulcanus* и литов. *alkas, alkà* и др.) // Историческая лингвистика и типология. — М., 1991. — С. 68—80.
9. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. — М., 1997.
10. Сумцов Н. Ф. Огонь (живой) // Энциклопедический словарь / Брокгауз и Ефрон. — 1897. — Т. XXI-а. — С. 705.

Т. В. АБРАЇМОВА

ПРО ДЕЯКІ МОРФОЛОГІЧНІ ЯВИЩА В ДОСЛІДЖЕННЯХ Д. М. ОВСЯННИКО- КУЛИКОВСЬКОГО З ПОРІВНЯЛЬНОГО МОВОЗНАВСТВА

Предметом нашого дослідження є погляди Д. М. Овсяннико-Куликовського на морфологічні явища, зокрема в системі іменника.

Розглядаючи ритмічну природу мови, Д. М. Овсяннико-Куликовський торкається питання морфологічної будови мови. Ритмічна природа мови виявляється в галузі морфології, відомої своєю правильністю, симетричністю

форм, прагненням провести одноманітні форми по можливості скрізь, у всі категорії [7, 67].

Одна з найбільш творчих і активних сил у морфології — це побудова нових форм за аналогією — процес, якому сучасне мовознавство надає особливого важливого значення [3; 4]. Ця аналогія є, безперечно, результатом ритмічної природи мови. Внаслідок аналогії з'являються нові слова або форми, тотожні старим. Аналогія впорядковує і навіть створює заново цілі розділи морфології. Вона є живою, творчою силою мови і діє, очевидно, ритмічно, хвилеподібно. Так, наприклад, в українській мові за аналогією до іменників давньої *й*-основи типу *син*, *дім* іменники давньої *δ*-основи в давальному відмінку однини прийняли поряд із закінченням *-у* ще й закінчення *-ови*; за аналогією до іменників *ā*, *jā*-основи іменники інших основ у давальному, орудному та місцевому відмінках множини прийняли флексії *-ам* (*-ям*), *-ами* (*-ями*), *-ах* (*-ях*). Українська літературна мова XVII ст. є досить показовою щодо таких морфологічних змін у системі іменника і чи не найяскравіше їх відображає. Проілюструємо ці морфологічні явища в системі іменника конкретними прикладами із «Синопису» (пам'ятки української мови XVII ст.):

БРОДНИКОВИ СВОЄМУ [Син., 15];

ДАДЕ ... ГЛѢБОВИ ПЕРЕДЛАВЛЬ [Син., 65];

поряд із старими флексіями **-ОМЪ** (**-ЄМЪ**), **-Ы**, **-И**, **-МИ**, **-ЄХЪ**, **-ѢХЪ**, **-ИХЪ** у множині з'являються нові флексії *-ам* (*-ям*), *-ами* (*-ями*), *-ахъ* (*-яхъ*):

КЪ МОНАСТЫРЯМЪ [Син., 107]; **КЪ СКИФМ** [Син., УЛ, 172];

СЪ СТЫМИ ЛѢНКАМИ [Син., 75]; **ОУМАГЧИ ДАРАМИ** [Син.,

16];

КАМЕНАМИ Й ВСАКИМИ ВЗОРАМИ БЫСТЬ НАСАЖДЕННЫЙ

[Син., 51];

В ... ПОСТАХЪ [Син., 105]; **ПО СТРАХЪ** [Син., 63];

И НА ВСѢХЪ КНАЖЕНІАХЪ [Син., 17]; **НА БРАЧНЫХ ВЕ-
СЕЛІАХЪ** [Син., 27].

За цим явищем прихований такий психологічний момент, як наслідування, що веде до одноманіття, до відтворення все тих же або однорідних звукових сполук. Наслідування ж є за своєю сутністю явище ритмічне.

Д. М. Овсянико-Куликовський приходить до висновку, що «мова у всій своїй будові має явні ознаки зовнішньої звукової ритмічності. Мова не є хаотичне дисгармонійне сполучення звуків: у ній усі елементи доведені до гармонічної єдності» [7, 68].

Кожній мові, кожній добі в історії мови притаманне своє особливе співвідношення між змістом і формою слова. Слід зазначити, що між змістом і формою існує відносна гармонія, певна рівновага. Д. М. Овсянико-Куликов-

ський зазначає, що «більшість абстрактних іменників в індосвропейських мовах переважно жіночого роду (чистота, близьна, истина, сутність, la verite, la candeur, die warheir, die Thätigkeit, veritas, virtus, celeritas і т. ін.) [4, 76]. Дійсно, переважна більшість абстрактних іменників української мови також належить саме до жіночого роду, наприклад у «Синописі»:

ХРАБРОСТЮ СВОЄЮ [Син., 122]; **ѿ ВЕЛИКІА РЕВНОСТИ** [Син., 66]

ВИДЪХОМЪ ТАМО НЕИЗРЕЧЕННЮЮ КРАСОТУ [Син., 60] тощо.

У глибоку давнину, безперечно, була певна гармонія між цією формою іменника жіночого роду з відповідним суфіксом і тим розумінням абстрактних іменників, яке тоді існувало. Абсолютна гармонія і стійка рівновага ґрунтувалася колись на тому, що форма і зміст зовсім не були абстрактними. ЧИСТОТА, БЪЛИЗНА, ИСТИНА раніше були конкретними іменниками жіночої статі, і відповідна форма (суфікс, закінчення) саме це і виражала. Зараз же зміст сприймається як абстракція. Суфікси *-ость*, *-heit*, *-tas*, *-tatis* та інші є абстрактними суфіксами. Від колишньої конкретності залишився лише жіночий рід, але він уже виконує граматичну функцію і не є справжнім атрибутом даних понять.

Д. М. Овсянико-Куликовський у своїх працях намагається також з'ясувати питання історії розвитку категорії роду. «Є всі підстави гадати, що в ті віддалені часи (у спільноіндосвропейський період. — Т. А.), коли панувало так зване міфологічне мислення, у розумовому вжитку людей не була ще вироблена категорія неістот», — писав він [6, 11]. У той період панував анімізм, і разом із життям усім речам приписувалася ще й стать. Два роди (чоловічий і жіночий), що існували тоді в мові, були не тільки граматичними формами слів, але й склали частину самого змісту слів. Д. М. Овсянико-Куликовський писав: «Якщо справді люди були переконані, що, наприклад, **ГРОМЪ** є особлива істота і навіть божество і що воно — саме **БОГЪ**, а не богиня, то чоловічий рід відповідного слова був точним вираженням цього переконання, тобто належав до складу самого змісту, значення цього слова. Якщо вірили, що земля є також жива істота і до того жіночого роду, богиня, мати всіх істот, то жіночий рід відповідного слова був точним відображенням цього уявлення, а не тільки граматичною формою» [6, 12].

З падінням анімізму, коли усталився поділ речей на істоти та неістоти, коли почали утворюватись абстрактні поняття, категорія роду в мові дедалі більше відокремлювалася від змісту слів і перетворювалася на чисту форму. Сприйняття граматичного роду пересунулося в сферу напівсвідомого. Так, чоловічий рід слів **ЛЪСЪ**, **КАМЕНЬ** та ін. вже не сприймається як ознака самого змісту цих слів, а жіночий рід слова **ВОДА** вже не є відбиттям поняття про воду, як істоту жіночої статі. За словами Д. М. Овсянико-Куликовського, тільки в тих словах, які — в епоху язичництва у різних народів — отримали значення власних назв богів і богинь (як грец. Гата, "Нһios, Σεθενη та ін.) граматич-

ний рід утримувався в межах змісту даних слів і сприймався як позитивна ознака відповідних істот [6, 13].

На думку Д. М. Овсянико-Куликовського, поява форми середнього роду, що мала характер фікції, була рішучим кроком до перетворення всієї категорії граматичного роду взагалі в чисту форму і фікцію [6, 14]. Зараз такий чисто формальний характер категорії роду простежується в назвах речей і абстрактних понять, тобто в назвах неістот.

У назвах речей, явищ, процесів, понять категорія роду, таким чином, є суто граматичною категорією, безпосередньо не пов'язаною з реальним значенням іменника [2, 53]. Родова приналежність у таких іменників визначається системою їх відмінкових флексій, словотворчими засобами, граматичними формами узгоджених слів. За допомогою змісту слова не можна пояснити, чому, наприклад, такі іменники в мові «Синопису», як **СВѢТЪ** [Син., 8]; **ЗАКОНЪ** [Син., 68]; **МИРЪ** [Син., 16] — чоловічого роду, **ВРАЖДА** [Син., 124]; **РАДОСТЬ** [Син., УЛ, 178] — жіночого роду, а **ДРЕВО** [Син., УЛ, 175]; **БОЛНЦЕ** [Син., УЛ, 182]; **МОРЕ** [Син., 5] — середнього.

Що стосується назв істот, то українська мова, зокрема мова «Синопису», свідчує розрізнення назв істот за статтю як за допомогою суплетивних форм, так і за допомогою суфіксів: **МУЖЪ** — **ЖЕНА** [Син., 22, 28]; **ЦАРЯ** — **ЦАРИЦЫ** [Син., 34, 37]. Назви істот, зокрема деяких тварин: **БАРАНЪ** — **ОВЦА** [Син., 31], як і людей: **КНАЗЪ** [Син., 75] — **КНАГИНА** [Син., 102]; **СЫНЪ** — **ДЩИ** [Син., 34], пов'язані, отже з розрізненням їх статі, а не граматичного роду, хоча для іменників чоловічого й жіночого роду, особливо назв людей, родо-статевий поділ збігається. Тому для багатьох назв істот категорія роду є семантико-граматичною.

Питання про причини, первісне значення і час виникнення категорії роду в індоєвропейських, зокрема в слов'янських, мовах остаточно в мовознавчій науці ще не розв'язане. Г. Пауль вважав, наприклад, що підставою для виникнення граматичного роду є біологічна стать людей і тварин [8, 315]. На думку К. Бругмана, розрізнення статі для мови звичайного життя відчутної ролі не відіграє, відчуття роду-статі в біологічному сенсі в розподілі імен за граматичними родами нема, і останні не викликають уявлень про чоловічу або жіночу стать, а в зв'язку з цим стоїть і факт частих вагань щодо граматичного роду [11, 100—108].

За висновками О. Потєбні, смислове значення категорії роду, яка у витлумаченні К. Бругмана виступає лише змертвою оболонкою, позбавленою свого внутрішнього змісту, може і має бути виявлене, але не в мові повсякденного життя, що через швидкий рух думки взагалі не дає можливості зупинитися на значенні граматичних форм, а в мові поетичній, де «мислі надана можливість на ньо-

му зосередитись». О. Потєбня показує, як у словах, нейтральних відносно роду, поетична творчість виробляє потрібні розрізнення статі. Виникнення граматичного роду О. Потєбня відносить до первісної стадії творення мови [9, 607—617].

На думку ж А. Мейє, граматичний рід для індоєвропейських мов є категорією новою, якій передував поділ імен на назви осіб (майбутній чоловічий і жіночий рід) і назви речей (майбутній середній рід) [5, 205—207]. Т. Дегтярьова вважає, що основою виникнення граматичної категорії роду в індоєвропейських мовах була не категорія осіб і предметів, а категорія ергативності, в межах якої провідне місце посіли згодом назви осіб [1, 102—103].

Л. Якубинський, аналізуючи проблему виникнення категорії роду в слов'янських мовах, прийшов до висновку, що саме із розрізнювання первісних двох родів — особового, соціально активного, і речового, соціально пасивного, через стадію анімістичного світосприйняття, шляхом поступового розвитку в межах особових назв чоловічого та жіночого родів витворюється система трьох родових класів, що визначають і формують основні типи відмінювання іменників [10, 167—169].

В еволюції категорії роду в слов'янських мовах у межах назв осіб, тварин та предметів виявляються справді деякі характерні особливості. У назвах осіб вживання чоловічого чи жіночого роду, за поодинокими винятками, вмотивоване; родово-статевий поділ виділяється чітко, послідовно; кількість вагань незначна, наявна співвідносність утворень чоловічого і жіночого роду, назви середнього роду у назвах осіб емоціонально забарвлені, для вираження статевих відмінностей широко використовується суплєція, інші словотворчі засоби.

У назвах тварин вживання чоловічого чи жіночого роду вмотивовані меншою мірою, родо-статевий поділ навіть у назвах свійських тварин виступає менш послідовно; виразно виявляються залишки поділу іменників не за родо-статевими, а за віковими відмінностями, співвідносність утворень чоловічого і жіночого роду більш обмежена; суплєція, інші словотворчі засоби для вираження статевих відмінностей використовуються вужче.

У назвах предметів, явищ, процесів, понять уживання системи родових класів умотивоване найменшою мірою, наявна більша кількість вагань, наявні випадки використання родових форм для розрізнювання смислу слів, відсутня, зокрема в іменниках середнього роду, співвідносність з іменниками чоловічого та жіночого роду; суплєція, інші словотворчі засоби для вираження родових відмінностей майже не використовуються.

Таким чином, у системі родових класів слов'янських мов є відкладення різних епох, єдиного провідного принципу поділу іменників за родами на протязі всієї історії слов'янських мов не було, і саме це й справляє враження хаотичності, хоч насправді саме ця хаотичність є відбиттям тривалого, зумовленого різними факторами процесу, який остаточно не завершився до наших днів.

Отже, дослідження Д. М. Овсянико-Куликовського з порівняльного мовознавства, зокрема з історичної морфології, не втратили своєї актуальності і знайшли продовження в працях сучасних мовознавців.

УМОВНІ СКОРОЧЕННЯ

Син. — Синописис. — К., 1680.; Синописис. — СПб., 1768.

УЛ — Українська література XVII ст. / Упор. В. І. Кречетень. — К., 1987. — С. 167—183.

ЛІТЕРАТУРА

1. Дегтярева Т. А. Пути развития современной лингвистики. — М., 1961.
2. Історія української мови. Морфологія / С.П. Бевзенко, А. П. Грищенко, Т. В. Лукінова та ін.— К., 1978.
3. Керницький І. М. Система словозміни в українській мові.— К., 1967.
4. Матвіяс І. Г. Іменник в українській мові.— К., 1974.
5. Мейе А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков. — М.-Л., 1938.
6. Овсянико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка.— СПб., 1902.
7. Овсянико-Куликовский Д. Н. Введение в сравнительное языкознание.— Харьков, 1892.
8. Пауль Г. Принципы истории языка / Пер. с немецкого под ред. А. А. Холодовича; вступит. статья С. Д. Кацнельсона.— М., 1960.
9. Потебня А. А. Из записок по русской грамматике.— Харьков, 1889.— Т. 3.
11. Якубинский Л. П. История древнерусского языка. — М., 1953.
11. Brugman K. Das Nominalgeschlecht in der Indogermanischen Sprachen // Internationale Zeitschrift für vergl. Sprachwissenschaft.— IV, 1. Нр.— С. 100—108.

Н. Г. КОРЖ

«ЛЕКСИКОН ЛАТИНСКИЙ» ЕПИФАНИЯ СЛАВИНЕЦКОГО КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЛАТИНСКОГО, ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ

В Харьковском университете по традиции, установленной такими известными филологами, как А. А. Потебня, И. Я. Кронеберг, Д. Н. Овсянико-Куликовский, И. В. Нетушил, проблемы, связанные с изучением классической филологии, ее роли и значения в становлении отечественной культуры, постоянно привлекают внимание гуманитариев разных поколений. Изучение «Лексико-

на латинского» Епифания Славинецкого, несомненно, входит в курс этих проблем.

Институт языкознания АН УССР в 1975 году в серии «Пам'ятки української мови XVII ст.» опубликовал «Лексикон латинский» Е. Славинецкого. Публикацию подготовил В.В. Нимчук [3]. Однако изданный словарь до сих пор не привлек внимания исследователей — ни славистов, ни филологов-классиков. Между тем собранная в нем лексика как латинская, так и «словенская», дает весьма богатый материал для их изучения.

Ознакомление с латинским словником и его переводной частью свидетельствует о высокой научной ценности этого лексикографического труда. Е. Славинецкий учел опыт своих предшественников — неизвестного автора рукописного «Лексиса с толкованием словенских слов просто» (*sine anno*), где зафиксировано 897 слов; Лаврентия Зизания, «Лексис» которого включал 1061 слово (1596 г.). Из «Лексикона» Памвы Беринды (1627 г.), содержащего 6982 лексические единицы, Е. Славинецкий в своей работе использовал его принципы составления словника и толкования отдельных слов. Из «Лексикона латинского» видно, что его автор знал также латино-польско-греческий словарь известного польского лексикографа Грегора Кнапского (1626 г.), к которому Е. Славинецкий обращался при толковании наименований фауны, флоры, реалий, далеких от истории, науки, культуры, быта Украины.

«Лексикон латинский» Е. Славинецкого был значительным шагом вперед в отечественной лексикографии. Зафиксированные в нем 27 тысяч латинских слов не только переведены одним или несколькими синонимическими словами, но и по мере необходимости снабжены толкованиями описательного или энциклопедического характера.

Словник для своего «Лексикона латинского» Е. Славинецкий взял из популярного и авторитетного в Европе латинского словаря видного итальянского лексикографа эпохи Возрождения А. Калепина (*Calerpinus*, 1435—1511). Изданный впервые в 1502 г., этот словарь на протяжении XVI—XVII веков много раз переиздавался, и от издания к изданию в нем постепенно вытеснялись объяснения на латинском языке, заменяясь объяснениями на разных европейских языках, дойдя в переводной части до одиннадцатязычного. С. Брайловский, говоря об этом словаре, подчеркивает, что он был составлен по произведениям многих авторов «со ссылками на оныя», что «в нем объяснены не только ... [те слова], что способствуют к познанию поэтов и ораторов, но и медицинские, философские и учителей церковного слова, довольно ученым и изящным образом; и объясненные поставил в более истинном смысле, чем в некоторых других подобных кодексах. Чем ученым и неученым доставил изрядное пособие» [1, 80]. Е. Славинецкий уменьшил объем оригинала, сократив его содержание. Он опустил ссылки на авторов, исключил перевод

из других языков и сделал из многоязычного словаря краткий латино-словенский. Поэтому исследователи наследия Е. Славинецкого правильно называют этот его философский труд не переводом словаря Калепина, а переделкой.

Причины, побудившие иеромонаха Е. Славинецкого взяться за столь тяжкий и кропотливый труд, были весомы и серьезны. Со второй половины XVI века после Люблинской унии (1569 г.) в связи с присоединением западных украинских земель к Польше латинский язык как язык государственных учреждений Речи Посполитой, как язык католической церкви, науки и школ стал активно внедряться во все сферы общественной и духовной жизни этого региона Украины, где отношение к латинскому языку не было однозначным и постоянным. Вначале он воспринимался как средство усиления национального и религиозного гнета, а к середине XVII века священнослужители, деятели культуры и государственные деятели стали с пониманием относиться к латинскому языку как языку европейской науки, культуры, дипломатии и активнее его использовать в государственных учреждениях, в системе образования, на нем писались акты, универсалы, теоретические трактаты, произведения художественной литературы (М. Довгалецкий, И. Некрашевич), религиозная литература [2, 161].

Эти обстоятельства и побудили иеромонаха Е. Славинецкого, ставшего преподавателем церковнославянского и древних классических языков в Киевской братской школе (1642—1649), составить латинский словарь, в котором нуждались как учащиеся, так и переводчики античных авторов, к произведениям которых в это время значительно возрос интерес.

О латинском языке этого периода Леонардо Ольшки сказал, что это неисследованная область, что «он образуется из соединения восходящей к отцам церкви схоластически-церковной латыни с античными, гуманистическими и народными элементами. Это огромное обогащение словаря, оборотов речи и способов выражения мыслей делает его мировым языком в самом широком смысле этого слова. Он соединяет в себе все элементы духовной жизни Европы, он создан из римских, греческих, испанских, германских, французских, итальянских, арабских, может быть, и других элементов и стал общим языком...» [5, 45].

Исходя из той роли, какую латынь стала играть в культуре XVI—XVII веков у славянских народов, она пополнилась еще польскими, русскими и украинскими элементами.

Объем реестра, его полнота, отбор латинских лексических единиц, принципы их перевода и толкования на церковнославянском языке во многом определялись эрудицией, широтой филологической образованности автора «Лексикона латинского». Сведений о жизни Е. Славинецкого дошло до нас мало, но и то немногое, что сохранилось, а также его многочисленные труды, оригинальные и переводные, свидетельствуют, что это был «муж ученейший

в философии и теологии», «...пользовавшийся у современников почти беспримерным уважением. Ученые труды его, в особенности словари, стоят внимательного рассмотрения» [6, 71]. Сведения о Е. Славинецком дореволюционных исследователей отечественной культуры XVI—XVII веков (Е. Болховитинова, В. Певницкого, И. Ротара, К. Харламповича, П. Житецкого, В. Ягича, А. Соболевского и др.) синтезировал в обстоятельной вступительной статье к изданию «Лексикона...» В. Нимчук [4, 5—58]. Из исследований названных авторов, а также из трудов самого Е. Славинецкого видно, что это был блестяще образованный иеромонах, владеющий несколькими языками, в том числе эллинским и латинским. Образование он получил в Киевской братской школе и за рубежом.

К середине XVII ст. латынь так активно вошла в культуру и религию Украины, что она потеснила древнегреческий и стала языком не только изучения, но и обучения во Львовской и Киевской братских школах, что во многом способствовало повышению интереса к античной культуре в целом. Созданный в это время Е. Славинецким (1642 г.) «Лексикон латинский» стал серьезным пособием для учащихся братских школ, переводчиков, для всех, кому необходимо было знание латинского языка. Этот словарь превысил уровень учебного пособия, что подтверждается распространением его списков на Украине, в России и за рубежом. Протограф словаря не найден, найдены 11 списков, все они достаточно хорошо изучены, сверены, и это убедительно подтверждает, что все они являются копиями «Лексикона латинского» Е. Славинецкого (С. Строев, А. Чудинов, П. Мартынов, С. Маслов, В. Погорелов, М. Петровский, В. Нимчук).

О том, как восприняли этот словарь современники и ближайшие потомки, можно судить по таким фактам, как просьба архиепископа Московского и всея Руси Адриана и новгородского митрополита Иова о его издании. Просьба адресовалась самому царю. Словари Е. Славинецкого (он был составителем еще и греко-славяно-латинского, филологического словаря, а также соавтором словенно-латинского) хранились в библиотеках, как раритет в специальных резных с позолотой ящиках. «Лексикон латинский» для своего времени, безусловно, имел большое практическое значение и долго не утрачивал своей научной ценности.

Для своего словаря Е. Славинецкий избрал гнездовой принцип построения. Структура гнезд различная, главной корневой лексемой чаще всего выступает в нем глагол или существительное, за которыми в свободном порядке идут производные от них слова — причастия, прилагательные, отглагольные существительные, наречия.

⁴ Не имея возможности в рамках небольшой статьи отметить различные аспекты «Лексикона латинского» Е. Славинецкого, остановимся на некоторых тематических группах как латинской лексики, так и ее церковнославянских соответствий, что дает возможность увидеть, во-первых, богатство церковнославянского языка, позволяющее в большинстве случаев идентично

передать латинскую лексику, во-вторых, трансформацию, переосмысление ряда латинских слов классического периода, связанные с их многовековой историей и употреблением, в-третьих, обращение составителя «Лексикона...» к живому разговорному языку, когда он не находил соответствующих средств в церковнославянском языке. Таким образом, зафиксированные в словаре языковые элементы из разговорной речи являются ценным источником для изучения исторических корней современного русского и украинского языков. В переводной части встречаются также элементы польского и белорусского языков.

Ознакомление с тематическим аспектом словаря во многом раскрывает уровень общественно-политической, социально-экономической жизни общества в XVII веке, знакомит с развитием науки, культуры, а также с системой воспитания, обучения, быта.

Зафиксированная в словаре социально-политическая лексика свидетельствует об имущественном и правовом расслоении украинского общества XVII века. Наименования должностных и сословных лиц и представителей низших слоев населения дают представление о социальной структуре общества, о существующем в нем социальном неравенстве: *demansum*, *оброк*; *hebiones*, *нищи(ї)*; *magnes,tis*; *магнат*; *rustic(us)*, *хлон*, *се(л)ник*; *tyrannus*, *мучите(л)*, *томите(л)* и др.

Религиозная лексика представлена в словаре в большом количестве, она отображает культовые обряды, религиозные верования, понятия теологии, различные ранги священнослужителей, церковную утварь и т.п. *Baptismus*, *крещение*; *ara*, *о(л)та(р)*, *прибежеще*; *ha(e)resis*, *е(р)е(с)*; *ha(e)rectius*, *е(р)етик*; *orthodoxia*, *православие*; *synagoga*, *синагога*, *со(н)мище* и др.

Научная терминология охватывает различные отрасли знаний: зоологию, ботанику, математику, философию, богословие, искусство, медицину и др.

Для зафиксированного в словаре весьма значительного количества научных терминов и номенклатуры из различных отраслей знаний Е. Славинецкий нередко не находил соответствий в церковнославянском языке, поэтому он оставлял их без перевода, но к ним, как правило, давал комментарий. Перевод лексем одного семантического ряда латинских ботанических, зоологических терминов одним наименованием свидетельствует или об отсутствии соответствующих терминов в церковнославянском языке или об обобщенном восприятии автором словаря одного рода или вида растений, животных, рыб и птиц: *acca*, *крава*; *paraver*, *palarium*, *rheos,dis*, *mecaphroditon*, *мак*; *satyra*, *сти(х) поетиче(с)ки(ї) укори(з)не(н)*.

Производственная лексика характеризует разнообразие производственной деятельности, в которой главенствующая роль принадлежит сельскохозяйственному труду, что подтверждается большим количеством слов, обозначающих соответствующий род занятий, орудия и место труда: *figulus*, *го(н)чар*, *скуде(л)ник*; *messor*, *жнец*; *emptor*, *куне(ц)*; *fra(e)num*, *узда*.

Бытовая лексика в «Лексиконе...» представлена широко. Однако и здесь синонимика латинского языка иногда сужается в переводной части. Е. Славинецкий различные лексемы одного семантического ряда переводит одним словом, которым фиксируется основная функция, качество или предназначение предмета, что ведет к игнорированию разнообразия обозначенных предметов. Очевидно, это связано с отсутствием вариантности данных предметов в реальной действительности. Речь идет о таких лексемах, как *веретено, решето, сеть, мука, воз, хлеб, борона, серп* и др., которые автор словаря переводит наименованиями общего характера. Так, например, почти все латинские лексемы, обозначающие средства передвижения, переводятся — *воз, колесница, лодия*. То же самое можно сказать и о некоторых других синонимических рядах.

Все латинские лексемы, обозначающие море — *mare, pelagus, pontus, fretum, aequor*, — почти без каких-либо замечаний переводятся словом *море*.

В целом же рассмотрение «Лексикона латинского» показывает, что его автор, как правило, находил в церковнославянском языке средства для передачи самой разнообразной латинской лексики. Как педагог, а в силу этого и просветитель, он в целях большей доступности прибегал в переводной части иногда к обобщениям или средствам живого разговорного языка. Поэтому в «Словаре...» зафиксировано много лексики из польского (*хлоп, круль, барзо, естем, жолнер, блато, крава, броня, срока*), украинского (*рада, ялина, хороба, орач, спеваю, стрельцы, козаки, бориц, качка, капелюш, вапно, навик, папир, жито, став, вага, ополонок, кат, папуга, стайня, смуток*) и русского (*калач, изба, гусль, рожь, девица, невеста, ветхий, одежда, чаша*) языков.

Все сказанное позволяет утверждать, что «Лексикон латинский» Е. Славинецкого был и до сих пор остается богатым источником для изучения как латинского, так и восточнославянских языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Брайловский С.* О словаре Амвросия Калепина (Из бумаг Ундольского) // Русский филологический вестник. — 1892. — Т. XXVII. — № 1.
2. *Житецкий П.* Очерк литературной истории малорусского наречия в XVII веке. — К., 1889.
3. Лексикон латинский Е. Славинецкого // Лексикон Е. Славинецкого та А. Корецького-Становського. — К., 1973. — С. 59—420.
4. *Німчук В.* «Лексикон латинський» та «Лексикон славено-латинський» і їх місце в історії старої української лексикографії // Лексикон. Лексикони Е. Славинецкого та А. Корецького-Становського. — К., 1973. — С. 5—58.
5. *Олышки Леонардо.* История научной литературы на новых языках. — М.-Л., 1934. — Т. 2.
6. *Ундольский В.* Ученые труды Епифания Славинецкого // Чтения в императорском обществе Истории и древностей российских при Московском Университете. — 1846. — № 4.

ЛОГИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ В РАБОТАХ Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО И ПРИНЦИПЫ СОВРЕМЕННОЙ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Н. Н. АРВАТ

ЗНАЧЕНИЕ ТРУДОВ Д. Н. ОВСЯНИКО- КУЛИКОВСКОГО ПО СИНТАКСИСУ

Профессор Д. Н. Овсянико-Куликовский был одним из ярких последователей учения А. А. Потебни о связи языка и мышления, изложенного в его трудах «Мысль и язык», «Из записок по русской грамматике». Развивая свои взгляды на отношения языка и мышления в дискуссии с логико-грамматической концепцией Ф. И. Буслаева («Опыт исторической грамматики русского языка», ч. I, II, М., 1858) и отмечая ограниченность этого направления в объяснении явлений языка, А. А. Потебня создал свою концепцию, которая явилась выражением нового, психологического направления в лингвистике. А. А. Потебня выдвинул два основных принципа понимания и исследования синтаксических явлений: принцип историзма в осмыслении синтаксической системы современного языка и принцип структурной взаимосвязи всех грамматических категорий: слова, части речи, члена предложения и предложения [2, 333]. Конкретный языковой материал ученый подчинял вопросам общего характера (развитие глагольности в предложении, тенденция к дифференцированности членов предложения и др.). Он стремился уяснить пути развития определенных категорий, поставить языковые явления в причинно-следственную связь. Эти идеи были особенно плодотворны в деле описания грамматической системы славянских языков и были использованы многими учеными, в том числе и Д. Н. Овсянико-Куликовским.

Лингвистические интересы Д. Н. Овсянико-Куликовского были связаны как с проблемами общего характера (язык и мышление) сравнительного языкознания, так и с вопросами развития и строения синтаксической системы русского языка. Синтаксическая концепция ученого изложена в основном в его

трудах «Синтаксические наблюдения» (СПб, 1899 г.); «Из синтаксических наблюдений. К вопросу о классификации бессубъектных предложений» (Известия ОРЯС Импер. АН, 1900, т. 5, кн. 4); «Синтаксис русского языка» (СПб, 1902); «Руководство к изучению синтаксиса русского языка» (СПб, 1907). Наиболее полно синтаксические взгляды Д. Н. Овсянико-Куликовского отражены в книге «Синтаксис русского языка», которую автор рассматривал как «попытку общедоступного изложения научного синтаксиса русского языка [4, 111]. В основу положена система Потебни, изложение построено на принципах историзма. Автор ставил перед собой две задачи: «1) дать публике книгу, по которой всякий образованный человек мог бы ознакомиться с основами наукообразного (выделено автором.— Н. А.) синтаксиса общерусского языка, и 2) попытаться проложить дорогу наукообразному синтаксису родного языка в школу» [4]. Автор намеревался выпустить пособие для школы (сняв исторические комментарии), снабдить его синтаксической хрестоматией и «образчиками синтаксического разбора». С позиций поставленных задач мы попытаемся рассмотреть значение указанного труда, в который вошли и предыдущие «наблюдения...».

Прежде всего необходимо отметить, что историческая основа рассмотрения современных форм языка во многом помогает раскрытию изменений не только самих форм, но и их функций в речи или, по словам Д. Н. Овсянико-Куликовского, в «синтаксическом употреблении». Принцип историзма использован автором при описании лексико-грамматического выражения всех членов предложения, особенно подробно в отношении сказуемого. Данные в книге исторические комментарии сами по себе представляют интерес и могут быть рассмотрены отдельно.

Будучи не только сторонником, но и пропагандистом психологического направления в филологии (что можно определить по содержанию его языковедческих и литературоведческих работ), Д. Н. Овсянико-Куликовский все языковые категории объясняет с позиций психологически понимаемого речемыслительного процесса, его ступеней. Автор определяет *синтаксис* как «часть грамматики, занимающуюся изучением употребления слов и их сочетаний в процессах речи-мысли» [4, 1]. Синтаксическое употребление слов он трактует как «речемыслительный процесс (речемыслительная работа) превращения слов в синтаксическую форму, т.е. в часть предложения» [4, 6]. При этом подчеркивается, что до синтаксического употребления слова обладают своей системой форм, которые реализуются в процессе речи-мысли благодаря синтаксическим связям согласования, управления, предикцирования. Последние связаны с «умственным ощущением подлинной зависимости одного слова от другого или отсутствием такового» [4, 10]. Из них наиболее сознательным (т.е. что корректируется мыслью) является «ощущение, сопутствующее акту грамматического предикцирования» [4, 26]. Реализация такого

акта принимает форму предложения. Отметим, что термин «речемыслительный процесс» давно вошел в психолингвистику, а объяснения этапов этого процесса во многом совпадают с современными психолингвистическими комментариями. «Грамматическое предсказывание — это процесс мысли, состоящий в том, что предсказывание, существующее вне языка, апперципируется известною грамматическою формою, в результате чего является своеобразная переработка этого акта, выражающаяся в создании особых синтаксических форм сказуемости и в образовании грамматического предложения как особой формы мышления, отличной от суждения психологического (до-язычного) и логического (надязычного)» [4, 29]. Практически предсказывание выражается в особой связи сказуемого с подлежащим, которую ученый назвал координацией (в отличие от согласования), и прежде всего в координации в форме лица.

В своей книге Д. Н. Овсяннико-Куликовский подробно описывает структуру простого предложения (в основном), выражение каждого члена предложения и его синтаксической связи. Вслед за Потемной он ставит в основу предложения глагол (сказуемое). «Предложение — есть такое слово или такое упорядоченное сочетание слов, которое сопряжено с особым движением мысли, известным под именем предсказывания (сказуемости)» [4, 50]. Случай формального отсутствия глагола в предложении ученый объясняет подобно современной теории синтаксической парадигмы, называя это «этапами грамматического мышления».

Автор подразделяет все члены предложения на главные и второстепенные (по традиции), обосновывает ведущую форму выражения каждого из них, исходя из значений предмета, атрибута, обстоятельства. Ход рассуждений примерно таков: действие имеет своего деятеля (лица), деятель же являет вид предмета, предмет выражается существительным, значит, подлежащее (деятель) выражается прежде всего существительным.

Выражение сказуемого Д. Н. Овсяннико-Куликовский связывает с глаголом, причастием и деепричастием, признает и составные формы, включающие имя, при котором обязательно должен быть глагол (связка). В настоящее время обязательность глагольной связки в именном сказуемом доказывается парадигмой предложения. Здесь же раскрывается эволюция причастий и деепричастий, их переход в «предикативное определение» и «предикативное обстоятельство», а с последующим ослаблением предикативности — в определение и обстоятельство.

Интересно рассмотрение подлежащего, которое ученый характеризует с трех сторон: 1) по соответствию в лице с формами сказуемого, 2) по обозначению действующего лица, отвечающего на вопрос «кто? что?», 3) по выражению «той точки в грамматическом мышлении, к которой формально отнесено материальное содержание сказуемого» [4, 175—177]. Основным

признаком считается первый. По указанным признакам подлежащего все предложения подразделяются на субъектные и бессубъектные (в первых есть все три лица, во вторых — два: либо неопределенное, либо мнимое). В бессубъектных разграничиваются относительно-бессубъектные (с неопределенным лицом: «*В газетах пишут*», «*На всех не угодишь*») и абсолютно-бессубъектные (с мнимым лицом: «*Смеркается*», «*Тошнит*»). В основу такого разделения положена теория А. А. Потетни «об устранении подлежащего» по различным причинам (культовый запрет, неизвестность, неопределенность, отсутствие и др.). А. А. Потетня связывал процесс «устранения подлежащего» с различными этапами развития мышления, верованиями и др. Д. Н. Овсянико-Куликовский описывает эти же типы предложений без историко-психологических комментариев, сосредоточивая внимание на лексическом значении глагола и сказуемого в целом. Характерно, что по признаку степени «устраненности» лица (действия или состояния) строит свою градационную систему абсолютно-бессубъектных (безличных) предложений Л. А. Булаховский [1] (здесь отмечается все разнообразие выражения субъекта косвенными падежами и учитывается синонимия безличных предложений и личных двусоставных). То же отмечается и у Е. М. Галкиной-Федорук [3]. В современной грамматике указанное разделение простых предложений на субъектные и бессубъектные закреплено в терминах двусоставные и односоставные, а относительно-бессубъектные — односоставные личные, абсолютно-бессубъектные — безличные. Современная школьная классификация односоставных предложений отличается в ряде деталей от той, которую разработал Д. Н. Овсянико-Куликовский, но в части безличных предложений, собственно их предикативного члена, ученый дал исчерпывающий перечень. Автор выделяет также переходные формы между относительной и абсолютной бессубъектностью («*Пять лет минуло*»), которые в современной грамматике относят к двусоставным предложениям.

В описании определения, приложения, дополнения и обстоятельства учтены все существующее в языке морфологическое выражение этих «частей предложения». Здесь указаны как формы, так и их «материальное значение». В результате представлена одна из тех классификаций, которые в современной лингвистике трактуются как структурно-семантические. Д. Н. Овсянико-Куликовский обосновывает разграничение приложения и омонимичных сочинительных пар («*ангел-хранитель*» и «*путь-дорога*»), а также сочетаний, обозначающих одно целое, — «*хлеб-соль*» (пища), «*отец-мать*» (родители), что не всегда учитывается в современных пособиях по русскому языку.

В описании дополнения представлены семантические функции косвенных падежей прилагательной и приименной зависимости. Анализируя связь управления в этих сочетаниях, автор разграничивает связь, обусловленную лексическим значением глагола («*знаю это — не знаю этого*»), грамматическим (залоговым) значением глагола («*быть бычку на веревочке*», «*он всеми лю-*

бим», «мне не спится»), а также очень слабо связанные формы («приехал днем»), что впоследствии были отнесены им к примыкающим, а сами формы — к наречиям. В рассмотрении этих связей с позиции «ощущения зависимости» ученый близко подошел к разграничению сильного и слабого управления, переходящего в ряде случаев в примыкание. Последние («приехал днем») автор назвал «фиктивными» дополнениями.

Подробно описано обстоятельство со стороны грамматической формы и значения, в последнем отмечены, помимо традиционных, «социативные» («идти вместе»), а также «усилительные» (*очень, даже, чуть*), которые не всегда отмечаются в современных учебных пособиях. Исторический подход в рассмотрении обстоятельства показал постепенный переход именных форм в наречие (эти формы автор называл «фиктивными обстоятельствами-дополнениями»). Автор отмечает также особую синтаксическую связь в предложении сочетаний типа «первого июня» (родительный даты), которые впоследствии были отнесены лингвистами к детерминантам, свободно примыкающим формам («Первого июня произошла встреча»).

Помимо «частей предложения», автор уделяет внимание «частицам предложения», в которые он включает союзы, частицы и предлоги, а также средства относительного подчинения (союзные слова).

В целом труды Д. Н. Овсяннико-Куликовского по синтаксису представляют собою подробное описание синтаксической системы русского языка и исторической перспективы ее развития от древнейшего периода. Это ценный опыт совмещения истории и современности. Само описание синтаксической системы русского языка, упорядоченное соответственно возможностям изучения в старших классах гимназии, отличается глубиной освещения, широтой охвата материала (современная литература и фольклор), тонкой наблюдательностью и тщательностью. Такой «Синтаксис...» вполне мог быть адресован высшему учебному заведению. Комментарии ученого, приведенная классификация форм и значений, а также терминология отражают определенный этап поступательного развития научного языкознания. Многое в этом материале можно рассматривать как один из первых опытов структурно-семантического подхода в анализе языковых явлений. Значение этих трудов не только историческое. В них многое может почерпнуть и современный исследователь русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булаховский Л. А. Курс русского литературного языка. Ч. II.: Исторический комментарий. — К., 1953.
2. Виноградов В. В. Из истории изучения русского языка. — М., 1958.
3. Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке. — М., 1958.
4. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. — СПб., 1902.

КАТЕГОРИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В СВЕТЕ ИДЕЙ Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО

Принцип исторической изменчивости синтаксических категорий и «принцип структурной взаимосвязанности всех основных грамматических категорий — слова, части речи, члена предложения и предложения» (Виноградов), положенные А. А. Потебней в основу анализа явлений исторического синтаксиса, были развиты в лингвистических работах Д. Н. Овсянико-Куликовского. Мысль о мнимых местоимениях (man, es, on, il), теория «движения мысли прямо к сказуемому» или «перехода от категории «субстанции» к категории «процесса», от идеи материи к идее силы» [2], теория экономии умственных усилий, использованные Д. Н. Овсянико-Куликовским для объяснения причин обхода подлежащего, — это не что иное, как глубинное прозрение идей функциональной грамматики, развитых в многотомном исследовании творческого коллектива, руководимого А. В. Бондарко. Надо сказать, что в синтаксисе Д. Н. Овсянико-Куликовского мы впервые встречаемся с термином «неопределенно-личное предложение» и знакомимся со взглядами автора на сущность подобных предложений и, что особенно интересно, на причины пропуска лица (подлежащего). Выделив промежуточную разновидность «относительно-бессубъектных» предложений, в состав которых автором «Синтаксиса русского языка» включены не только собственно неопределенно-личные, но и личные, неполные и инфинитивные предложения, Д. Н. Овсянико-Куликовский подчеркивает субъективно-психологическую природу осознания текста, ибо «...сохраняется место отсутствующего подлежащего — та точка в сознании, где это подлежащее появилось бы, если бы только оно было налицо». Выделив пять лиц в относительно-бессубъектных предложениях, Д. Н. Овсянико-Куликовский, в сущности, построил теорию категории неопределенности, удачно миновав включенный позже А. А. Шахматовым компромиссный ход (из методических соображений!) — теорию односоставности/двосоставности. Можно смело утверждать, что становление учения о семантико-грамматической категории неопределенности спрогнозировано и очерчено в основных параметрах Д. Н. Овсянико-Куликовским.

Выражая неосведомленность участников/неучастников акта речи об объекте речи, неопределенность как бы налагается на основное значение субъектной позиции и несет дополнительную коммуникативно-оценочную информацию, которая в плане семного состава может быть охарактеризована следующим образом: «возможность выбора» и «неотождествленность», т.е.

«с увеличением числа элементов множества вероятность их выбора падает и растет степень неопределенности» (Кондаков).

Еще в XIX в. была отмечена неопределенная семантика местоимений (*indefinita*), «показывающих лицо или вещь общим, а не точно определенным образом, как: некто, нечто, некоторый... всякий, каждый, иной, какой-нибудь» (Барсов), а неопределенность лица-субъекта была закреплена терминологически выведением понятия неопределенно-личные предложения. Разноаспектное выявление неопределенности (лица/нелица, действия, обстоятельств) очень подробно показано в РГ-80, средства выражения иерархически выстроены как основные и неосновные, нехарактерные, подчеркнута целесообразность существования в языке разноуровневых средств выражения глобальных семантических категорий, пронизывающих все языковое устройство.

Сказанное не исключает, а предполагает существование доминанты, принадлежащей к морфологическому, синтаксическому или лексическому уровню. Так, прикрепленное к составу других значений, значение неопределенности субъекта предложения (неосведомленность участников речевого акта) может передаваться с помощью лексических, лексико-словообразовательных, лексико-синтаксических, фразеологических, морфолого-синтаксических, синтаксических и коммуникативно-актуализационных средств выражения. Например, коммуникативно-актуализационные средства: интродуктивное употребление существительных, первое знакомство с субъектом — передают собственно неопределенность объекта речи (означаемого), которая в процессе текстообразования будет ликвидирована в большей или меньшей степени. «Денотативное пространство» — мир или фрагмент мира, которому принадлежит объект, — таких введенных в текст наименований не позволяет читающему/слушающему точно соотнести их с предметом/предметами реальной действительности, потому что фиксированы только принадлежности к классу: «С обрыва Ассоль увидела, что на плоском большом камне спиной к ней сидит человек, держа в руках ее яхту, и с любопытством рассматривает ее». (А. Грин)

Функция введения нового объекта в поле зрения слушающего/читающего в этом предложении сопровождается повышением тона и тематическим употреблением. Преференциальная характеристика слова «человек» равна родовой характеристике, поэтому сужение понятия в тексте начинается уже с указания на то, как сидит человек по отношению к Ассоль, как он связан с пропавшей яхтой.

Комплексное использование средств выражения неопределенности субъекта с дальнейшей «прогрессивной нейтрализацией» этого значения с помощью указателей различных признаков, вплоть до индивидуально присущих ему, зрительно воспринимаемых свойств, можно показать в следующем тексте: «1. Не знаю, не помню, где и когда, 2. В Сибири или в Рязани, 3. Жил мальчик в простой крестьянской семье, 4. Светловолосый, с голубыми глазами».

Постепенное сужение числа элементов множества (1. Не знаю кто, где.—> 2. Не знаю точно — не уверен в месте и времени.—> 3. Неопределенность обозначаемого (рема) и сужение возможности выбора места.—> 4. Конкретизация отдельных внешних признаков) снимает для нас послойно смысловую неопределенность введенного субъекта существования для того, чтобы в конце поэмы автор мог отождествить лирического героя с собой: «Я в цилиндре стою, Никого со мной нет. Я один — и разбитое зеркало»,— где мы имеем конкретно-референтное, определенно-кратное/однократное предложение. Иными словами, субъект, введенный в текст как максимально неопределенная сущность, получил постепенное выявление признаков и черт, вплоть до отождествления с говорящим и моментом речи (пик референтности). Называя грамматическими вехами детерминации неопределенные местоимения, порядок слов и сочетания с формами винительного или родительного падежа, А. В. Бондарко в то же время отмечает, что значение неопределенности «разлито», «рассеяно» по целому ряду разнообразных языковых (в том числе и грамматических) средств русского языка: «Функционально-семантическое поле О/Н выходит далеко за пределы группировки полей с предметным ядром, будучи тесно связанным с полями качества и количества» [1].

Можно в этой связи отметить тончайшее языковое чутье протопопа Аввакума, описывающего страдания свои и людей под властью воеводы А. Пашкова: «Люди голодные, лишю станут бить, ано и умрет, и без биться насилиу человек дышать. С весны по одному мешку солоду дано на десять человек на все лето, да петь работай, никуды на промысл не ходи. И вербы, бедной, в кашу ущипать збродить — и за то палькою по лбу: “Не ходи, мужикъ, умри на работе”. Шесть сотъ человекъ было, всехъ так-то перестроилъ». [Пуст.— Ж., с. 34].

Пластичный переход неопределенности в обобщенность (исчерпанность класса предметов), а затем в частичную определенность и затекстовую единичную выявленность гения совести, страстотерпца, прошедшего босиком путь через всю Сибирь, создает неповторимый колорит «Жития», в котором роль автора-повествователя необычайно активна: это стилевая доминанта текста, более того, автор узнаваем по индивидуальной системе речевых приемов, по особой постановке авторской точки зрения. В авторском кругозоре есть больной нерв — особо повышенная чувствительность, обостренная совесть естественного, непосредственного человека, «ревнителя древнего благочестия», менталитета со-борности, со-знания, отсюда тяга к исповедальности, взрыв откровенности, виноватого смущения, отсюда скрытая оценочность текста, эмоциональные обращения к читателю, экспрессивность, конкретный способ выражения авторской позиции, эгоцентризм в оценках, прием эксплицирования «Я» на фоне коллективного образа (неопределенные или обобщенные лица), «переодевание» — смена ролей автора, усиление проповеднической интонации, оспаривание возможных аргументов противоположной

стороны (иногда в окказиональных иронических формулах), моделирование ситуации непосредственного разговора, отсюда диалог в монологе, как базовый прием стилистики Аввакума. И это все в связи с исходной недетерминированностью личного субъекта, изящно введенного автором в исход горестных размышлений о «хождении по мукам». Известная мысль Дж. Р. Серля о намерении говорящего/пишущего произвести иллюкутивный эффект на адресата в нашем случае подтверждается всем спектром использованных средств выразительности при активизации директивов и экспрессивов, при порождении парадокса, иронии, сарказма. И это все за счет прозорливого постижения семантико-стилистического потенциала соотнесенности в одном текстовом фрагменте определенности/неопределенности субъектной позиции (ср. систему относительно-бессубъектных предложений у Д. Н. Овсянико-Куликовско́го).

А. М. Пешковский позже отметит, что субъектная неопределенность — это «особая форма мышления русского человека, автор же «Синтаксиса русского языка» еще в работе 1901 года прозорливо намечает круг синтаксических разновидностей с типовым значением «несущественности субъекта», неактуальности его. Реализация левой интенции глагола при таких семантических особенностях становится излишней, она для говорящего/пишущего избыточна. А поскольку грамматическое значение множественности с обязательностью содержит семы «неопределенность», «произвольность», «неуверенность», «гипотетичность», «неясность», «неотождествляемость», «неокрашенность индивидуальным», «нечеткость», «неизвестность», каждая из которых достаточна для создания коммуникативно-стилистического эффекта неопределенности субъекта, то вполне понятен настойчивый интерес исследователей к синтаксическому феномену, обозначенному Д. Н. Овсянико-Куликовским как относительная бессубъектность (ср. внимание русской лингвистической мысли к проблеме неопределенных местоимений: А. М. Пешковский выделяет новые неопределенные местоимения (один, известный, данный, определенный); К. Е. Майтинская (1969) вводит термин «неопределенно-вопросительные» и «вопросительно-неопределенные»; В. Н. Мигирин (1973) вводит термин «указательно-неопределенные»; Л. Я. Маливицкий (1982) выделяет «неопределенно-уступительно» значение. Семантике и функционированию местоименных слов со значением неопределенности посвящена кандидатская диссертация Ю. Б. Смирнова (1985).

Специфика значения (возможности очертить смысловой инвариант) и множественность разноуровневых средств его обнаружения позволяет говорить об универсально-языковом, обобщающем характере данной категории и о ее полевой структуре. Будучи «сквозной категориально-грамматической характеристикой» высказывания, обязательным компонентом информативной стороны предложения, категория неопределенности выявляется в широком наборе разноуровневых средств и принадлежит к числу его прагматических характеристик.

Исходная неосведомленность говорящего/пишущего, отсутствие возможности выбора и вытекающие отсюда собственно неопределенные или предположительно-гипотетические параметры («приблизительность») в охвате действующего лица-субъекта (неизвестно количество, а иногда и качество) приводит к необходимости выработки в языке арсенала средств, которые объединяют, с одной стороны, интонацию и порядок слов, с другой — синтаксическую конструкцию и репертуар лексико-грамматических характеристик, при общем инвариантном значении «несущественность личного субъекта» при семе «неосведомленность участников/участников общения». Имея отражательный характер, неопределенность всегда выявляет субъективно-объективное начало в языке, показывая степень соответствия осведомленности говорящего/пишущего действительному положению дел (с одной стороны, законы мышления, с другой — ситуативные условия речи).

«...Особая форма мышления говорящего по-русски человека», имеющая богатый коммуникативный потенциал и закреплённый ареал функционирования, имеющая очерченный круг референции: генерализованная, неспецифицированная и специфицированная, неопределенная и определенная (частично), — категория неопределенности выполняет характерную для нее коммуникативно-стилистическую функцию актуализации действия, а также привлечения внимания к деятелю. Это обеспечивает ей тексто- и жанрообразующую роль, выходящую в ключевые позиции при структурировании языком текстового пространства, например, в текстах-ситуациях исполнения ритуала, обряда, обычая, постоянных действий, норм права, долга, службы, совести и т.д. В текстах Аввакума эта категория — средство выражения ценностной картины мира пишущего: подчеркнутое отчуждение неопределенного деятеля, неприятие его, эмоциональное восприятие ситуации, преобразование позиции повествователя в позицию персонажа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. — М., 1983.
2. Овсянко-Куликовский Д. Н. Из синтаксических наблюдений. К вопросу о классификации бессубъектных предложений. — СПб., 1901.

ЗМІСТ РЕЧЕННЯ І ЙОГО ФОРМАЛЬНА БУДОВА В СИНТАКСИЧНИХ ПРАЦЯХ Д. М. ОВСЯНИКО- КУЛИКОВСЬКОГО

Одним із здобутків сучасної синтаксичної теорії вважається розмежування аспектів дослідження одиниць синтаксису, передусім речення. Ці аспекти стосуються формальної будови і семантичної структури речення на докомунікативному, мовному рівні його організації, а також комунікативного рівня, спрямованого у сферу мовлення. В описах синтаксичної системи простежується прагнення розрізнити об'єкти аналізу відповідно до зазначених аспектів, а також оперувати специфічними для кожного з них поняттями і термінами. Згадані рівні організації речення набувають у працях сучасних синтаксистів статусу відносно самостійних, певною мірою незалежних один від одного. Розчленоване, диференційоване уявлення про речення дозволяє проникнути в його граматичну природу, осмислити цю одиницю синтаксису як багатоаспектне явище [1; 2].

Вивчення речення має давню традицію. Сучасний погляд на його граматичну сутність зазнав суттєвої зміни порівняно з традиційним, що був відзначений нерозчленованістю й екліктичністю. Традиційне вчення про речення будувалося на основі уявлення про те, що воно має диференційні ознаки, які одночасно визначають і його форму, і його зміст. Тому й члени речення виділялися й характеризувалися за ознаками двох типів: формальними і змістовими. Кожному члену речення надавався певний комплекс ознак, що усвідомлювались як симетричні й такі, що взаємно передбачають одна одну. Це породжувало дискусії стосовно виділення тих чи інших членів речення, змушувало орієнтуватися при аналізі на ознаки одного з типів, адже реальна мовна дійсність не відповідає існуючим уявленням, демонструвала невідповідність, асиметричність формальних і змістових ознак.

Сучасний синтаксис долає наявні в традиційній теорії вияви логічної непослідовності, вносить корективи щодо виділення синтаксичних одиниць і визначення їх функцій. Так, у супереч положенням традиційної синтаксичної теорії, відповідно до яких головні й другорядні члени речення розрізняються за комплексом ознак, у сучасних синтаксичних описах розподіл членів речення на головні й другорядні здійснюється лише за формальною ознакою — такою, як входження або невходження до предикативної основи речення — до того мінімуму, що є достатнім, щоб речення було граматично оформленою предикативною одиницею. Сучасного осмислення здобула також теорія другоряд-

них членів речення. У визначенні другорядних членів, а також у практиці їх виділення синтаксисти минулого виходили з комплексу ознак різної природи — формальних і семантичних, що застосовувалися одночасно. Склад цих комплексів і значущість кожної з ознак різні вчені визначали по-різному, що й зумовлювало розбіжності в тлумаченні тих чи інших другорядних членів речення.

Нерозчленованість уявлення про диференціальні ознаки речення як синтаксичної одиниці виявила себе й у вченні про його типи. У синтаксичній науці минулого було створено класифікацію, що виходила з кількох принципів, які стосувалися формальної, змістової й комунікативної організації речення.

Відзначаючи певну недосконалість описів речення в синтаксичній традиції, пов'язану з недиференційованим поглядом на нього, разом із тим слід зауважити, що властиве сучасним дослідженням розмежування таких рівнів організації речення, як формальний і семантичний, звернення до його змісту як до самостійного об'єкта аналізу, далеко не завжди симетричного формальній будові, не становлять принципово нового підходу в науці.

Відомо, що синтаксисти кінця XIX ст., такі як А. Дмитревський, В. Сланський та ін., усвідомлювали, що зміст речення являє собою явище своєрідне і лише опосередковано пов'язане з типом його формальної будови. Звідси й судження А. Дмитревського про речення як «форму думки», а також положення В. Сланського про необхідність введення до синтаксичного опису поняття «членів змісту».

Певну невідповідність синтаксичного опису речення тогочасному ідеалу, що передбачав звернення до змісту речення лише у зв'язку з типом його структури, спостерігаємо також у синтаксичній спадщині видатного вченого межі XIX—XX ст. Д. М. Овсяніко-Куликовського. В аналізі синтаксичних одиниць російської мови автор керується відчуттям відсутності цілковитої відповідальності між змістовими категоріями і категоріями формальними. Особливо виразно це відчуття виявляє себе в аналізі так званих безсуб'єктних речень, а саме речень безособових і неозначно-особових, в організації яких асиметричність формального і семантичного рівнів представлено досить широко.

Виходячи з потреби встановити принципи класифікації безсуб'єктних речень, Д. М. Овсяніко-Куликовський усвідомлює, що не класифікація як така становить наукову цінність — вона послуговує вихідним пунктом подальшого дослідження речення.

Головним із засвоєних автором поглядів на завдання наукового синтаксису є той, що «в реченні необхідно розрізнити 1) його матеріальний зміст — його смисл (те, що сказано); 2) його синтаксичну форму (те, як сказано — в смислі граматичному)» [5, 2]. Представник психологічного напрямку в мовознавстві, Д. М. Овсяніко-Куликовський, аналізуючи безсуб'єктні речення, розглядає їх у кількох площинах: 1) у площині відображуваного мовцем пев-

ного фрагмента об'єктивної дійсності; 2) у площині психологічного сприйняття цього фрагмента мовцем (відповідно до його попереднього досвіду або психічного стану), тобто формування певної думки, яка так чи інакше інтерпретує дійсність; 3) у площині «психологічного процесу — апперцепції цього змісту відомими синтаксичними категоріями» [4, 1].

Такий хід аналізу цілком відповідає сучасному, який вимагає розмежування денотативного рівня організації речення (структури відображуваної в реченні ситуації), семантичного, опис якого здійснюється за допомогою поняття пропозиції — певної моделі ситуації дійсності, а також рівня формального, організацію якого відображає структурна схема речення.

Зрозуміло, що тогочасний стан синтаксичної науки не дозволив вченому свідомо рухатися в різних рівнях аналізу, позначаючи перехід від одного до іншого зміною понять і термінів. Уживання тих самих термінів на позначення принципово різних понять, що належать різним площинам аналізу, дещо утруднюють сприймання авторської думки, разом із тим пафос його суджень цілком зрозумілий сучасному читачеві. Аналізуючи характер співвіднесеності «матеріального змісту» і «синтаксичної форми», Д. М. Овсянико-Куликовський користується поняттям ступеня безсуб'єктності. Автор виходить із того, що в інтелектуальній моделі певного фрагмента дійсності (саме він відображений в односкладному реченні) «висвітлюється» лише присудок (тобто зміст, виражений присудком), а «той пункт у граматичній думці, де повинен би бути підмет, лишається темним, невиявленим». При цьому зазначається, що пункт знаходження підмета може бути зовсім відсутнім, а може бути таким, що відновлюється. У першому випадку йдеться про абсолютно-безсуб'єктні речення, у другому — про відносно-безсуб'єктні. Як приклад абсолютно-безсуб'єктних речень Д. М. Овсянико-Куликовський наводить речення типу «Дождит», «Светает», тобто речення, граматична безсуб'єктність (відсутність підмета) яких спричинена характером відображуваної мовцем ситуації: йдеться про явища, несумісні з уявленням про діяча, про активного суб'єкта.

Що ж до відносно-суб'єктних речень, то вчений наводить приклад з І. С. Тургенева (приклад став хрестоматійним): «И представьте вы себе, господа: только что я задул свечу, завозилось у меня под кроватью! Думаю: крыса? Нет, не крыса, скребет, возится, чешется... Наконец, ушами захопало!».

І ставить питання: суб'єктне це речення чи безсуб'єктне? Щоб адекватно визначити своєрідність таких односкладних речень, автор зіставляє різні його аспекти: денотативний (відповідність певній ситуації дійсності), семантичний (рівень формування думки — психологічного судження) і формальний (відображення судження в синтаксичній структурі). На денотативному рівні суб'єкт («производитель признаков») існує, хоча й відсутній в граматичній структурі (підмета немає). Що ж до рівня сприйняття й моделювання цієї

дійсності мовцем (формування психологічного судження, пропозиції), то автор зауважує, що «пункт цей у думці мовця існує і навіть прагне проникнути в свідомість. Він темний, але вся цікавість фрази в тому-то й полягає, щоб цей пункт висвітлити. Підмета немає, але його шукають. Його шукають так наполегливо, що замінити його словами типу «щось», «воно» не задовольнило б. Хочуть знати достеменно, хто він такий — цей діяч, шукають його імені, його граматичної кваліфікації» [5, 9]. У цьому детальному й надзвичайно тонкому авторському аналізі виходить назовні думка про те, що безособова синтаксична структура, головна ознака якої — відсутність підмета, може послугувати специфічному відображенню дійсності в свідомості, а саме вказувати на те, що реальний суб'єкт — істота, ідентифікувати яку мовець прагне. Отже, реальному діячеві відповідає семантичний суб'єкт — неідентифікований діяч, на що й вказує відсутність підмета (граматичного суб'єкта) при дієслові — назві дії, що передбачає виконавця.

Показове в цьому контексті зауваження автора, яким він завершує аналіз розглянутого різновиду безсуб'єктних речень: «У цьому русі думки в бік невідомого підмета треба розрізнити момент синтаксичний і момент матеріального змісту» [5, 9].

У світлі цього судження цілком зрозуміло, що має на увазі автор, коли характеризує явище безсуб'єктності — абсолютної й відносної — у такий спосіб: «Підмет у безсуб'єктних реченнях не апперцепований граматично, або ж його граматична апперцепція є неповною, незавершеною» [5, 1]. Йдеться про речення, у семантичній структурі яких суб'єкт відсутній, і про речення, семантичний суб'єкт яких, не будучи вираженим граматичним суб'єктом — підметом, набуває значення неідентифікованого діяча.

Становить науковий інтерес також зіставлення абсолютно-безсуб'єктних (у термінології автора) речень із відповідними двоскладними реченнями, а саме таких речень, як «Дождит» і «Дождь идет». Порівняно з «Дождит» речення «Дождь идет» являє собою асиметричну структуру: формальна будова його двоскладна — вона містить підмет і присудок, однак у семантичній структурі суб'єкт відсутній, як відсутній він у реальній дійсності (йдеться про явище, не сумісне з уявленням про активного діяча, виконавця дії). Речення в цілому (підмет разом із присудком) є вираженням семантичного предиката, який співвідноситься з певним природним явищем. Хоча цю думку й не сформульовано в працях вченого, вона імпліцитно присутня в такій його репліці: «Дождь идет» не доводить, що в безсуб'єктних реченнях зберігається пункт підмета» [5, 8].

Поняття ступеня безсуб'єктності, зміст якого становить виявлення співвіднесеності реального, семантичного (психологічного) й граматичного суб'єктів, було застосовано Д. М. Овсяннико-Куликовським для розрізнення безособових і неозначено-особових речень.

Аналізуючи неозначено-особові речення, вчений указує на відсутність у їх синтаксичній структурі підмета, однак зауважує: «... не можна сказати, щоб вони були зовсім без підмета: він по суті є, але ж лишається невираженим, виявленим у свідомості, де зберігається лише місце для нього» [4, 182]. Отже, неозначено-особові речення вчений протиставляє безособовим за ознакою «відносна безсуб'єктність» — «абсолютна безсуб'єктність»: у безособових реченнях «не тільки відсутній підмет, а немає й думки про нього, немає самої можливості його. Той пункт у свідомості, в якому він міг би виявлятися, тут уже не існує» [4, 182].

Характерно, що автор зіставляє неозначено-особові речення з їх двоскладними відповідниками («говорять» — «усі говорять»), акцентуючи увагу на тому, що, збігаючись на рівні денотативному, вони по-різному інтерпретують дійсність, мають різну граматичну будову. Так, стосовно неозначено-особових речень вчений зауважує, що питання *хто? що?* тут можливе, однак воно сюди «не підходить»: «питати про «говорять» *хто?* рівнозначно вимозі замінити зворот іншим, суб'єктним» [4, 182]. Отже, неозначено-особові речення протистоять в уявленні автора двоскладним як речення асиметричної будови: реальний суб'єкт, як і суб'єкт семантичний, не втілений у підметі — суб'єкти граматичному, що й послуговує його неозначеній інтерпретації.

Факти асиметрії форми і змісту речення постійно в полі зору Д. М. Овсяннико-Куликовського, автора синтаксичних праць. Один із яскравих виявів відносної самостійності кожного з рівнів організації речення — обрані вченим для аналізу двоскладні речення з формалізованим підметом — вказівним займенником типу «*воно* сьому правда», «*воно* так». «Під білою березою козаченьку вбито. — *Ено* его вбито да закинуто в жито», а також приклад із М. В. Гоголя: «*Оно*, конечно, домашним хозяйством заводится всякому похвально» (приклади взяті Д. М. Овсяннико-Куликовським у О. О. Потебні). Автор називає займенники в позиції підмета «псевдозайменниками», а сам підмет у складі цих речень — «уявним» підметом, тобто таким, який не має відповідника ні на денотативному, ні на семантичному рівні. Уживання ж псевдозайменника «*воно*» й граматичне оформлення речення як уявно двоскладного має, на думку автора, певний семантичний ефект: псевдозайменники «роблять у певному сенсі велику справу — абсолютно непомітно, необтяжливо для свідомості», «своєю формою середнього роду псевдозайменники рішуче заперечують підмет як діяча» [5, 22]. Заслуговує на увагу зауваження вченого стосовно того, що дієслово в безсуб'єктних реченнях так само заперечує діяча — завдяки «фіктивній» формі середнього роду: «Светало».

Уміння розмежувати в організації речення принципово різні рівні, а також співвіднести їх один з одним, щоб краще усвідомити певне реченнєве явище, повною мірою виявляє себе в здійсненому автором аналізі двосклад-

них речень — пасивних зворотів, тобто «форм, схильних до применшення ролі підмета, що підривають граматичний інтерес до нього» [5, 36].

Учений розглядає пасивні конструкції, в яких по-різному співвіднесені рівні, які в сучасних описах позначаються як денотативний, семантичний і формально-синтаксичний. Передусім це безумовно асиметричні конструкції типу «Кімната прибирається мною щодня», де граматичному суб'єкту-підмету («кімната») відповідає семантичний об'єкт, тоді як семантичний суб'єкт дії виражений додатком («мною»).

Однак дослідник спеціально не зупиняється на аналізі таких прозорих прикладів асиметрії. Його увагу привертають речення типу «Он всеми любим»: «це він так чинить, є таким, має такі якості чи всі його люблять?» [5, 37—38]. Висновок автора такий, що підмет у цьому реченні хоча й співвіднесений з об'єктом у дійсності, все ж набуває значення суб'єкта, як висловлює автор, «має натяк на самодіяльність». Сучасні автори, аналізуючи подібні речення, говорять про ієрархізацію суб'єктів у їх семантичній структурі: з двох наявних суб'єктів саме той, що виражений підметом, є головним. Саме йому предикуються певна ознака.

Те ж саме стосується інтерпретації наведеного автором речення «Эта книга читается с удовольствием». Такі речення дослідник цілком справедливо протиставив власне пасивним зворотам типу «Письмо было послано», визначивши їх асиметрію словами: речення з фіктивним формальним підметом, тобто підметом, який не співвіднесений із семантичним суб'єктом.

Синтаксичні спостереження Д. М. Овсянико-Куликовського щодо кореляції змісту (сміслу) речення і його формальної будови були підтвердженням постулата С. Карцевського про асиметричний дуалізм лінгвістичного знака [3] у стосунку до принципово іншої, порівняно зі словом, одиниці мови — одиниці комунікативного рівня. Його думки не загубилися серед ідей, що підготували зміни в уявленнях про речення і визначили сучасний напрямок розвитку синтаксичної теорії.

ЛІТЕРАТУРА

1. Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. — М., 1977.
2. Вихованець І. Р. Граматика української мови. Синтаксис. — К., 1993.
3. Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Звегинцев В. А. История языкознания 19—20 вв. в очерках и извлечениях. Ч. II. — М., 1965. — С. 85—90.
4. Овсянико-Куликовский Д. Н. Синтаксические наблюдения. — Вып. 1. — СПб., 1899.
5. Овсянико-Куликовский Д. Н. Из синтаксических наблюдений. К вопросу о классификации бессубъектных предложений. — СПб., 1901.
6. Овсянико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. — СПб., 1912.

**НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ СУБЪЕКТ В СВЕТЕ ИДЕЙ
Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО
(на материале «Повести временных лет»)**

Формулируя тему подобным образом, мы учитываем мнение Д. Н. Овсянико-Куликовского, ученика А. А. Потебни, о том, что исследования в области синтаксиса имеют отношение не только к вопросам психологии мышления, но и к вопросам его логики [5]. Так, сегодня термином субъект обозначаются разные явления: грамматические и неграмматические, формальные и содержательные, логические и философские: «Объем понятия субъект не закреплен даже в лингвистическом смысле: это и деятель, и собственное лицо, и предмет мысли, и даже говорящий (субъект речи)» [1, 77]. Мы будем исходить, учитывая взгляды Д. Н. Овсянико-Куликовского, из того, что такие равноуровневые понятия, как субъект и подлежащее, соотносятся, даже происходит их частичное наложение. Имея в виду данное обстоятельство, а также точку зрения А. А. Потебни, который отмечал, что значение действителя — основное значение субъекта, мы обозначим субъект как исторически первичную семантическую категорию, в которой мыслится «действитель как производящий действие» (Потебня). Отсюда следует, что важнейшей частью предложения, как и считал Д. Н. Овсянико-Куликовский, является сказуемое, или предикат, предполагающий существование предмета, который действует или представляется действующим. Если этот предмет грамматически обозначен, то это и есть подлежащее. Однако этот предмет (действующий) может остаться неизвестным или грамматически необозначенным. В этом случае мы можем говорить о неопределенном субъекте, хотя сам ученый не дает этого понятия. Д. Н. Овсянико-Куликовский пишет об устранении подлежащего и делит все предложения на относительно-бессубъектные и абсолютно-субъектные.

Предметом нашего анализа станут так называемые относительно-бессубъектные предложения, в которых подлежащее есть, но остается неопределенным, невыраженным, «непроявленным в сознании, где сохраняется только место для него» [5, 18], а точнее — часть из них (неопределенно-субъектные).

В летописи широко представлены рассматриваемые конструкции, что обусловлено как самим стилем монументального историзма, который предполагает стремление автора рассматривать изображаемое с больших расстояний, пространственных, временных (исторических) и иерархических, а также ансамблевыми композициями «Повести», что обозначается единством разножанровых произведений с исторической темой и последовательностью их изложе-

ния, а также степенью осведомленности автора и желанием автора намеренно скрыть действующее лицо с целью выразить негативное к нему отношение.

Основным способом реализации неопределенно-субъектного значения в «Повести» являются синтаксические разновидности, в которых содержательная сторона опирается на формальные особенности, ибо сказуемое в форме прошедшего времени (аориста) передает отстраненность действия от участника акта сообщения и независимость мыслимого субъекта от контекста употребления.

Анализируя летопись, наблюдаем одну закономерность: если в современном русском языке в неопределенно-субъектных предложениях употребляются сказуемые как в форме прошедшего времени, так и в форме 3 л. мн. ч. настоящего и будущего времени изъявительного наклонения, то в древнерусском языке, как правило, представлены предложения со сказуемым в форме прошедшего времени (аориста). Редкое исключение составляет предложение, в котором главный член выражен формой 3 л. мн. ч. настоящего времени:

«Приходивши ему ко царю якоже сказаютъ, яко велику честь приять от царя, при которомъ приходивъ цари» [«Повесть временных лет», с. 135; далее указываются только страницы].

Это объясняется как жанром и стилем произведения, так и многообразием системы прошедших времен в древнерусском языке. Однако предпочтение отдается аористу, ибо аналитическое выражение лица и числа еще только формируется, бессвязочный перфект только еще теряет связку-показатель глагольных категорий, имперфект и плюсквамперфект — аналитические формы, неудобные и невыразительные, а форма аориста, при всех детерминативах, выразительна, экономна. К тому же «наиболее древняя, нейтральная в своем семантическом потенциале форма аориста изображала прошедшее действие как один момент, концентрировала действие (событие) как итог, совершившийся факт, результат в его совокупности» [3, 83]. Все это и определило широкую употребительность аориста в русском языке XII в., а значит, и в «Повести временных лет».

Следует заметить, что С. П. Лопушанская утверждает регулярность образования аориста и имперфекта «от аористой и презентной основ как совершенного, так и несовершенного вида» [4, 49]. В наших же материалах глаголы, употребленные в формах старых прошедших времен, представлены примерами основ совершенного вида, обозначающих конкретное физическое действие.

Анализируя неопределенно-субъектные интаксические конструкции, посредством которых структурируется смысловое пространство летописи, мы можем классифицировать их, учитывая лексико-семантические группы глаголов:

1) глаголы перемещения, ориентированного относительно исходного пункта (глаголы субъектного, объектно-субъектного перемещения и перемещения в пространстве): «Иже *придоша, приплоша* и почаша воевати Вифиньския страны...»

[с. 33]; «*Перенесоша* святыя страсотерпца Бориса и Глеба» [с. 121]; «*Изгнаша* варяги за море...» [с. 18]; «*Выгребоша* 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости его, и положиша я въ церкви святыя Богородца» [с. 104]; «*И идоша* за море к варягомъ, к руси» [с. 36]; *И принесоша* я на дворъ к Ользе, и, несъше, винуша е въ яму и с лодьею [с. 70];

2) глаголы активного воздействия на объект с нанесением ему вреда, вплоть до разрушения (глаголы лишения жизни живого существа): «...и Судь весь *пожьгоша*» [с. 53]; «И се нападоша акы зверье дивии около шатра, и *наснуша* и копыи, и *прободоша* Бориса и слуги его, падша на нем, прободоша с нимъ» [с. 148]; «*Первое убиша* Бориса, сына Вячеслава, похвалившагося велми» [с. 133];

3) глаголы помещения конкретного объекта в определенное место: «И убиша Аскольда и Дира, и несоша на гору, и *погребоша* и на горе» [с. 20]; «*Выгребоша* 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и крестиша кости его, и *положиша* я въ церкви святыя Богородца» [с. 104];

4) глаголы называния: «...и *нарекоша* имя ему Киевъ» [с. 13]; «И *прозваша* Олга — “вещимъ”» [с. 25]; «И въ се время родился Ярославу сынъ, *нарекоша* имя ему Вячеславъ» [с. 101];

5) глаголы начального бытия, существования, глаголы начала события, действия: «И удариша в сопели и в гусли, и в бубны, и *начаша* имъ играти» [с. 128]; «Иже придоша, приплоуша и *почаша* воевати Вифиньския страны» [с. 58];

6) глаголы пребывания в функциональном состоянии: «И не *могоша* ему ничто же створити, и реша ему: “Исакие! Победил еси нас”» [с. 210];

7) глаголы создания объекта в результате интеллектуального труда: «И *створиша* градъ во имя брата своего старейшаго, и нарекоша имя ему Киевъ» [с. 13];

8) глаголы решения: *И реша* сами в себе: «Поищемъ себе князя, иже бы володель нами и судиль по праву» [с. 36];

9) глаголы звучания, издаваемые живыми существами: «Яко бысть заутра, вседъше в лоды противу свету и *въструбиша* вельми, и людье въ граде *кликнуша*» [с. 80];

10) глаголы обозначения: «*Выгребоша* 2 князя, Ярополка и Ольга, сына Святославля, и *крестиша* кости его, и положиша я въ церкви святыя Богородца» [с. 104].

Реже для выражения главного члена неопределенно-субъектной синтаксической разновидности используется имперфект, который обозначает действие, повторяющееся в прошлом, т.е. действие, как бы состоящее из нескольких актов: «Он не констатирует, а описывает течение, прохождение действия, не регистрирует факт, а показывает, как действие протекало, развивалось, совершалось, причем границы этой длительности прохождения не определены» [3, 84]. Семантика имперфекта, несомненно, вносит значение неопределенности мыслимого лица в данныѣ конструкции: «И аще кто умряше, *творяху* трызну над

ним, и по семь *творяху* кладу велику, и възложашуть и на кладу, мертвеца *сожьжаху*, и посемя собравше кости *вложашу* в судину малу, и *поставляху* на столпе на путех, еже творять вятичи и ныне» [с. 730]; «... и *воеваху* по Понту до Ираклия и до Фафлогоньски земли... их же емше, овехъ *растинаху*» [с. 58]; «И *жряху* имъ, наричюще я богы, и *провожаху* сыны своя и дъщери» [с. 95].

Как правило, это глаголы, образованные от так называемых длительных кратных и некратных основ с суффиксами *-и-*, *-а-*, обозначающими физическое действие с различной степенью конкретности.

Широкое использование аориста и перфекта для выражения главного члена в исследуемых конструкциях позволяет «подчеркнуть мысль о функциональной нагруженности выявленного своеобразия реализации неопределенно-субъектной семантики» [2, 77].

Так, одной из важных функций неопределенно-личных синтаксических конструкций является функция связывания реплик во фрагменте монологической речи. Textoобразующая функция интересующих нас предложений реализована в «Повести» посредством двоякого рода структур: кольцевой, где в начале ее назван субъект, тем самым снята внешняя интрига, потом даны несколько синтаксических конструкций неопределенно-субъектного характера, в которых не только сохраняется интрига, но и идет ее структурно-смысловое нагнетание до момента снятия его в последнем предложении; и фабульной структуры, в которой соблюдено сохранение и развитие интриги от начала до конца смыслового отрезка.

По мнению некоторых ученых, вариантное значение фабульной структуры — несущественность лица-деятеля — конкретизируется как его безразличная или нежелательная анонимность для воспринимающих ситуацию. Во втором случае появляется своеобразное противоречие: объективное наличие субъекта и нежелательное отсутствие информации о нем. Такие неопределенно-субъектные синтаксические разновидности могут прогнозировать появление в текстовом пространстве названия лица-деятеля:

«Яко быть заутра, вседъше в лодыи противу свету и вьструбиша вельми, и людье въ граде кликнуша. Печенежи же мнеша князя пришедша, побегоша разнo от града. И изиде Ольга со унуки и с людми к лодьямъ. Видевъ же се князь печенежьский, възвратися единъ к воеводе Претичю и рече: “Кто се приде?” И рече ему: “Людье оная страны”» [с. 80].

Использование сначала структур с синтаксической и лексической неопределенностью (а потом двусоставных предложений) позволяет поэтапно перевести внимание с действия на его производителя, что структурно объединяет текстовые фрагменты.

Наиболее важной для неопределенно-субъектных предложений, разумеется, является функция неопределенности лица-деятеля. «Личная неопреде-

ленность действия, — по мнению Л. П. Ефановой, — может быть обусловлена степенью осведомленности автора, который даже при необходимости не смог бы конкретизировать круг действующих лиц (средство привлечения внимания к действию, представленному как обезличенное)» [2, 77]. В «Повести» это обусловлено информацией о выполнении ритуалов, обрядов, обычаев, с описанием быта славян и других народов ойкумены, а также с преданиями, запретами и разрешениями бытового и социального планов.

Использование автором неопределенно-субъектных синтаксических конструкций может носить и намеренный характер, когда действующее лицо не называется с целью выразить негативное к нему отношение. Так, например, строят свои предложения авторы летописи, не желая называть тех, кто убил Бориса и Глеба, ослепил Василька Теремовольского, кто творит междоусобицы, жертвоприношения языческим богам, оскверняя себя и христианскую веру, кто несет смерть и зло другим народам. Используя неопределенно-субъектные предложения, авторы «Повести» передают свое отношение к изображаемым событиям: горечь и стыд от сознания того, что русские грабят и убивают, неприятие жестокости и мести, осуждение старых языческих обрядов.

Подводя итог, необходимо отметить следующее.

1. Функционально-семантическая категория неопределенности выявляется в «Повести» «в значениях неопределенного субъекта как базового компонента семантической структуры предложения» [2, 81]. Эта точка зрения была близка и Д. Н. Овсяннико-Куликовскому.

2. Для неопределенно-личных предложений исследуемого произведения характерна коммуникативно-стилистическая роль актуализации действия и привлечения внимания к деятелю. Это обеспечивает им ключевую позицию «при структурировании языком текстового пространства»: ситуаций, поведенческих стандартов и «средств выражения ценностной картины мира пишущего», как-то: «подчеркнутое отчуждение неопределенного деятеля, неприятие его, эмоциональное восприятие ситуации, преобразование позиции повествователя в позицию персонажа» [2, 85].

3. В летописи, в сущности, представлен один семантический тип: главный член предложения соотнесен с формами прошедшего времени (аориста и имперфекта с определенной функционально-стилистической нагрузкой).

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефанова Л. П. Субъект — базовый компонент семантической структуры предложения. — М., 1991.

2. Ефанова Л. П. Семантика и формы личного субъекта в русском языке XVII в. — Ставрополь, 1994.

3. Ефимов А. И. Из истории форм прошедшего времени // Уч. зап. Перм. пед. ин-та. — Вып. 2. — 1937.

4. Лопушанская С. П. Эволюция простых глагольных форм прошедшего времени в древнерусском книжном языке: Дис. д-ра филол. наук. — М., 1975.

5. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. — СПб., 1912.

Л. Н. АЛЕШИНА

СЕМАНТИКА ЛИЧНОГО ПРЯМОГО СУБЪЕКТА В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»

В работах профессора Д. Н. Овсяннико-Куликовского наряду с проблемами общелингвистическими видное место занимают вопросы синтаксиса, которые он понимал как теорию предложений и его членов, исключая словосочетания. Можно указать на два обстоятельства, определивших, по-видимому, такое внимание ученого к этим вопросам. Это, во-первых, давно проявившийся интерес к синтаксису русского языка и закономерностям его изменения (как, например, изучение процессов превращения субъектных предложений в бес-субъектные), а во-вторых, разработка Овсяннико-Куликовским универсальных по своему характеру методов исследования языка, которые он предпринял прежде всего в синтаксисе.

Проблема семантического субъекта предполагает решение вопроса «субъект и подлежащее». Эта тема нашла свое отражение в работе Д. Н. Овсяннико-Куликовского «Синтаксис русского языка». В осмысление подлежащего автор вносит следующую содержательную интерпретацию: «Подлежащее есть часть предложения, воспроизводящая в форме имени существительного (или его замены), местоимения и числительного (разумеется, принадлежащих к разряду существительных) то грамматическое лицо, которое выражено личной формой глагола-сказуемого» [4, 179]. И далее, дополняя свое определение, ученый продолжает: «Не трудно видеть, что это понятие о подлежащем, основанное на соответствии лица существительного... лицу глагола-сказуемого... есть то самое, которое мы установили... исходя из представления о подлежащем (подлинном, фиктивном и мнимом) и о сказуемом как о выражении деятельности подлежащего (подлинной, фиктивной и мнимой). Обе точки зрения на подлежащее (как на «деятеля» и как на грамматическое лицо), совпадая по существу, могут быть объединены и во внешнем выражении именно в термин «действующее лицо» [4, 180].

Разделение таких разноуровневых понятий, как субъект и подлежащее, не нашло своего отражения в трудах ученого. У Овсяннико-Куликовского субъект — то же, что и подлежащее: «Если... воспроизведение лица глагола-сказуемого существительным, местоимением, числительным сделано, то предложение имеет подлежащее, и мы будем называть такие предложения субъектными («субъект» — подлежащее)» [4, 179]. Во взгляде ученого мы наблюдаем наложение этих терминов друг на друга.

Применяя результаты исследований Овсяннико-Куликовского к изучаемому нами периоду русского языка (XII—XIV вв.), отмечаем, что имя, выступающее в позиции личного прямого субъекта в старорусском предложении, как правило, выполняет функцию подлежащего. Такое подлежащее создает вокруг себя круг лексических компонентов в сфере предложения, непосредственно связанных с подлежащим. Так как информативность предложения в общих своих чертах предопределяется субъектом, нам представляется возможным рассмотреть языковой материал памятника с учетом лексико-категориальной семантики слов, отмеченных в позиции подлежащего.

Поскольку информативное содержание предложения конкретизирует в речи прежде всего то или иное значение имени, то нам представляется обоснованным построить анализ личного прямого субъекта на выделении и анализе лексико-семантических полей.

Семантический анализ субъектной позиции в «Слове» представляет большой научный интерес, давая возможность проследить эволюцию духовной культуры Древней Руси, нашедшую свое отражение и в языковых изменениях. Такое исследование также позволяет выявить особенности самосознания, миропонимания, образ мыслей и жизненные принципы русичей.

Наше понимание субъекта сложилось под влиянием трудов Н. Д. Арутюновой, Г. А. Золотовой, Л. П. Ефановой и др. «Субъект — это сущностная, инвариантная единица, в которой по-разному комбинируются логико-грамматические и коммуникативные факторы, а формальная объективация не закреплена» [2, 5]. Семантическая структура конкретного субъекта складывается из «предваряющей конкретное суждение информации... экзистенциальной, таксономической, номинативной, индивидуализирующей» [1, 334]. Процесс называния предметов включает в себя одновременно и их характеристику, а также выявляет общие смысловые признаки субъектов в лексических группах. При развертывании текстовой информации семантический слой субъекта «дополняется индивидуальными признаками референта, выявляемыми на объективно-субъективной основе (предмет действительности — предмет внимания говорящего)» [2, 7].

Данная работа исследует семантику личного прямого субъекта, «мыслительной предпосылкой которого избирается категория предмета, т.е. мы бу-

дем понимать под субъектом предложения реального носителя признака в денотативной ситуации» [2, 7]. Источником сведений о ситуации для нас служит текст «Слова о полку Игореве».

С целью облегчения техники печатания в цитируемых текстах произведены следующие графические замены, поскольку собственно орфографическая сторона для целей данного исследования не имеет значения:

ѣ — е;

є — е;

ъ — о;

і — и.

Поскольку осознание нами определенного слова происходит только в ряду других лексем, то мы выделяем смысловые группы, содержащие общие признаки значения: «человек действующий», «человек — носитель признака-характеристики», «человек-индивидуум», «человек/люди». Названные тематические группы структурируются лексико-семантическими полями имени-лица, организовывающимися на основе какого-либо общего элемента лексического значения.

В «Слове» выделяются лексико-семантические поля наименований лиц по социальному, должностному статусу и статусу родства. В субъектной позиции находятся имена древнерусские и тюркского происхождения, а также имена языческих богов и мифических существ: «Востала *Обида* въ силахъ Дажьбожа внука, вступила девою на землю Трояню, всплескала лебедиными крылы...» [5].

Особую группу составляют эпитеты в позиции личного прямого субъекта: «Уже, княже, туга умь полонила: се бо *два сокола* слетеста съ отня стола злата поискати...»; «Темно бо бе въ ть день: *два солнца* померкоста, *оба багряная стльпа* погасоста, и съ нима *молодая месяца*, Олегъ и Святославъ».

Для первых трех из выделенных групп можно указать наиболее общие понятия, например, «воинские люди», «иноземцы», «родственники», «подневольные люди» (незначительный слой), «властвующие люди». Можно выделить основные семы: а) «обладание/необладание властью», б) «отношения родства», в) «по праву наследования», г) «по этнонимическому признаку», д) «сфера деятельности».

Отношения между словами в каждой из представленных лексико-семантических групп зависят от отношений между поименованными предметами реальной действительности.

Признаками для выделения групп являются смысловой и информационный потенциал субъекта. При недостаточном представлении имени в «Слове» выявляется ряд прилагательных, определяющих качественную характеристику человека, обладающих расширенной семантической структурой.

Такие конструкции приобретают интересные и значимые дополнительные смыслы: «Не ваю ли *храбрая дружина* рыкають акы тури, ранены саблями калеными на поле незнаемо?»; «На реце на Каяле тьма свет покрыла: по Руской земли прострашася *половци, акы пардуже гнездо*».

Исходными при выделении группы, условно названной «социальный статус», являются назывные слова, выделяющие объект по некоторому минимуму признаков, присущих ему независимо от речевой ситуации.

Лексико-семантическое поле наименований лица по социальному статусу представлено в памятнике лексико-семантической группой имен со значением лица, охарактеризованного по этнонимическому признаку (этому способствовали контакты русских людей с инородцами): готския красныя девы, демецла, немци, венецици, греци, морава, половци:

- 1) «А *половци* неготовами дорогами побегоша къ Дону великому...»;
- 2) «Се бо *готския красныя девы* воспеша на брезе синему морю, звоня руским златомъ, поють время Бусово, лелеють мечь Шароканю»;
- 3) «Ту *немци и венецици, ту греци и морава* поють славу Святославилю, кають князя Игоря».

Активное использование этнонимической лексики в «Слове о полку Игореве» открывает картину пограничного и внутривосточного мира. «Этническое имя несет массу информации о приоритетных аспектах номинации, а также отражает и членит социо-культурную реальность» [2, 34].

Перед нами предстает сложный мир отношений православных русичей с иной верой и иными нравами и обычаями. Следует отметить, что характеристика иноверцев в «Слове» идет в основном через неприятие их религии, через негативное отношение к ним. Здесь также присутствуют намеренно огрубленные номинации: дети бесови, чръныя тучя, пардуже гнездо, пустыни:

- 1) «*Дети бесови* кликомъ поля прегородиша, а храбрии русици преградиша чрълеными щиты»;
- 2) «Другаго дни велми рано кровавья зори светъ поедають: *чръныя тучя* съ моря идуть, хотять прикрыти четыре солнца»;
- 3) «Уже бо, братие, невеселая година востала, уже *пустыни* силу прикрыла!»

Тем не менее слово «поганья» обозначало всех язычников и было лишено в древнерусском языке негативных коннотаций (данные словаря русского языка XI—XVII вв):

- 1) А погании со всехъ странъ прихождаху съ победами на землю Рускую.

В некоторых случаях в памятнике четко прослеживается оппозиция «свои/остальные»:

1) «Стязи глаголють: *половци* идуть отъ Дона, и отъ моря, и отъ всехъ странъ *рускыя плъкы* отступиша»;

2) «А князи сами на себе крамолу коваху; а *погании* сами победами нарищуе на Рускую землю, емляху дань по беле отъ двора».

С другой стороны, в «Слове о полку Игореве» находит свое отражение линия дружелюбных, дипломатически надежных отношений с «разными языками». К этой группе относятся названия племен тюркского происхождения, выступавших на стороне русских князей: *могуты*, *татраны*, *шельбиры*, *топча ны*, *реву ты* и *ольберы*, а также немцы, венецианцы, греки и моравы, выражавшие сочувствие русскому народу.

В лексико-семантическом поле социального статуса выделяется еще одна лексико-семантическая группа по подчиненности/неподчиненности: *невольные*, *вольные*, *чаги*, *кощени*:

«Аже бы ты былъ, то была бы *чага* по ногате, а *кощей* по резане».

Лексико-семантическое поле наименований лиц по должностному статусу структурируется следующими лексико-семантическими парадигмами:

1) иерархия светской власти; 2) иерархия воинских чинов.

Система социальных институтов Киевской Руси предстает перед нами в номинациях лица по месту, занимаемому им в иерархии общественного устройства: во главе государства стоит старший киевский князь, ему подчиняются все младшие князья:

1) «Ту бѣше успилъ *отець ихъ Святославъ грозный великий киевский* грозою»;

2) «Тии бо два *храбрая Святославича*, Игорь и Всеволодь, уже лжу убуди-ста которую».

О системе военных институтов «Слово» дает весьма смутное представление. Это семантическое поле представлено лексико-семантической группой «управляющий/подчиненный»: князья, дружина, вои, *плъкы*, *гридь*:

1) «Не ваю ли *храбрая дружина* рыкають акы тури, ранены саблями калеными, на поле незнаемъ?»;

2) «И рече *Игорь* къ дружине своей».

Добавим, что концепт князя на Руси связан с языческой картиной мира: князь-жрец, отец, Бог.

В лексико-семантическом аспекте наименований лиц по роду занятий, ремеслу, профессии в языке «Слова» представлено лишь одно образование. Имея в качестве смыслового инварианта «человек действующий», этот момент представляет собой наименование совокупного множества лиц:

«Тогда по Руской земли ретко *ратаеве* кикахуть, но часто врани грияхуть, трупиа себе дяляче...».

Среди параметров иконической линеаризации в «Слове» выделяется иерархия лиц по родству. Так, в соответствии с системой феодально-иерархического

подчинения киевский князь Святослав называет князей Игоря и Всеволода не братьями, а племянниками — сыновцами, а сам назван отцом, как старший сюзерен. Он также был самым старшим из Ольговичей и самым старшим по возрасту русским князем:

«Ту бяше успиль отецъ ихъ *Святославъ грозный великий киевский* грозою».

В семантическом поле наименований лиц по родственному статусу выделяется лексико-семантическая группа «близкий/дальний»: матери, отец, жены, брата, сыновца, Ольгово хороброе гнездо (семья, потомки):

- 1) «Ту ся брата разлучиста на брезе быстрой Каялы...»;
- 2) «Дремлетъ въ поле *Ольгово хороброе гнездо*»;
- 3) «Плачется *мати Ростиславля* по уноши князи Ростиславе»;
- 4) «*Жены руския* восплакашась а ркучи...».

Весьма интересным представляется целый пласт языческих и иноземных имен персонажей в «Слове».

Выделение в речи какого-либо имени составляет информационное содержание предложения. Имя в исследуемом памятнике выполняет выделительную, эстетическую и этическую функции. Будучи одним из средств образного воплощения действительности, имя в ткани «Слова» приобретает и развивает свою семантику, обогащаясь эмоциональными оттенками значения и получая свое оригинальное наполнение.

При недостаточном представлении имени в памятнике используются так называемые лексикализованные выражения номинативного характера, в которых прилагательное конкретизирует, дополняет смысл имени, способствует расширению его содержания. Такие конструкции служат для автора основным средством описания того, что является качественной характеристикой главных персонажей:

- 1) «Тогда *великий Святослав* изрони злато слово съ слезами смешено»;
- 2) «Тому *вещей боянь* и пръвое припевку, смысленый, рече...»;
- 3) «И рече ему Буй туръ *Всеволодь*...»;
- 4) «Той же звонь слыша *давний великий Ярославль сынъ Всеволодь*...»;

Имена людей — зеркало истории народов. В них отражаются быт, верование и художественное творчество народов, их исторические контакты. Для того чтобы какое-либо имя появилось у данного народа, необходимы определенные культурноисторические условия. Поэтому многие имена, встречающиеся в «Слове», несут на себе яркий отпечаток эпохи.

В памятнике представлен значительный пласт дохристианских самобытных имен, созданных на восточнославянской почве средствами старославянского языка. Раскрывая богатство русского народного языка, они показывают широту фантазии, наблюдательность русского человека. Исконно русские име-

на — двусосновые княжеские и богатырские из эпоса (Святославъ, Ярославъ, Мстиславъ, Всеволодъ, Святополкъ, Ярополкъ — имена, созданные на основе русской и славянской бытовой лексики).

Анализ и изучение инвентаря слов категории лица в «Слове» — это не просто факт статического аспекта, а социальная охарактеризованность языка, стиль памятника эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Семантическая структура и функция субъекта // Известия АН СССР. Сер. лит. и яз. — Т. 38. — 1979. — № 4.
2. Ефанова Л. П. Семантика и формы личного субъекта в русском языке XVII века. — Ставрополь, 1994.
3. Ефанова Л. П. Субъект — базовый компонент семантической структуры предложения. — М., 1991.
4. Овсянико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. — СПб., 1912.
5. Слово о полку Игореве. Поэтические переводы и переложения. — М., 1961.

Л. И. ЛУГОВАЯ

ИЗУЧЕНИЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ШКОЛЕ В СВЕТЕ ИДЕЙ Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО

Вопросы, названные В. Классовским еще в 60-е годы нерешенными [4, 30], блестяще интерпретированы профессором Д. Н. Овсянико-Куликовским, использующим психологическую концепцию своего учителя А. А. Потебни. В работе «Из синтаксических наблюдений. К вопросу о классификации бес-субъектных предложений» [5, 21] он намечает, по существу, путь семантического анализа субъекта предложения, чем, на наш взгляд, способствует выявлению нового подхода к преподаванию простого предложения в школе.

Имеющиеся хрестоматийно отработанные материалы учебных пособий для школы, несмотря на декларируемый структурно-семантический подход, остаются, по сути, в рамках чисто формальных, структурных, хотя мысли профессора Д. Н. Овсянико-Куликовского и работы современных исследователей (В. Г. Адмони, В. С. Юрченко, Т. П. Ломтева, А. М. Мухина, В. В. Бабайцева, Г. В. Колшанского, Н. Д. Арутюнова, А. Е. Кибрика и др.) позволяют перенести в школу элементы семантического анализа, базирующегося на психологической идее, сформулированной А. А. Потебней и Д. Н. Овсянико-Куликовским.

Вопрос о предложении в мировой лингвистике имеет очень сложный и противоречивый путь развития. Здесь мы можем говорить, во-первых, о бесконечном множестве определений предложения, во-вторых, о категорическом утверждении А. А. Потемби, что дать определение предложению невозможно, и, в-третьих, о замечаниях лингвистов, что надо строго определить для каждого языка круг фактов, подводимых под предложение, а потом давать ему определение. В каждом отдельном языке способы обнаружения мысли часто носят не традиционный двучленный характер. Языковая деятельность, семантико-грамматические возможности многих слов в языках не одинаковы. Поэтому заключение об обязательной двучленности предложения не может считаться истинным, хотя акт суждения обязательно двучленен, так как суждение есть утверждение или сообщение чего-то нового о названном предмете. Или, по-другому, субъект и предикат в предложении соотносительны. В суждении как бы осуществляется акт предикирования (т. е. соединение двух понятий), имеющий своей целью сравнение одного понятия с другим. Словесное выражение акта суждения в различных языках может носить своеобразный характер, что связано с историей развития слов и форм каждого языка (*es regnet* — дождит; *man klingelt* — звонят).

Типология предложений может строиться на различных основах, но в первую очередь учитывается их структурное своеобразие. Способность некоторых языков флективного и флективно-аналитического строя передавать в форме одного слова оба члена суждения о реальной деятельности приводит к возникновению в них особых синтаксических разновидностей, получивших название односоставных. Языковое выражение суждений, лежащих в основе этих предложений, обусловлено особенностями морфоформ, целью высказывания, контекстом, конситуацией. Все это дает право говорить об особом характере главного члена односоставного предложения, который не может считаться ни подлежащим, ни сказуемым в силу особого характера и особых задач, которым он служит. Наличие в глагольной форме вместе с корневым элементом флективных и аффиксальных показателей лица и числа делает возможным выражение с помощью глагольных форм не только значения действия, состояния, но и значение действующего лица. Другими словами, в глаголе синкретично передается понятие, равное местоимению. В форме главного члена как бы происходит соединение предмета мысли и нового, что о нем сообщается, т. е. главный член становится достаточным для того, чтобы воспроизвести схему предикативных отношений. Это возможно в языках с четкими морфологическими показателями. Отражение свойств, предметов и явлений объективного мира в таких синтаксических структурах не находит полного, чисто лексического обнаружения. Обнаружение идет на уровне лекси-

ко-грамматическом. В связи с этим односоставность становится структурно-семантической разновидностью синтаксиса простого предложения. В односоставном предложении словесное выражение получает только один член. Другой же тоже выражается языковыми средствами, но не на уровне отдельного слова. В односоставных предложениях, по Потембне, выше уровень языковой абстракции.

В учебной литературе виды односоставных предложений представлены не в системе, а номенклатурно, списком наименований. При этом, стремясь выделить «чистый вид», скажем, неопределенно-личных или обобщенно-личных предложений, разные авторы дают неодинаковые типы предложений в одном виде. Так, А. Н. Гвоздев считает, что главный член обобщенно-личных предложений может быть выражен только формой глагола 2 л. ед. ч., обозначающего «действия и состояния не единичного собеседника, а обобщенного лица» [3, 73]. Предложения же, в которых главный член имеет форму 1 л. ед. ч. или мн. ч., типа: «Что имеем, не храним, потерявши — плачем», он выносит за рамки обобщенно-личных, так как в них значение определенного лица «сказывается вполне отчетливо» [3, 75]. Указанное предложение безоговорочно относится другими авторами в разряд обобщенно-личных (Руднев А. Г. [6, 57], Галкина-Федорук Е. М. [2, 40], РГ-80).

В работах классиков русской лингвистики вопрос об односоставных предложениях тоже решается по-разному. Ф. М. Буслаев выделяет безличные предложения. От них он не отграничивает неопределенно-личные, но указывает на разную степень неопределенности/определенности субъекта (личный, безличный, неопределенный). В. Классовский исключает из безличных неопределенно-личные и обобщенно-личные как эллиптические. Д. Н. Овсянко-Куликовский идет от наличия 5 лиц; обобщенно-личные предложения он выделяет особо, но смешивает с инфинитивными, личными, неполными. А. А. Потембня отмечает обязательную двусоставность предложения (слово есть двучленная величина, состоящая из образа и его представления). Наиболее полно односоставные предложения представлены у А. А. Шахматова и А. М. Пешковского. Начиная с Шахматова в русской лингвистике выделяются односоставные предложения. Академик В. В. Виноградов отмечает, что «синтаксис русского языка Шахматова является до сих пор самым полным и самым глубоким описанием типов простого предложения в русском языке» [1].

Хотя традиционным принципом исследования простого предложения по-прежнему остается учение акад. А. А. Шахматова, в современной лингвистике обозначен и поиск новых критериев классификации простого предложения, позволяющих глубже изучить природу односоставных разновидностей.

чрезвычайно интересны концепции В. Г. Адмони, В. С. Юрченко, Т. П. Ломтева, А. М. Мухина, А. А. Седельникова, В. В. Бабайцевой, Г. В. Колшанского, Н. Д. Арутюновой, А. Е. Кибрика, отличающиеся широким и глубинным анализом синтаксических явлений. Исходной позицией большинства этих исследований является выбор принципа обязательной двучленности или возможности одночленности мысли-суждения. Эта исходная позиция обуславливает множественные подходы при рассмотрении природы односоставности.

Активное овладение односоставными предложениями вызывает самые большие трудности при изучении синтаксиса простого предложения в школе. Все эти конструкции входят в арсенал не только синтаксических, но и стилистических средств русского языка. Их краткость, способность сосредоточить внимание на чем-то одном, наиболее важном для автора (предмете, явлении или действии, состоянии), позволяют пользоваться ими как выразительными средствами русского языка. В силу этого вряд ли целесообразно остановиться только на классификации односоставных предложений, принятой в современных школьных учебниках. На наш взгляд, полезнее при синтаксическом описании односоставных предложений исходить из стилистической характеристики их с указанием особенностей функционирования в художественном тексте, приняв за основу следующие положения.

1. Односоставные предложения — достаточные, полные, структурно своеобразные конструкции, служащие для выражения двусоставного по своей сути акта суждения.

2. Исходя из принципа структурно-семантического анализа, мы получим четыре грамматических разряда односоставных предложений, а именно: личные, безличные, инфинитивные, номинативные. Внутри личных рассматриваются определенно-личные, неопределенно-личные и обобщенно-личные. Особо выделяются вокативные предложения, причисляемые разными авторами то к номинативным, то к нечленимым, то к особому виду односоставных.

Опорными в работе над односоставными предложениями на всех уроках должны стать задания, развивающие прежде всего чувство языка, типа:

— В каких предложениях выражается требование, а в каких — приглашение к совместному действию?

— Что выражают определенно-личные (неопределенно-личные, безличные, назывные, инфинитивные) предложения?

— Как изменится смысл предложения при трансформации таких предложений в двусоставные (или наоборот)?

— В каком случае характер повествования является более обобщенным?

— Укажите, какие предложения будут ярче, живее выражать невозможность, необходимость, желательность совершения действия.

— Выразите свое настроение в рассказе, вводя в описание безличные, номинативные, предложения, и т. д.

В этом случае возможно говорить об изучении теории как средстве общего (интеллектуального) и специального (лингвистического) развития учащихся.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вопросы синтаксиса современного языка / Под ред. В. В. Виноградова [Ст. Синтаксис русского языка А. А. Шахматова]. — М., 1950.
2. *Галкина-Федорюк Е. М.* Безличные предложения в современном русском языке. — М., 1958.
3. *Гвоздев А. Н.* Современный русский литературный язык Ч. II: Синтаксис. — М., 1961.
4. *Классовский В.* Нерешенные вопросы в грамматике. — М. — СПб., 1870.
5. *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Из синтаксических наблюдений. К вопросу о классификации бессубъектных предложений. — СПб., 1901.
6. *Руднев А. Г.* Синтаксис современного русского языка. — М., 1963.

Л. Т. МАЛИКОВА

ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ «АКТА РЕЧИ-МЫСЛИ» ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ (психологический и методический аспекты исследования)

В процессе обучения иностранному языку работе над лексикой придается первостепенное значение. Это объясняется тем, что именно объем словарного запаса личности и уровень владения этим запасом определяют знание любого языка. Следовательно, знать язык — значит не только пассивно хранить в памяти определенное количество его лексических единиц, что также немало важно, но и уметь активно ими пользоваться.

Задача создания лексического потенциала учащихся, т. е. расширения и обогащения их продуктивного и рецептивного словаря, подчинена главной цели — коммуникативной, которая понимается как обучение речевой деятельности на лексическом материале и через лексику.

Предметом лексического аспекта речи (речевой деятельности), в частности на иностранном языке, «является мысль как форма отражения отношений предметов и явлений реальной действительности» [2, 254]. Поэтому многие проблемы, возникающие при исследовании речемыслительных

процессов, могут найти приемлемое решение только на стыке нескольких наук — психологии, лингвистики, методики преподавания неродного языка, педагогики.

Так, анализируя неразрывную связь между языком и мышлением, А. А. Потебня подчеркивал, что нужно «искать решения вопросов о языке в психологии и, наоборот, ожидать от исследований языка новых открытий в области психологии...» [5, 39]. Следовательно, преподаватель иностранного языка должен обладать качествами и психолога, и лингвиста, и методиста, обеспечивающего «запуск» механизмов овладения неродным языком и активного его использования. В частности, при обучении лексике неродного языка необходимо исходить из основных положений психологии мышления, сформулированных еще Д. Н. Овсяннико-Куликовским, который рассматривал мышление как активную «сферу, распадающуюся на две части: на «сферу бессознательную» и сознание. В первой сохраняется огромный запас образов, понятий, идей, знаний всякого рода... Сохранение всего этого в бессознательной сфере и есть то, что называется памятью» [3, 2—3].

Носители языка начинают «накапливать» такой запас с раннего детства и постепенно пополняют его в течение всей жизни. Иностранные учащиеся обладают сходным «общечеловеческим» запасом «знаний всякого рода» (с определенными отличиями в национальной психологии мышления), однако речемыслительные процессы носителей языка и изучающих данный язык как иностранный будут протекать по-разному. Обучающиеся формируют такой запас, т. е. материал, хранящийся в памяти, как бы заново — средствами иностранного языка в процессе его изучения.

Для того чтобы научиться говорить и мыслить на «чужом» языке, необходимо прежде всего усвоить определенный объем лексических единиц, а также овладеть механизмами их сочетаемости, дающими возможность правильно употреблять эти слова в речи.

Следовательно, первый этап работы над лексическим аспектом речи предполагает выделение и ограничение массива единиц, необходимых для активного усвоения иностранными учащимися. В такой обязательный минимум, на наш взгляд, должны прежде всего войти слова такой части речи, как имена существительные, семантической основой которых является понятие предметности. На «первичность» существительных обращал внимание и А. А. Потебня, подчеркивавший, что «существование прилагательного и глагола возможно только после того, как сознание отделит от более-менее случайных атрибутов то неизменное зерно вещи, сущность, *субстанцию*, то нечто, которое человек думает видеть за сочетанием признаков и которое не дается этим сочетанием» [5, 104]. Эту точку зрения развивает Д. Н. Овсяннико-Куликов-

ский, считавший, что «мы различаем, с одной стороны, *предметы (вещи и существа)*, а с другой — свойства, качества этих предметов. Эти свойства или качества суть не что иное, как те *впечатления*, которые мы получаем от предметов, через посредство наших органов чувств» [3, 37].

Фактически предметы «порождают» признаки и действия, точнее, проявляют в определенных, конкретных ситуациях присущие им признаки и потенциально заключающиеся в них действия, поскольку нет признаков и действий, существующих вне предмета. Они «есть» в предмете и существуют только вместе с ним, в нем. Следовательно, первичен именно предмет как таковой, а не какие-либо его признаки (включающие и действие), которые есть только суть движения нашей мысли. Многообразные свойства предметов помогают нам различать их и таким образом «ориентироваться в окружающей среде, изучать ее. Это — начало и источник всякого знания» [3, 37].

Учитывая первичность предмета, характеризующегося определенными качествами, свойствами, признаками, состояниями, действиями, можно предположить, что «первичными» по отношению к другим частям речи являются имена существительные, обозначающие предметы реальной действительности. Это обуславливает и принятие соответствующих методических решений при рассмотрении слов, относящихся к данному лексико-грамматическому разряду.

В процессе обучения лексике, этому мощному количественному составу — хотя и минимизированному в практических целях — массиву слов, лингвометодисты традиционно основную роль отводят глаголу. Теоретической базой для этого являются классические работы по языкознанию, прежде всего известное учение А. А. Потебни, утверждавшее главенство глагола (при первичности в языке существительного) в системе частей речи, что связано с его значимостью в общей организации текста высказывания.

Вместе с тем даже древние философы и лингвисты (Платон, Аристотель, Аполлоний, Дискол, Донат), как отмечает В. В. Виноградов, указывали на две главные части речи языка — глагол и имя [1, 337]. Эта теория была принята русской грамматикой еще в XVIII веке, актуальна она и сегодня.

К именным частям речи ученые, как известно, относят существительные, прилагательные, числительные, однако «грамматическим стержнем имен, — по выражению В. В. Виноградова, — является категория имен существительных» [1, 46]. Следовательно, можно предположить, что в процессе обучения лексике иностранного языка имя существительное, как и глагол, может также выполнять ведущую роль, объединяя вокруг себя одноуровневый и разноуровневый языковой материал и формируя тем самым значительный массив единиц, находясь в его лингвометодическом ядре, центре.

Таким образом, участие существительных «в акте речи-мысли» [3, 8] реализует многообразные связи слов этой части речи и дает возможность ограничить лексический потенциал, определяющий «содержание и цель речи-мысли» [4, 24]. В связи с этим для теории и практики отбора, описания и презентации лексической базы обучения неродному языку важно полное раскрытие наиболее существенных для имен существительных характеристик, выявляя которые необходимо исходить из специфики лексической и грамматической систем конкретного языка.

Существительные, являясь частью словарного состава, не могут существовать в нем независимо. Они должны и усваиваться учащимися так, как существуют в активной языковой жизни, — не изолированно, а как системные единицы, органически связанные со всей лексической системой, прежде всего — с системой частей речи. Поскольку движение мысли и носителя языка, и изучающего этот язык как иностранный осуществляется от предмета к признаку и действию, то специфика существительного наиболее полно отражается в синтагматических связях с прилагательным и глаголом, «рядом» с которыми и через которые существительные «реализуют» свою семантику. На эти связи максимальное внимание обращали многие лингвисты, в частности А. А. Потебня и развивший его учение о языке и мышлении Д. Н. Овсяннико-Куликовский.

Так, находясь в тесной грамматической связи с именами прилагательными, существительные не только уточняют, но и значительно расширяют свой смысловой объем. С другой стороны, прилагательные, обозначающие какое-либо качество или свойство предмета, не могут существовать изолированно от этого предмета. Таким образом, конкретное существительное как опорная единица лексической базы обучения воспринимается и запоминается иноязычной аудиторией в блоке с определенным «набором» прилагательных.

То же наблюдается и с единицами такого лексико-грамматического ряда слов, как глаголы. Выполняя повествовательную функцию, глагол представляет (с точки зрения языка) мир в динамике, существительное — в статике. При этом глагол способен, управляя именем существительным, формировать словосочетания, а из них — предложения. Поэтому, вводя и отрабатывая в иноязычной аудитории какое-либо опорное существительное, управляемое глаголом или входящее вместе с глаголом (глагольным словом) в ту или иную конструкцию, мы формируем в речевой памяти иностранцев определенную, по выражению А. А. Потебни, «синтаксическую перспективу», поскольку известно, что корректное употребление лексической единицы в речи тесно связано с усвоением ее лексической и синтаксической сочетаемости.

В языке выражаемые глаголами действия, процессы, состояния всегда характеризуют те или иные предметы или явления. С другой стороны, существуя, предметы или явления не могут не подвергаться действию или находиться вне действия или состояния. Подобная логико-грамматическая взаимозависимость предмета и действия связана и с целевой лингвометодической характеристикой: не только существительное может вводиться в словарный запас учащихся через глагол, но и глагол или конструкция, в которую он входит как один из компонентов, должны фиксироваться в словаре иностранцев через имя существительное.

Лексико-грамматические связи имен существительных с другими частями речи не ограничиваются «чисто» синтагматическими характеристиками. Значительный интерес для лингвистов, психологов, психолингвистов представляют и сочетаемостно-словообразовательные возможности существительных, являющихся «производителями» других частей речи, в частности наречий.

В словарном составе языка отмечается многочисленная группа наречий-идиом, образованных путем сочетания разных падежных форм одного и того же существительного с предлогом и без предлога. Эти частотные и коммуникативно-ценностные лексические единицы, расширяющие лексический потенциал иностранных учащихся, в процессе работы группируются опытным преподавателем на основании общности значения или по той функции, которую они выполняют в языке. Так, например, наречия *день за днем, час за часом, шаг за шагом* объединяются общей семантикой постепенности. В то же время вместе с другими языковыми средствами они выражают и временное значение, ср.: *время от времени, со дня на день, с минуты на минуту* и т. п. Группу единиц, использующихся для выражения определительно-обстоятельственных отношений, пополняют наречия типа *лицом к лицу, носом к носу, плечом к плечу* и т. п. К ним можно отнести также и единицы типа *слово в слово, буква в букву, нога в ногу, точка в точку* и т. п., объединяющиеся значением «точно, одинаково (без ошибок)».

В этой связи важно упомянуть еще одно отмеченное Д. Н. Овсянко-Куликовским положение, характеризующее органическую связь языка и мышления. Материал, содержащийся в памяти, как считает ученый, сохраняется в ней не бессистемно — «он упорядочен, согласован и распределен по отделам, рубрикам» [3, 3], которые, находя свое вербальное выражение, соответствуют в языке различным объединениям лексических единиц. К ним относятся прежде всего лексико-грамматические разряды слов (части речи), которые, взаимодействуя, «складываются» в словосочетания, предложения и т. п., а также разного рода объединения, каковыми являются лексико-семантические,

тематические, ассоциативные, ситуативные группы слов, синонимико-антонимические парадигмы и т. п.

При этом, как утверждает Д. Н. Овсяннико-Куликовский, формулируя следующее положение «из психологии мышления», «между сознанием и сферой бессознательной происходит постоянное общение. Эти два вида умственной работы находятся в отношениях взаимодействия и обмена. Все, что попадает в сознание, сейчас же отражается и в бессознательной сфере, находя там родственные или сходные элементы или же звенья той же цепи представлений, к которой принадлежит элемент, находящийся в сознании» [3, 3—4].

Это положение психологии мышления представляется чрезвычайно важным для методики преподавания иностранного языка. Оно является основой для одного из ведущих ее принципов — принципа функциональности, который «предполагает усвоение новых лексических единиц и грамматических структур в тесной связи с их функциями в речи». Учет этого принципа «обеспечивает путь практического овладения языком; содержание речи определяет выбор и усвоение средств ее выражения» [2, 220]. Таким образом, лексическая база обучения неродному языку может расширяться за счет не только одноуровневых, но и межуровневых языковых связей имен существительных.

Как видим, комплексный подход к изучению имени существительного, включенного в систему частей речи, способствует расширению лексической базы и выработке принципов и методов обучения наполняющему ее языковому материалу в иноязычной аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Виноградов В. В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. — Изд. 2-е. — М., 1972.
2. *Глухов Б. А., Шукин А. Н.* Термины методики преподавания русского языка как иностранного. — М., 1993.
3. *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Синтаксис русского языка. — СПб., 1912.
4. *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Психология национальности. — Пб., 1922.
5. *Потебня А. А.* Мысль и язык. — К., 1993.

АБСТРАКТНЫЕ ИМЕНА И КОНЦЕПЦИИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ

(к определению Д. Н. Овсянико-Куликовским
категории отвлеченности имен в русском
языке)

Д. Н. Овсянико-Куликовский как представитель психологического направления в языкознании рассматривал язык как феномен интеллектуально-психологической деятельности человека, как феномен психологического состояния субъекта и реципиента. Анализируя то или иное языковое явление, Д. Н. Овсянико-Куликовский апеллирует прежде всего к мыслительному процессу человека, к отражению в его сознании определенного лингвистического процесса. Так, определяя значение частей речи, он обращает внимание на то, что это прежде всего форма мысли: «Прилагательное есть часть речи, иначе, — форма мысли, изображающая признаки, находящиеся в предметах, пассивно в них пребывающие», или: «Имя существительное есть часть речи или форма мысли, служащая для обозначения предмета (вещи, существа) как совокупности признаков...» [4, 29].

Д. Н. Овсянико-Куликовскому принадлежит глубокое и своеобразное определение и обоснование категории признаковости имени у имен существительных с непредметным значением (типа *белизна, доброта, красота, бег*). Процесс формирования и восприятия таких слов получает психологическое обоснование: ученый указывает на тот факт, что основу значения данной группы слов составляет категория признаковости, а не предметности, что характерно для имени существительного как части речи; в этой ситуации, считает Д. Н. Овсянико-Куликовский, мы имеем дело с несовпадением «содержания (материального, лексического) с их грамматической формой» [4, 30]. Поэтому, «разбирая такие существительные, мы яснее видим, где, так сказать, кончается их содержание и где начинается их форма. Мы легче устанавливаем различие между содержанием и формой» [4, 29]. Такие имена существительные Д. Н. Овсянико-Куликовский называет *фиктивными*, то есть «не отвечающими действительности». Под фикцией он понимает такой прием мысли, в силу которого «мы условно принимаем существование того, что в действительности не существует или хотя и существует, но не в том виде, в каком мы его представляем себе» [4, 31].

Д. Н. Овсянико-Куликовский дал образное описание *механизма* называния отвлеченными именами того или иного явления: происходит «средоточие

однородных признаков разных вещей», которые (признаки) «собираются в одну точку» [4, 29].

Идея о несовпадении формы и значения у отвлеченных (признаковых) имен существительных получила всестороннее освещение в трудах языковедов нашего времени (см. работы А. А. Уфимцевой, Н. Д. Арутюновой, Д. И. Руденко и других), нашла свою интерпретацию в современных концепциях семасиологического описания лексики. Абстрактные имена наряду с номинальными составляют смежные семиологические классы слов, лишенные референции и не подводимые под таксономические разряды. С ономаσιологической точки зрения (от вещи или явления — к мысли об этой вещи, явлении и к их обозначению языковыми средствами) абстрактные имена выделяются в особый класс слов на основании того, что обозначают они понятия, а не сами предметы, существующие в реальной действительности. Как отмечает А. А. Уфимцева, отвлеченные имена — это продукт ментальной деятельности человека [10]. Происходит овеществление, опредмечивание понятий (ср. у Д. Н. Овсяннико-Куликовского: «известные признаки вещей представляются так, как будто они сами суть особые вещи» [4, 30]).

В монографии, посвященной философии имени, Д. И. Руденко пишет, что «абстрактные имена представляют обозначаемое ими явление действительности в качестве своего рода самостоятельных предметов. В этом отчетливо проявляется активность языка как средства отражения мира» [6, 132].

Осознание существования семиологических классов в целом и абстрактных имен в частности обозначало в лингвистике формирование учения о языковой картине мира и теории номинации. Общие положения концепции языковой картины мира были сформулированы А. А. Уфимцевой [10]. Особое место занимают здесь понятия онтологических объектов и объективации в языке, собственно реальность и реальность опосредованная.

Представление общей картины мира с помощью языка служит основой вербальной, языковой картины (модели) мира. В силу этого часто употребляемое понятие «реальность» является уже не онтологической реальностью, а фактически только тем, что человек может выразить через язык: классы существующих и несуществующих, фиктивных или воображаемых объектов, понятий, представлений, которые человек вычленил при помощи языка из природы или творчески создал и дал им имя, то есть те, которые человек способен различать и мысленно представлять как уже объективированные, освоенные им ранее. Поэтому под понятие «объект» подпадают не только природные вещи и артефакты, но и интеллектуальные, прагматические и эмоциональные оценки и характеристики. Нередко некоторые «объекты» можно постичь лишь разумом, так как они настолько абстрактны, что их невоз-

можно идентифицировать с какими-либо реально существующими предметами и явлениями.

Б. А. Серебренников усматривает в возникновении абстрактных имен «элемент творчества, но это творчество не идет вразрез с отражательной способностью нашего мышления» [8, 97].

Конкретные существительные, называя предмет, выполняют свою номинативную функцию *непосредственно*. В том случае, когда под категорию предметности подводятся действия, качества и другие отвлеченные понятия, имена существительные выполняют функцию называния *опосредованно*. Несоответствие категориальной семантики существительных (значение предметности) реалии, обозначаемой подклассом имен качества, и дает основание относить этот подкласс к средствам непрямого косвенного обозначения. Таким образом, подкласс отвлеченных имен отличается двойственной семантико-грамматической природой. Указанная двойственность — результат взаимодействия в этих именах категориальных значений предметности и качества.

Несовпадение грамматической формы и значения слова наблюдается не только в именах существительных, но более всего — в местоимениях и числительных. Эти части речи в их традиционном объеме обнаруживают негомогенность формы и общего типа лексического значения. Отсутствие такой согласованности привело ученых к изменению традиционной (школьной) концепции частей речи — в основу была положена грамматическая концепция. Дейктическое значение для местоимений не является категориальным признаком, так как им обладают разные грамматические классы местоименных слов (*тот, такой, столько, там*). Этот признак является для них грамматическим только в соотношении с именем существительным. Поэтому авторы Грамматики — 70 и Русской грамматики — 80 выделяют в качестве отдельной знаменательной части речи только местоимение-существительное (*я, мы, он, кто-то, что-нибудь* и другие). Остальные же слова, в значении которых присутствует указательность, относятся к другим знаменательным частям речи, в зависимости от того, какими грамматическими признаками они обладают: *какой, мой, такой* — прилагательные; *там, где, как* — наречия; *сколько, столько* — числительные.

Для числительных основным категориальным признаком является не только счетность, но система грамматических признаков и форм в целом и феномен синтаксической сочетаемости с именем. Поэтому, хотя термин «числительное» традиционно и употребляют для наименования всех слов с количественно-числовым и счетно-порядковым значением, слова эти принадлежат к разным частям речи: собственно числительным (*два, десять, пятеро*), существительным (*миллион, миллиард*), прилагательным (*пятый, девятый*).

Идея отражательного превращения частей речи стала основой учения о лексической и синтаксической деривации. Выстраивая пары *белый* — *белизна*, *добрый* — *доброта* и говоря о тождестве значений прилагательных и существительных, Д. Н. Овсяннико-Куликовский фактически определяет содержание синтаксической деривации, не употребляя этого термина.

Явление и термин синтаксической деривации после трудов польского языковеда Е. Куриловича получили достаточно широкое освещение в лингвистической литературе — самостоятельно и в контексте семиологических классов и языковой картины мира. Е. Курилович вводит деление процессов деривации по характеру наблюдающихся изменений и их результату. По мнению ученого, явления деривации могут быть направлены либо на изменение функции исходного слова, либо на изменение его лексического значения. «Синтаксический дериват,— пишет он,— это форма с тем же лексическим содержанием, что и у исходной формы, но с другой синтаксической функцией» [3, 61].

К классическим видам синтаксической деривации вслед за Е. Куриловичем относят отношения выводимости, в центре которой находятся абстрактные имена (*белый* — *белизна*, *строгий* — *строгость*, *бежать* — *бег*, *бегство*, *веселый* — *весело*, *железный* — *из железа*).

Идея преобразования одного и того же содержания в различные грамматические (синтаксические) формы логически привела к расширению рамок синтаксической деривации. Так, Е. Л. Гинзбург считает, что синтаксические дериваты «фиксируют факт принадлежности семантике каждого производящего определенного синтаксического свойства» [1, 36]: *учить* — *учитель*, *друг* — *дружить* — *дружба*, *солить* — *солонка*. Лексические дериваты обнаруживают семантические сдвиги, отмечает Е. Л. Гинзбург: *нанять* — *наемник*, где производное слово в прямом значении — это «чужеземец, на время нанятый служить в армии», а не просто «тот, кто нанимается или будет нанят делать что-нибудь».

Разделяя идею широкого понимания синтаксической деривации как реализации синтаксического свойства производящего, Е. С. Кубрякова разработала более сложную и развернутую классификацию словообразовательных процессов. Дифференцируя межчастеречное и внутrichастеречное словообразование, автор выделяет в рамках первого вида чисто синтаксическую деривацию (*белый* — *белизна*) и транспозицию, осложненную изменением синтаксической характеристики и изменением лексического значения: *отец* — *отцовский* (взгляд). Внутrichастеречное словообразование дифференцируется на модификационное и мутационное. Результат мутационного словообразования позволяет описать различия между производными и производящими

в грамматических терминах (род: *летчик* — *летчица*, вид: *делать* — *сделать*, залог: *радовать* — *радоваться*). Модификация требует описания этих различий в лексических терминах, то есть реализуется так называемое фразеологизированное словообразование (*вата* — *ватник*).

И. Б. Шатуновский выводит широко понимаемую синтаксическую деривацию на уровень текста. Преобразование лексических единиц, которые «в некотором смысле не затрагивают их лексического значения, а сводятся к изменению их функций», ученый назвал функциональным [11, 21]. Функциональная деривация происходит на коммуникативно-семантическом уровне, уровне функционирования смыслов слов в семантической структуре элементарного предложения. Обозначение одной и той же ситуации производящим и его синтаксическим дериватом не меняет смысла высказывания, а изменяет функцию смысла в семантической структуре предложения: *Он защищает слабых* — *Он защитник слабых*.

Более строго подходит к явлению синтаксической деривации Ю. С. Степанов. Он считает, что синтаксические трансформации в собственном смысле слова являются аналогами трансформаций словарных единиц, имен и предикатов, но совершаются, кроме словарных, еще и синтаксическими средствами. При этом под трансформами понимаются только такие преобразования, при которых сохраняется определенное тождество формы: в синтаксических трансформациях оно выражается в том, что сохраняются имеющиеся лексемы и не вводятся новые. Ср.: *Лес шумит* — *Шум леса* [9, 194].

Таким образом, понятие синтаксической деривации стало основой учения о транспозиции, трансформации и в известной мере — синтаксической синонимике. Все эти явления работают при изучении различных текстовых преобразований: моделировании текста, проспекции, компрессии, когезии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гинзбург Е. Л. Словообразование и синтаксис. — М., 1979.
2. Кубрякова Е. С. Типы языковых значений. Семантика производного слова. — М., 1981.
3. Курилович Е. Очерки по лингвистике. — М., 1962.
4. Овсянко-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. — СПб., 1912.
5. Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. — М., 1988.
6. Руденко Д. И. Имя в парадигмах «философии языка». — Харьков, 1990.
7. Русская грамматика. — М., 1980. — Т. 1.
8. Серебrenников Б. А. О материалистическом подходе к явлениям языка. — М., 1983.
9. Степанов Ю. С. Имена. Предикаты. Предложения. — М., 1981.
10. Уфимцева А. А. Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики. — М., 1986.

Е. П. МОСЬПАН

СОБИРАТЕЛЬНОСТЬ В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Идеи исследований Д. Н. Овсянико-Куликовского, его размышления над становлением лексического значения слов и грамматических форм могут быть использованы для понимания сложной и не поддающейся многим категорическим решениям в аспекте синхронии лексико-грамматической группы собирательных имен.

Определяя слово как «процесс... сводящийся к известным процессам ассоциации и апперцепции» [4, 46], Д. Н. Овсянико-Куликовский в терминах психологии фактически пишет о действии законов аналогии и зависимости восприятия значения и формы слова от опыта, знаний и содержания духовной жизни человека.

В другой своей работе Д. Н. Овсянико-Куликовский пишет о том, что «грамматические отношения первоначально входили в состав значения слова или служили его представлением, способом изображения», их «напряжение как бы получало живой образ, снабжалось конкретными чертами, обрисовывалось и ближе определялось с различных сторон» [5, 58]. Значение собирательности ближе всего к значению единичности (недаром большинство слов этого класса имеют форму единственного числа).

Собирательные существительные являются особым способом выражения реальной множественности, даже при наличии соотносительной формы множественного числа (*студенчество* — *студенты*). Идея неопределенности и совокупности множества могла быть оформлена по аналогии к целостности единственного числа (см. концепцию категории числа А. В. Исаченко [2, 37—38]). Порождение человеческой мысли, в определенных случаях кажущееся избыточным (*кусты* — *кустарник*), — собирательность — амбивалентна. С одной стороны, она обладает признаком абстракции, что делает эти имена в принципе нереферентными (*У елей нежные веточки* — *У ельника нежные веточки*), с другой стороны, «живой образ», снабженный конкретными чертами, содержит скрытые элементы значения (*ельник* — *лес, состоящий из елей, и площадь; купечество* — *купцы и сословие*). Отсюда и их свобо-

да по отношению к частеречной принадлежности мотивирующего слова и семасиологическим классам производящих имен (*конница, матросня, хлам, рассада*).

«Настоящие» собирательные существительные неисчисляемы и находятся в сложных отношениях с дискретностью (прерывистостью, составностью их отдельных частей). Этот признак собирательных имен имеет двойное измерение. С одной стороны, это дискретность составляющих единиц, полностью определяемая типом мотивирующего (*студенчество, гнилье*), с другой — это их дискретность как целостных единств, т. е. со стороны формы. Сближающая собирательные существительные с единственным числом числоизменяемых слов целостность (неделимость) с точки зрения психологического восприятия, представления, по аналогии с единственным числом, по его грамматическому «образу», системной грамматической оппозиции, проекция единственного числа на словообразовательном уровне создает возможность понимания некоторых из них как дискретных и введения их в систему окказионального или даже узуального числоизменения (*аппаратуры, клавиатуры*). Представление о целостности и дискретности по отношению к другому множеству (множественному числу) является двигателем числоизменения. Большую роль при этом играет не собственно квантитативное (они принципиально неисчисляемы), а кваликативное значение множественного числа (*разные вооружения, аппаратуры, методики, мифологии*). Аналогию можно найти в случаях, когда множественное число лишается значения собирательности (*сыновья, кумовья, сучья* в синхронии — единственная форма множественного числа).

Организация собирательных существительных негомогенна во всех отношениях: они мотивируются словами разных частей речи и разных классов слов (*кулачье, гниль, поросль, руководство, заболотье, простонародье, судоустройство*) соотносятся/не соотносятся с дискретной единицей (*человечество, нечисть, конница*), являются производными/непроизводными (*мужичье, парфюмерия*), «организуют» предметы, вещество или отвлеченность (*упряжь, рвань, солонина, армейщина*), являются «чисто» собирательными, или собирательность не поддается осмыслению на уровне синхронии; оформляются единственным или множественным числом (*ивняк — джунгли, лапта — горелки, еда — субпродукты*) и многое другое.

Известно, что все слова с элементами количественного значения в целях выявления имплицитного различия между ними подвергаются пробе на сочетаемость с кванторными словами. Кванторами в лингвистике называют слова, так или иначе отграничивающие или определяющие экстенционал выражаемого именем множества, с помощью которых аналитически, внешне выражается у собирательных существительных универсальная функция числа (квантитативная актуализация). В качестве кванторов называют слова: *каж-*

дый, некоторый, один, весь, многие [3, 28]; каждый, некоторый, все, любой, много, мало, многие, кто, что, который (квантитативные универсальные определители у А. А. Уфимцевой [8, 160]); *весь, всякий, каждый, мало, много, немногие, многие* [1, 195, 200]. Перечисленные слова свободно сочетаются с конкретными счисляемыми существительными. Еще более универсальны строевые слова: *вид, тип, порода, особь, экземпляр, штука, член* и т. д. Сочетания собирательных имен со строевыми словами представляют собой реализацию на лексическом уровне универсальной модели «целое — часть».

Кванторы вовлекают собирательные существительные в открытую систему разнородных аналитических средств выражения значений морфологической категории числа. В сочетании с кванторами собирательные существительные обнаруживают квалификативное значение. Кваликативная множественность стоит над квантитативной, так как охватывает все лексемы и лексико-семантические варианты, независимо от числоизменяемости и формы числа. Определяющим фактором является возникающая потребность обозначить видовые или количественные различия, и тогда в языке появляются *аппаратуры и профессуры*.

Сочетания с кванторами показывают разнородность данной лексико-грамматической группы. Чтобы выявить имплицитные различия, произведем эксперимент на сочетаемость кванторов с основными группами собирательных существительных.

Большинство собирательных существительных плохо сочетаются с кванторами, на что, вероятно, оказывает влияние неопределенность называемых этими именами собирательных множеств. Сочетаемость с кванторами выявляет неоднородность этой группы слов.

Для анализа слов этого класса существенными являются признаки: 1) производности/непроизводности (*студенчество — хлам*); 2) соотношение с формой числа (*матросня — матросы, зверье — звери*); 3) дискретность/недискретность единиц, составляющих эти множества (*мускулатура — гнилье*); 4) однопорядковость или разнопорядковость включаемых признаков (*листва, студенчество, генералитет, пехота*). Существование для собирательного множества класса однородных, составляющих его единиц способствует широкой сочетаемости собирательного существительного с кванторами. «Размер» собирательного множества, разнородность и широкая референция обычно мешают свободной сочетаемости собирательных имен с кванторами (*все студенчество — все командование*); 5) отрицательно сказывается на сочетаемости и экспрессивная окраска: либо она делает невозможным подобные конструкции, либо изменяет значение самого квантора (*вся матросня*).

Не все вышеперечисленные кванторы могут сочетаться с собирательными именами. В силу своего значения не используется в подобных конструк-

циях определительное местоимение *каждый* (словарное значение: один из всех, взятый отдельно, любой из себе подобных). Невозможна также конструкция *каждый из* + собирательное имя. Собирательные имена, используемые в таких конструкциях, допускают употребление во множественном числе в тех случаях, когда внутреннее собирательное значение отходит на второй план, как бы игнорируется, и объект воспринимается как дискретный (*каждая аппаратура, каждая клавиатура, каждая видеотека*).

Не используется с собирательными существительными квантор *многие*, так как он требует множественного числа, а собирательные имена в подавляющем большинстве принадлежат к *Sing. tant*.

Наречия *много, немало, мало, немного* уже в силу своей семантики могут употребляться только с собирательными существительными с вещественно-недискретным значением, у которых единица не выделяется или выделяется описательно, как квантификатор массы (*много хлама, рухляди, зелени*).

Практически без ограничений употребляются с собирательными существительными указательные местоимения *этот (эта, это)* и *тот (та, то)*, которые позволяют как бы выделять разные типы объекта, передавать значение разновидностей: *это и то казачество, эта и та листва, эта и та детвора, эта и та пехота, это и то белье*. Такое употребление приближает собирательные существительные к аналитическому числоизменению. Появляется возможность разделить во времени и пространстве подобные собирательные множества на качественно отличающиеся «подтипы».

Почти универсальным определительным квантором для собирательных имен является местоимение *весь (весь, вся, все)* с двумя своими значениями: дискретным значением «в полном составе» при тотальной референции и недискретным «в полном объеме» при распределительной референции самого высказывания.

Как указывают Т. В. Булыгина и А. Д. Шмелев, «квантификация при помощи *весь* оказывается успешной, только если “объемлющее множество” является определенным для адресата речи» [1, 197]. Такая определенность может иметь место в двух случаях: 1) когда «объемлющее» множество включает все объекты данного типа при общеродовой (универсальной) соотнесенности высказывания (*Всю косметику нельзя хранить долго*); 2) когда «объемлющее» множество состоит из объектов, введенных в поле зрения адресата речи или однозначно определяемых (при конкретной соотнесенности высказывания) (*Потом он обратился с призывом ко всему студенчеству города*). Применительно к собирательным существительным сложно говорить об общеродовой (универсальной) соотнесенности, так как собирательные имена называют множества, лишённые границ, которые в реальной действительности не мо-

гут распадаться на целостные единицы. Эти множества — в большинстве случаев продукт ментальной деятельности, переосмысления, идеализации действительности. Вероятно, правильнее будет говорить преимущественно о конкретной определенной соотношенности высказывания. Если местоимение *весь* употребляется с существительными типа *студенчество, купечество, пионерия, аристократия* (множества, состоящие из дискретных, однородных единиц), то о тотальной соотношенности высказывания говорить трудно. Скорее, в таких случаях это соотношенность с большинством единиц данного множества. Связано это, вероятно, с неопределенно большим составом множеств.

Стоящее особняком существительное *человечество* уже по своей семантике определено, и его сочетание с *все*, избыточное по объему значения, несет усилительное значение. Сочетание *все* + прилагательное (напр., *прогрессивное человечество*), уменьшая, изменяет объем значения существительного (данное сочетание можно рассматривать скорее как некий штамп с определенной оценочной нагрузкой, так как с другими прилагательными эта конструкция практически не встречается).

Существительные типа *командование, директорат*, сочетаясь со словом *весь*, подразумевают именно полный состав множества (*командование, администрация, директорат в полном составе*). Думается, что здесь сказывается достаточная определенность, узость, возможно, даже замкнутость состава.

Таксономические производные и непроизводные именованья также легко сочетаются с квантором *весь*: *вся парфюмерия, вся галантерея, вся бижутерия, вся мебель, вся посуда, вся одежда, все белье*. В данных конструкциях реализуется значение разновидностей, что связано с семантикой самих собирательных существительных: это таксономы различных видов мебели, парфюмерии, белья и т. п. Эти слова выступают в квалификативном значении: *все виды парфюмерии, все виды бижутерии, все виды мебели*. В то же время при конкретной соотношенности высказывания (*Сложить всю косметику в одну коробку; У них вся одежда грязная; Все белье на нем промокло*) подразумевается именно конкретное множество и значение разновидностей нейтрализуется самой ситуацией.

Определительное местоимение *всякий* выступает в сочетаниях с собирательными существительными в значении «разный, всех видов, какой бы то ни было, самый разнообразный, всевозможный». Его другое значение — «каждый» — несовместимо со значением собирательной множественности (см. выше о кванторе *каждый*). Использование квантора *всякий* активизирует, выводит на первый план квалификативное значение, подчеркиваются именно качественные различия или, при возможности, чисто видовые различия: *разнообразная листва, разнообразная аппаратура; всякая парфюмерия, всякая одежда, всякое белье — всякие виды парфюмерии, одежды, белья и т. д.*

При употреблении с оценочными существительными с финалиями *-ня, -ье, -ота, -щина* (независимо от степени дискретности) реализуется переносное значение местоимения, усиливающее негативную оценку, привносимую суффиксами: *всякое мужичье, бабье; всякая матросня, солдатня*.

ЛИТЕРАТУРА

1. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). — М., 1997.
2. Исаченко А. В. О грамматическом значении // Вопросы языкознания. — 1961. — № 1.
3. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. — Л., 1972.
4. Овсянико-Куликовский Д. Н. О значении научного языкознания для психологической мысли // Овсянико-Куликовский Д. Н. Собр. соч.: В 9-ти т. Спб., 1909. — Т. 6.
5. Овсянико-Куликовский Д. Н. Язык и искусство. — Спб., 1895.
6. Реформатский А. А. Число и грамматика // Вопросы грамматики (Сборник статей к 75-летию акад. Мещанинова). — М.-Л., 1960.
7. Руденко Д. И. Имя в парадигмах языка. — Харьков, 1990.
8. Уфимцева А. А. Типы словесных знаков. — М., 1974.

М. С. ЗАОБОРНА

ПИТАННЯ СИНКРЕТИЗМУ ДРУГОРЯДНИХ ЧЛЕНІВ РЕЧЕННЯ В СИНТАКСИЧНИХ ДОСЛІДЖЕННЯХ Д. М. ОВСЯНИКО- КУЛИКОВСЬКОГО

У контексті синтаксичних досліджень Д. М. Овсянико-Куликовського певною своєрідністю вирізняється погляд ученого на другорядні члени речення. Він виявляється, зокрема, у підручнику-монографії «Синтаксис русского языка» (1912).

У синтаксичній науці того часу стосовно другорядних членів речення склалася ситуація протистояння двох напрямів: логіко-граматичного (буслаївського) та формально-граматичного. Струнка, як на перший погляд, логіко-граматична система визначення другорядних членів на основі двох критеріїв — смислового (за питанням) та граматичного (за типом синтаксичного зв'язку) — виявилась не такою вже й досконалою. Це помітив і сам Ф. І. Буслаєв, розглядаючи структури на зразок «*войти вь городь*», де форма «*вь городь*» виражає обставинне значення і водночас є керованою, що дає підстави кваліфікувати

її як додаток [2, 28]. Таким чином, логіко-граматичний підхід до другорядних членів речення не став абсолютним, оскільки були виділені чіткі змістові, логічні категорії, але не визначені такі ж чіткі граматичні форми, які б їм відповідали. З іншого боку, формально-граматичний підхід (О. Шахматов, О. Пешковський, О. Потєбня), який передбачав визначення другорядних членів речення тільки за одним принципом — синтаксичним вживанням, був значною мірою асемантичний. Відповідно надмірне захоплення формальним виявом другорядних членів залишало поза увагою зміст реченневих структур і певним чином знецінювало роль другорядних членів як поширювачів граматичної основи. Адже незброєним оком видно, що однакові за формальною будовою речення виражають абсолютно різні думки. Пор.: *Дід схилився на палицю* (розташування об'єктів у навколишній дійсності) і *Жита схилилися на літо* (стан рослинного світу в певний період часу). У такій ситуації погляди Д. М. Овсянико-Куликовського на другорядні члени речення, зокрема на додаток, вирізнялися нетрадиційністю та актуальністю.

У цілому всі аспекти студій Д. М. Овсянико-Куликовського об'єднує проблема синтаксичного вживання слів, або синтаксичних форм («частин речення»), що є втіленням певного змісту. Це можна стверджувати, взявши до уваги хоча б роздуми вченого про те, що, «вживаючи слова для здійснення мовлення, ми їх перетворюємо в синтаксичні форми», однак «в акті мовлення звертаємо увагу на смисл» [3, 6]. З огляду на це можна вважати Д. М. Овсянико-Куликовського одним із тих дослідників, які заклали основи сучасних поглядів на синтаксичні одиниці як одиниці багатоаспектні, що являють собою єдність формальної і змістової організації.

Стосовно додатків. З одного боку, Д. М. Овсянико-Куликовський визначає другорядні члени речення на формальній основі. Так, додаток — це керовані іменники в непрямих відмінках. З іншого боку, дослідник виходить за межі формально-граматичного погляду. У цьому аспекті варто зупинитись на таких моментах його теорії.

Д. М. Овсянико-Куликовський розглядає другорядні члени речення не лише як синтаксичні форми, а й як форми, в яких втілений певний зміст. Так, додаток для нього — це не просто керована іменникова форма, це «частина речення, що позначає у формі іменника предмет (об'єкт)» [3, 55]. Тим самим стверджується, що синтаксичному значенню відмінкової форми повинно відповідати значення об'єкта.

У системі додатків Д. М. Овсянико-Куликовський виділяє так звані «фіктивні додатки», або «додатки-обставини». Виділення цього «проміжного різновиду» другорядних членів речення — своєрідна спроба знайти компроміс між логіко-граматичним та формально-граматичним поглядами. Підстава для ви-

ділення «фіктивних додатків» ніби знову ж таки формальна — тип синтаксичного зв'язку. Проте це вже не керування, а так зване «удаване керування», коли «у стосунку до дієслова-присудка нема явних ознак керування, а є тільки зовнішній і ніби неправдивий вигляд його» [3, 236]. «Удаване керування» — це те саме «відмінкове прилягання», про яке йдеться в сучасних синтаксичних описах [4, 21]. На даний момент цей вид підрядного зв'язку усвідомлюється як такий, за якого керована форма втрачає своє предметне значення і набуває атрибутивного, обставинного. Пор.: *писати книгу* (керування) і *писати тиждень* (відмінкове прилягання). Див. також приклади додатків та «фіктивних додатків» у Д. М. Овсянико-Куликовського: «*рисую картину*» і «*петь теноромъ*», «*ѣхать лѣсомъ*». Таким чином, в основі виділення «удаваного керування» лежить семантичний, змістовий критерій. Д. М. Овсянико-Куликовський цього не акцентує, однак зазначає, що форми, які приєднуються «удаваним керуванням», «майже втратили відмінкове значення і збиваються на прислівник» [3, 258]. Характеризуючи «фіктивні додатки», дослідник називає не лише відмінкові форми, якими вони представлені, а й значення таких відмінкових форм, причому це вже не значення об'єкта. Пор.: знахідний кількості, знахідний часу, родовий дати, орудний часу, орудний місця тощо [3, 236]. Тим самим йдеться про те, що певні лексеми, займаючи позицію керованої словоформи, не мають значення об'єкта, а виражають ті чи інші відтінки обставинного значення і тому не можуть вважатися додатками в абсолютному смислі цього слова.

У світлі сучасних синтаксичних теорій «фіктивні додатки» можна визначити як синкретичний член речення, який поєднує в собі ознаки додатка та обставини. Що ж стосується досліджень Д. М. Овсянико-Куликовського, то вони стали однією з предтеч сучасних поглядів, згідно з якими формальні характеристики членів речення не завжди чітко співвідносяться з їх смисловими ознаками. Тому в традиційній класифікації другорядних членів речення виділяється так звана зона переходу, зона синкретизму, де один другорядний член поєднує в собі ознаки кількох.

Виділяючи «фіктивні додатки», Д. М. Овсянико-Куликовський намагається охарактеризувати фактори, які визначають їх існування. Так, простежується невідповідність між формою і змістом «фіктивних додатків». Зокрема, ілюстративний матеріал «Синтаксиса русского языка» показує, що в позиції аналізованих членів речення виступають словоформи, лексичне значення яких має виразний обставинний (зокрема темпоральний) відтінок, а також «фіктивні», тобто абстрактні, іменники, які не мають своїм денотатом предмет. Наприклад: *лѣтомъ, зимою, къ обѣду, за старостью*.

Д. М. Овсянико-Куликовський звертає увагу на роль прийменників у формуванні обставинного значення у відмінкових форм. Його думки про те, що

вони, виступаючи засобом зв'язку, водночас «мають і свої лексичні значення, що нагадують значення прислівників» (читай обставинні значення.— М. З.) [3, 260], співзвучні з сучасним положенням про взаємодію сполучників і прийменників як виразників семантико-синтаксичних відношень. Пор.: *Трава по-жовкла, тому що було сухо* і *Трава по-жовкла від посухи* (у першому реченні сполучник *тому що* виражає причинові відношення між головною й підрядною частинами, у другому ці ж відношення репрезентує прийменник *від*, при якому вживається абстрактний іменник, до якого згорнулася підрядна частина). Подібні приклади наводить і Д. М. Овсянико-Куликовський. Пор.: *на чась, кь обеду* (прийменник має часове значення), *за старостью, за давностью* (прийменник виступає виразником причинової семантики), *на чай, по грибы* (прийменник виражає мету), *за море, на землю* (прийменник зі значенням руху) [3, 264].

Проводячи межу між «фіктивними» додатками та типовими, Д. М. Овсянико-Куликовський зауважує, що останні безпосередньо керуються дієсловом і залежать від його лексичного значення. Відповідно додатками вважаються ті члени речення, які вживаються біля лексем, значення яких передбачає обов'язкову наявність біля них лексем на позначення об'єкта (*читаю книгу, боюсь грозы, достичь берега, рисую карандашом*). Додатки-обставини ж вживаються біля лексем, для яких позиція об'єкта необов'язкова (*жить, умереть, спать*). Див. також пояснення: «*Творительный «войною» вь «итти войною» не зависит от лексического значения глагола «итти» и только состоит при этомъ глаголѣ, вь противоположность творительному того же слова вь выраженіи «угрожать войною», гдѣ онъ явно зависит от лексического значения глагола и является творительнымъ орудия*» [3, 257]. Тим самим мовознавець виділяє фактор, який веде до формування синкретичних членів речення і визначається сьогодні як лексико-граматичні властивості поєднуваних словоформ [1, 86].

Таким чином, виділяючи і характеризуючи «фіктивні додатки», Д. М. Овсянико-Куликовський заклав основи сучасних поглядів на синкретизм другорядних членів речення. З іншого боку, часткові спостереження над лексико-семантичним наповненням речення з метою визначення другорядних членів робить його синтаксичні дослідження актуальними і в сьогоденній час, коли осмислення лексичних явищ у їх стосунку до явищ граматики є одним із основних завдань синтаксичної науки.

ЛІТЕРАТУРА

1. *Бабайцева В. В.* Система членов предложения в современном русском языке. — М., 1988.

2. Буслаев. Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка: Ч. II: Синтаксис. — М., 1858.

3. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. — СПб., 1912.

4. Русская грамматика. — М., 1982. — Т. 2.

5. Слинко І. І., Гувайнюк Н. В., Кобилянська М. Ф. Синтаксис сучасної української мови. Проблеми питання. — К., 1994.

КОННОТАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СЛОВА В ТРУДАХ А. А. ПОТЕБНИ И Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО И НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Н. И. СУКАЛЕНКО

МЕТАФОРА В ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ

В последнее время переживает настоящий ренессанс изучение картин мира различных типов сознания — обыденного, художественного, научного. При этом как следствие феномена психического отражения становится очевидным размывание границ между ними. Так, А. А. Зиновьев подчеркивает, что в науке наряду с достаточно сложными формами знаний и методами их приобретения, для овладения которыми нужна профессиональная подготовка, фигурируют и простые формы знаний и методы их получения, которые с логической точки зрения ничем не отличаются от форм и методов, существующих вне ее [2, 151]. Например, в таких описательных науках, как зоология и ботаника, не только чрезвычайно велика роль образного элемента, как в художественном и обыденном сознании, но даже присутствует экспрессия. Ср.: *кларкия хорошенькая* и *желтушник красивенький*. В то же время В. Г. Власов, автор трехтомного фундаментального словаря «Стили в искусстве», отмечает, что важный глубинный смысл имеют и такие совсем «ненаучные» названия, как «английский стиль», «петербургский стиль», которые совершенно необходимо включить в словарь [1, 30]. Эти стили представляют собой уникальный сплав исторических, этнических и ландшафтных условий.

На роль «тесного психологического сродства» между художественным творчеством и обыденным сознанием указывает Д. Н. Овсянико-Куликовский. Намного опережая свое время, он обращает внимание на роль образного кодирования в языковой системе знаков. По его мнению, большинство предметных понятий (например, *дом, человек*), признаков (например, *хороший, злой, большой*), действий и состояний (например, *сидеть, говорить, обедать*,

радоваться) в их обычном употреблении, неразлучном со словесным выражением, являются не столько отвлечениями, сколько образами [5, 61]. Более чем через полтора века в работе 1976 г. А. А. Леонтьев высказывает предположение о том, что в словах с конкретным значением на самом деле мы имеем дело не со словами, а с чувственным образом [3, 66].

Среди образных средств языка Д. Н. Овсяннико-Куликовский особо выделяет метафору, справедливо считая ее кратчайшим и удобнейшим путем к установлению и выражению новых понятий. И в случае создания и употребления метафор повседневное творчество, по мысли автора, неразрывно связано с художественным: «Говоря «у него железный характер» и держа при этом в сознании то, что слово «железный» в данном случае перенесено от представления твердости железа к представлению твердости или силы характера, я в этот момент являюсь маленьким, минутным художником» [5, 91]. Правда, данный конкретный пример не слишком удачен, так как в соответствии с авторской классификацией «метафор различных степеней» иллюстрирует не «живую» метафору, а «мертвую», равносильную «словам языка прозаического» [5, 92]. Впрочем, следует иметь в виду, что еще не существует сосюровской дихотомии о разграничении синхронии и диахронии.

Углубляясь в антитезу повседневного и художественного творчества, Д. Н. Овсяннико-Куликовский делает тонкое замечание о том, что художник, в отличие от обычного человека, зачастую дорожит самими образами [5, 66]. Однако при подобном разграничении он учитывает и различную степень писательской одаренности, не забывая о существовании «поэтов-обывателей», творящих, «как птичка поет, без мук слова». Хорошо известно, что некоторые критики, в силу специфики жанра являющиеся посредниками между читателем и художниками, могут превосходить последних в степени одаренности.

Акцентируя внимание на общности художественного творчества и обыденного мышления, автор делает вывод о том, что понимание художественного произведения есть в некоторой мере повторение художественного творчества [см.: 5, 79]. Полностью подтверждает высказанную мысль непонимание массовым читателем сложнейшей литературы «потока сознания». Способ мысли как нагромождение ассоциаций, их рост, их сцепление не может быть им повторен. Именно поэтому «Улисс», по словам Д. С. Лихачева, «не может быть прочитан массовым читателем» [4, 141]. Не случайно комментарии к роману чуть ли не превосходят по объему 700-страничный роман. Не случайно Джойс только мечтал об идеальном читателе, который посвятит всю свою жизнь чтению, изучению, расшифровке этой гигантской книги-символа. Сложнейшие метафоры Х. Кортасара толкуются в массе критических статей и диссертаций. Обладатели элитарного сознания оперируют, подобно Джойсу и

Кортасару, историей различных цивилизаций, их взаимовлиянием и отталкиванием, ролью отдельных личностей в истории определенной культуры, историей различных школ и направлений, — словом, колоссальным объемом энциклопедических сведений. К тому же предпосылки для непонимания уже заложены в фундаментальных свойствах языка как знаковой системы. Как отмечает Д. Н. Овсяннико-Куликовский, «слова являются только пружинами, орудиями мысли и не годятся для ее окончательного выражения» [5, 100]. Ср. в этом плане высказывание Л. Витгенштейна о том, что «язык скрывает мысль». Впрочем, невозможность полного совпадения намерений и способов их осуществления — свойство не только языка, но всех знаковых систем искусства. «Величия достигаешь, — пишет Ван Гог, — не только поддаваясь своим порывам, но еще и терпеливо скребя стальную стену, которая стоит между тем, что ты чувствуешь, и тем, на что ты способен».

И все-таки, несмотря на колоссальное количество интерпретаций одного и того же художественного произведения, невозможно не согласиться с основополагающей мыслью Д. Н. Овсяннико-Куликовского: «Между художественным творчеством и обыденным существует тесное психологическое сродство: основы первого даны в художественных элементах второго» [5, 78].

ЛИТЕРАТУРА

1. Власов В. Г. Стили в искусстве: Словарь в 3-х т. — СПб., 1995—1997. — Т. 1.
2. Зиновьев А. А. Об основных понятиях и принципах логики науки // Логическая структура научного знания. — М., 1965.
3. Леонтьев А. А. Психолингвистический аспект языкового значения // Принципы и методы семантических исследований. — М., 1976. — С. 46—73.
4. Лихачев Д. С. Слово к читателю // Иностранная литература. — 1989. — № 1. — С. 141—142.
5. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Психология мысли и чувства. Художественное творчество. Основы ведаизма // Собр. соч.: В 9-ти т. — СПб., 1909. — Т. 6.

Л. Р. САВЧЕНКО

НАУЧНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ Д. Н. ОВСЯННИКО-КУЛИКОВСКОГО И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПРОЗРЕНИЯ А. ПЛАТОНОВА О ПРИРОДЕ УМСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА

Наследие Д. Н. Овсяннико-Куликовского обширно и разнообразно. Разнообразие его интересов тем не менее объединяет психологический подход к ис-

следованию различных объектов гуманитарного знания. Психологизм как метод научного знания, заявленный в гуманитарной науке XIX века, получил развитие в XX веке в рамках тех научных направлений, которые исследуют природу сознания человека. В наследии Д. Н. Овсяннико-Куликовского есть «ненаписанная» книга по психологии умственного творчества, введение в которую он все же счел необходимым опубликовать [5]. Обращает на себя внимание, что в этой небольшой работе ученый ставит вопрос о соотношении мысли и чувства, за которым стоит известная дихотомия иррационального и рационального, конкретного и абстрактного, образного и логического в их отношении к творческой способности человеческого сознания.

Психологические рассуждения такого рода, если они не опираются на экспериментальные данные специальных исследований, нередко носят умозрительный характер, находя свои основания в эмпирии субъективных самонаблюдений, в интроспекции субъективного опыта. Внутренняя жизнь сознания в таком виде чаще всего становится материалом художественного осмысления, поэтому нам показалось возможным соотнести рассуждения Д. Н. Овсяннико-Куликовского о природе мысли и чувства с опытом их художественного осознания в произведениях А. Платонова, в частности в его романе «Чевенгур».

Отмечая коренное различие между мыслью и чувством, их постоянный разлад и своеобразный антагонизм, Д. Н. Овсяннико-Куликовский делает вывод о существовании у человека как бы двух душ, имеющих свои законы, стремления и задачи. Их различие обусловлено следующим. Чувства связаны с категорией приятного/неприятного, всегда окрашены, всегда эгоистичны, они конкретны и индивидуальны. Их сфера только ассоциирована с объективным миром мысли. Они скорее тратят, чем сберегают душевную силу, в их сфере действует «закон забвения». Мысль же связана с категорией истинности, она не эгоистична, стремясь к обобщению, она вызывает сознание силы, самоценности и самобытности умственных актов. Мысль сохраняет свои результаты в сфере бессознательного, где действует «закон памяти». «Эти две яркие противоположности,— отмечает ученый,— и антагонизм «двух душ» плохо ладят между собой, и психика человека, из них слагающаяся, есть психика плохо организованная, неустойчивая, полная внутренних противоречий» [5].

Такая характеристика взаимоотношения мысли и чувства в полной мере находит свое подтверждение у А. Платонова. Внутренний мир его героев драматичен, разъединен, в нем постоянно идет борьба мысли и чувства. Персонажи А. Платонова не ощущают своей целостности, более того, отдельные сферы их внутреннего мира функционируют как бы вне воли человека [1, 141].

У людей в произведениях А. Платонова «думает голова, чувствует сердце и тело тихо удовлетворяется». Платоновский человек как бы утрачивает целостность и автономность, растворяясь в актах чувственного сознания. А. Платонов представляет весь спектр чувственных состояний сознания от таких, когда сознания как бы и нет совсем, до таких, когда мысль и чувство сливаются воедино.

Сопоставляя чувство и мысль как различные составляющие души человека, Д. Н. Овсяннико-Куликовский отмечает единство их происхождения из элементарных чувственных восприятий (зрительных, слуховых, осязательных). Эти восприятия, пока еще не переработанные в представления, по мнению ученого, столь же элементы чувства, сколь и мысли. «Если представить себе существо, психика которого состоит только из чувственных восприятий, еще не переработанных в настоящие чувства, хотя бы простейшие, и в настоящую мысль, хотя бы элементарную, то придется признать это существо столь же душевно-убогим, сколь и душевно цельным» [6]. Это гипотетическое утверждение может быть проиллюстрировано примером из романа «Чевенгур»: некий бобыль испытывает по отношению к миру только чувство удивления, ничего не понимая. «У бобыля только передвигалось удивление с одной вещи на другую, но в сознании ничего не превращалось. Вместо ума он жил чувством доверчивого удивления» [7, 25]. Такой «целостный» человек — редкость даже в мире А. Платонова, в большинстве случаев его персонажи переживают свои чувства, переживание же чувств, как отмечает Д. Н. Овсяннико-Куликовский, есть уже элементарная мысль о них. К тому же переживаемые чувства платоновских людей, как правило, не являются простейшими: у одних — это сочувствие и любовь к паровозу, а не «к дереву или зверю», «тихой, равнодушной жизни природы», у других — переживание жизни другого, будь то человек или вещь — «живая или мертвая природа». Нерасчлененность мысли и чувства характеризует внутреннюю мысль Захара Петровича («Чевенгур»), который думает «без ясной мысли, без сложности слов, одним нагревом своих впечатлительных чувств и этого достаточно... для мучений», скорбит «без имени своему горю».

Сфера мысли, определяемая в языке А. Платонова как ум, находится в неоднозначных отношениях с чувственной сферой. И ум, и чувство у А. Платонова одинаково агентивны, деятельны, но активизация мысли приводит к блокированию чувствующей стороны. Ср.: «ум поглощал чувствующую жизнь Дванова»; «Чепурный сразу и глубоко задумался, — в это время у него словно приостанавливались все чувства, и он еще более ничего не понимал».

Источником сознания человека у А. Платонова является «горячая, взволнованная сила» («подспудная, кровная»), если в человеке нет запаса этой силы,

то он не выходит за пределы своей чувственной телесности, которая проявляет себя только в «желании». В таком случае человека обуревают лишь страсти и аффекты либо он находится в состоянии «забвения своей души, т. е. лени». «Горячая, взволнованная сила» как бы переводит простейшие чувства в ряд высших.

Люди, лишённые высших чувств, представлены в «Чевенгуре» следующим образом: горбун, «тихое зло похоти» которого уничтожает все живое (в мифопоэтическом ряду образов-снов Ал. Дванова «горбатый мочится на маленькое солнце»); Прохор Абрамович, который живет на свете, «как живут травы на дне лощины», почти не ощущая своей жизни и своих интересов, «похожий на сироту в своем доме»; «прочие» — особые люди, которые не имеют «ума и оживленного чувства («сердечно-чувствительной заунывности») как высших признаков человека». «Прочие» не ощущают ничего, кроме «своих теплеющих внутренностей», что является лишь «смутной тоской тела по утраченному покою». Такие низшие чувства проявляют себя лишь в «опустошающей грусти, отражающей равнодушие их силы», они характеризуют человека как человека биологического.

Высшие чувства, по Д. Н. Овсяннику-Куликовскому, не эгоцентричны, они являются «спутниками высшего познания». Герои А. Платонова, способные испытывать именно такие чувства, ведут «серьезное внешнее существование», не только переживая в себе любовь к паровозу, но и «сочувствуя появлению мертвой травы», забору и ставням, чувствуя время «как движение горя» и «тревогу заросшего, забвенного пространства», «бедных деревень», жалея «неизвестное одинокое поселение» и т. п.

Сфера умственного и чувственного в художественном мире Платонова то разделяется до полной противоположности, то сливается в едином акте чувства-мысли. Уровень чувства как бы не предполагает обязательного участия сознания, в силу чего в «Чевенгуре» даже «солнце... обменивается с травой, песком, мертвой глиной... чувствами без всякого сознания».

Чувство самодостаточно и продуктивно, поэтому получается, что «машины изобретены сердечной догадкой человека», а «ум это слабосудная сила», «ум мешает... высказаться... чему-то простому, как радость...», люди могут «видеть явления, плавающие в сфере чувств» и «исполнять жизнь вперед разума и пользы». По определению отдельных героев А. Платонова, «чувство — это массовая стихия, а мысль — организация», такое же «имущество, как и дом»; чувство — «это душевное сомнение, предчувствие, которые не способны источиться мыслью и успокоиться»; «великие чувства» героев А. Платонова ослабляют своей «узкой мыслью» их интерпретаторы.

Гармония мысли и чувства — редкость в ощущениях героев А. Платонова, хотя именно такая гармония делает человека счастливым. Такое счастье

испытывает Александр Дванов, чувства которого «высоко поднимались сердцем и падали по другую сторону его, уже превращенные в поток облегчающей мысли. Но над плотиной всегда горел дежурный огонь того сторожа, который не принимает участия в человеке, а лишь подремывает в нем за дешевое жалованье. Этот огонь позволял Дванову видеть оба пространства — вспухающее озеро чувств и длинную быстроту мысли за плотиной, охлаждающейся от своей скорости. Тогда Дванов опережал работу сердца, питающего, но и тормозящего его сознание, и мог быть счастливым» [7, 161]. По-видимому, именно такую гармонию Д. Н. Овсяннико-Куликовский называл внутренним ритмом художественной мысли [5, 65]. У А. Платонова такой ритм получает определение и как «чувство сознания».

Высокая чувствоспособность героев А. Платонова представлена как «бред горячей внутренней жизни», «какая-то черная радость избыточного тела», «нелепые тоскующие страсти». Для того чтобы чувства не разрушили человека, их надо «изжить», превратить в явления иного рода, в частности в слово, что у А. Платонова есть одновременно и мысль и речь. Не случайно его герои ищут собственное слово для наречения мира, предпочитают прозвища собственным именам. Ср.: «Захару Павловичу имя Трех осьмушек под резьбу понравилось больше крестного: оно было похоже на ответственную часть любой машины и как-то телесно приобщало Захара Павловича к той истинной стране, где железные дюймы побеждают земляные версты». Конкретность вновь рожденного («самодельного») слова кажется героям «Чевенгура» убедительней абстрактной условности узуального наименования. Ср.: «... над каждым товаром получилась маленькая вывесочка, каковая сразу приводила в ясное понимание вещей. В ящик пшена доброволец вонзил — «Просо», в говядину — «Парное мясо от коровы» и так далее, что соответственно более нормальному толкованию товара» [7, 180].

Отношения мысли и слова у героев «Чевенгура» также далеки от гармонии. Чем в большей мере мысль ближе к чувству, тем сомнительнее ее связь со словом. Подбор необходимых слов «надоедливо тормозит... размышления Захара Павловича», у него «без ремесла... кровь от рук прилиwała к голове, и он начинал так глубоко думать обо всем сразу, что у него выходил один бред, а в сердце поднимался тоскливый страх»; «...Копенкин не мог плавно проговорить больше двух минут, потому что ему в голову лезли посторонние мысли и уродовали одна другую до невыразительности, так что он сам останавливал свое слово и с интересом прислушивался к шуму в голове», нередко его мысль останавливалась «в засохшем потоке речи, как на мели», и он сразу забывал все слова. А в тех случаях, когда герои Платонова не испытывают трудности выражения мысли словом, они говорят бессознательно. Прощка

Дванов говорит неожиданно и сам удивляется своим словам, «разум которых выше детства».

Такой этап рождения и осуществления мысли-чувства в слове в современной научной парадигме определяется как дологический уровень сознания, уровень предмышления, где, по определению Ю. Кристевой, господствует царство бессознательного — «своего рода силовое поле, раздираемое импульсами жизни и смерти, Эроса и Танатоса» [2, 133]. На этом уровне предмышления выявляется одна из его самых болезненных трудностей, проявляющаяся в «неартикулируемости» психических движений сознания и чувственных ощущений на дологическом уровне [2, 106]. У А. Платонова это определяется как «предчувствие, которое не способно источиться мыслью и успокоиться». Сознание такого типа континуально и проявляет себя как система, которая, по определению Ю. М. Лотмана, оперирует недискретными смыслами, «размазанными» в *n*-мерном семантическом пространстве текста [3, 93]. Тексты такого типа имеют образную природу, а сознание, их генерирующее, является сознанием художественного типа. Для героев А. Платонова невозможно понять то, что невозможно «представить в уме», вообразить. Ср.: «Копенкин... про себя подумал, какое хорошее и нелепое слово: усложнить, как текущий момент. Момент, а течет, представить нельзя»; герой рассказа «Сокровенный человек» Пухов смутно помнит, что «капитал не вещь, а отношение. А отношение Пухов понимал как ничто». Мы уже отмечали, что герои А. Платонова ищут для наречения мира «свое» слово, приспособливают «чужое» слово к своим представлениям, которые у них носят чаще всего характер конкретно-чувственного образа. Так, Копенкин представляет революцию как путь к Розе Люксембург. Эта маленькая женщина, в свою очередь, представляется ему как «безвозвратное сожаление». Достоевский видит «социализм как голубое, немного влажное небо, питающееся дыханием кормовых трав...»; Саше Дванову жара представляется «в виде старика, а ночь и прохлада в виде маленьких девочек и мальчиков», полное же самосознание Алексея Александровича состоит «в чувстве теплоты неба, словно детства и кожи матери»; «жалкие тела чевенгурских людей» А. Дванов представляет себе «существом социализма», испытывая «наслаждение от постоянного воображения любимых предметов».

Жизнь мысли, отмечает Д. Н. Овсянико-Куликовский, — «постоянное общение между сознанием и сферой бессознательного». «В психике мыслящей, где есть сфера подсознательного, господствует закон памяти, а в психике чувствующей, где подсознательной сферы нет — закон забвения» [6]. Такое категорическое противопоставление различных уровней психики как бы стирает неуловимую грань перехода чувства в мысль, памяти в забвение. В то же

время в художественном мире А. Платонова они не разделены столь четко. Именно со сферой чувства связаны у А. Платонова те сферы сознания, которые современная наука относит к сфере бессознательного и определяет как трансперсональный (конденсированный) опыт.

Разновидностью такого опыта считается временное расширение сознания, включающее переживания предков, эволюционный, филогенетический опыт; пространственное расширение сознания, включающее идентификацию с другими личностями, с растениями и животными, внетелесные состояния; пространственное сужение сознания до уровня отдельного органа; ощущение реальности, выходящей за границы «объективной реальности» — архетипические переживания и восприятие сложных мифологических сюжетов, интуитивное понимание универсальных символов, восприятие сверхкосмической и космической пустоты [4, 87].

Картографию такого опыта и памяти такого рода мы встречаем в произведениях А. Платонова, где явления бессознательного получают определение «погребенной памяти». Герои А. Платонова способны видеть себя со стороны как другого, чувствовать свое тело как «постороннего, второго... тоже жалкого» человека. В минуту смерти к ним возвращается пренатальная память (чувственная память рождения), они пребывают в «незабвенном горе» по «навеки утраченной теплоте матери», создают вокруг себя «уют классовой солидарности» как «подобие материнской утробы», видят сложные мифопоэтические сюжеты во снах, демонстрируют архаичное образное восприятие мира («так же как было давно, что ушло в погребенную вечную память, — из солнечной середины неба сочилось питание всем людям, как кровь из материнской пуповины»), ощущают «пустоту круглой вечности».

Следует отметить, что категория тела определяет всю психосоматическую доминанту чувств в художественном мире А. Платонова: «горе или грусть — это тоже тело человека». Герои А. Платонова знают, что «горе или одиночество можно отдать в другое, дружелюбное тело», поделить себя с другим, соединиться в единое целое. Такое символическое деление-единение совершает Сербинов с Софьей Александровной на могиле матери. Если бы не символический аспект маниакальной одержимости героев А. Платонова стать целыми, обрести целостность жизни, сцена на могиле матери выглядела бы кошмаром, а повествование в рассказе «Сокровенный человек» о мужике, везущем в Россию ампутированную в Каире ногу, которую он закопал в пшеницу, чтобы она не воняла, — некрофильством.

Телесность человека, по А. Платонову, не только обуславливает «чувствующую» жизнь, но и порождает поверхностный бессознательный уровень этой чувствующей жизни, своеобразный «предпороговый» переход сознательного

в бессознательное. Именно на этом уровне действуют те слабые формы сознания, которые А. Платонов определяет то как «сторож ума», то как «уединенный грустный наблюдатель», то как «ангел-хранитель», то как «евнух души человеческой».

Таким образом становится очевидным, что художественное описание сферы мысли и чувства задает более дифференцированную и сложную картину бытия сознания, представленного как мироощущение, т. е. той области, «где на первый план выходит не рациональная, логически оформленная философская рефлексия, а глубоко эмоциональная, внутренне прочувствованная реакция... человека на окружающий его мир» [2, 205].

Эта реакция есть факт сознания, не преобразованного мышлением, сознания в чистом виде. Для такого сознания существенно то, что в постижении мира оно идет от целого к части, часть же, в свою очередь, равна этому целому. По-видимому, сложность и непредсказуемость языка А. Платонова отражает именно эту особенность. Если часть равна целому, то важно, что «слезы капают во всеуслышание», а не во всевидение, что «растет мертвая трава», а не живая, что лесник называется «надзирателем леса», что есть «молочные начальники» и «вентиляторные вольты», «чистоплотные дома», «тлен рубашки» и «изношенные кости», «самodelьные люди» и «быстроходные мухи»; что люди «начинают не расставаться», а не перестают расставаться, а слова «целый» и «одинаковый» становятся в контексте синонимами. Необычная сочетаемость в языке А. Платонова, как представляется, обусловлена свободной взаимозаменяемостью элементов (частей) единого семантического поля (как целого) и актуализацией внутренней формы слова. Создается впечатление, что А. Платонов оперирует не словами, а концептами, некими глубинными смыслами, что проявляется не только в языке, но и в мифопоэтической парадигме его образов, отражающей глубины человеческого бытия.

У А. Платонова не язык задает картину мира, а мир являет себя через язык, но это не физический мир, а ментальный, мир идеальных сущностей. Язык А. Платонова не вторичен, он суть не прием, а чистая безусловность, и в этом смысле он онтологичен. Автор не столько нарушает языковую норму, сколько отменяет ее, как, впрочем, и условность языкового знака, переводя его в систему иконическую и идеографическую. Дискретность его языка, характер отношений между отдельными элементами, его словарь если не изоморфны, то максимально приближены к механизмам сознания, которое в отличие от мышления оперирует не «аристотелевой», а «вероятностной» логикой.

Это сознание в психологических исследованиях, к числу которых принадлежат и работы Д. Н. Овсяннико-Куликовского, определяется как низшая, предшествующая логической форме, которая обретает свою ценность лишь в сфере

искусства. Однако в современных научных исследованиях наблюдается тенденция к тому, чтобы рассматривать рациональный и чувственно-образный способы познания как равноправные, что объединяет в едином научном поиске данные естественных и гуманитарных наук, философской и художественной мысли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вознесенская М. М., Дмитровская М. А. О соотношении ratio и чувства в мышлении героев А. Платонова // Логический анализ языка. Ментальные действия. — М., 1993. — С. 140—146.
2. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. — М., 1996.
3. Лотман Ю. М. Риторика // Риторика. — 1995. — № 2. — С. 92—108.
4. Налимов В. В. Спонтанность сознания. Вероятностная теория смыслов и смысловая архитектура личности. — М., 1989.
5. Овсянко-Куликовский Д. Н. Язык и искусство. — СПб, 1895.
6. Овсянко-Куликовский Д. Н. Введение в ненаписанную книгу по психологии умственного творчества // Овсянко-Куликовский Д. Н. Собр. соч.: В 9-ти т. — СПб, 1909. — Т. 6.
7. Платонов А. Чевенгур. — М., 1988.

Н. Ф. УМАНЦЕВА

ПСИХОЛІНГВІСТИЧНЕ ДОСЛІДЖЕННЯ КОНОТАТИВНИХ ВЛАСТИВОСТЕЙ УКРАЇНСЬКОЇ ЛЕКСИКИ (до постановки проблеми)

Аналіз тенденції розвитку мовознавчої науки свідчить про те, що найбільш вагомі результати в галузі лексичної семантики отримали ті дослідники, науковий інструментарій яких, форми, операції та прийоми дослідження являють собою синтетичну наукову величину, породжену взаємодією окремих дисциплін, які належать до різних наук — лінгвістики, психології, культурології тощо. Власне, щодо сучасної лінгвістики можна говорити не тільки про специфіку її наукового інструментарію та понятійного апарату, але й про формування окремих «гібридних» напрямків лінгвістичної науки. Одним із таких порівняно нових напрямків є психолінгвістичний підхід до вивчення мовних об'єктів. Особливе значення психолінгвістичний аналіз має для вивчення тієї

сторони семантики лексичних одиниць, в якій відображаються фонові знання, ціннісні орієнтації мовної спільноти, що формують національно-культурну специфіку лексичного значення, особливості емотивнооціночних та загальноаксіологічних орієнтацій «мовної індивідуальності».

Психолінгвістичне вивчення семантики лексичних одиниць означає, що у сферу наукового інтересу дослідника потрапляє специфічний об'єкт — мовна свідомість людини.

У мовознавстві існують різні терміни на позначення «недескриптивних» компонентів лексичного значення — емотивний, оціночний, конотативний аспекти значення; поряд з цим існують терміни на позначення окремих шарів лексики: стилістично маркована (стилістично забарвлена) лексика, емоційна лексика, емоційно-експресивна лексика тощо. Інколи означені терміни вживаються як синонімічні, частіше ж вони використовуються дослідниками для диференціації різних аспектів лексичного значення.

Предметом нашого дослідження є конотативні аспекти значення лексичних одиниць сучасної української мови. Услід за В. М. Телією під конотативним значенням розуміємо особливий тип лексичного значення, який можна уявити як «комбінацію ознак, що відображають властивості самої позначуваної реальності разом з її раціональною оцінкою та оцінкою емотивно орієнтованою (в якій маніфестується емоційне у своїй основі, а тим самим — власне суб'єктивне ставлення до властивостей позначуваного), що створює конструктивно особливий тип лексичного значення. Це останнє можна представити як комбінацію принаймні (якщо не розчленовувати в денотації понятійну (дескриптивну) та оцінну частини) трьох макрокомпонентів: денотативного аспекту значення, що вказує на об'єктивовану в ньому реальність (незалежно від характеру позначуваного, зокрема — предметно чи понятійно орієнтованого або ж такого, що містить об'єктивовану оцінку); категоріально-граматичного компонента (що є обов'язковим для всіх типів лексичного значення) і, нарешті, емотивно-модального компонента, який відображає ставлення суб'єкта мовлення до того, що позначено словом або виразом» [2, 16].

Психолінгвістичний аспект вивчення конотативних властивостей української лексики ґрунтується на верифікації закономірностей організації людської пам'яті та внутрішнього лексикону людини, діалектичної взаємодії закономірного і випадкового, індивідуального і колективного, що визначає специфіку лінгвокультурної оцінної компетенції інформантів.

Мета психолінгвістичного вивчення мовної семантики полягає, по-перше, в тому, щоб виявити онтологію мовних одиниць, в якій відображається взаємодія тріади «мовленнєва діяльність — свідомість людини — мовна система», а по-друге, в тому, щоб визначити конотативні аспекти значення, які не завжди потрапляють в поле зору дослідників.

З огляду на те, що конотативні аспекти лексичного значення містять дані, які визначаються, з одного боку, специфікою відношення соціуму до дійсності, а з іншого боку — індивідууму — до позначуваних реалій, психолінгвістичне вивчення конотативних властивостей лексичного значення буде коректним тільки тоді, коли його висновки відображатимуть результати осмислення різних за своєю природою типів конотативної інформації, що мотивують конотативні семи.

Дієвим чинником психолінгвістичного вивчення конотативних властивостей лексичної семантики є експеримент. Методика проведення експерименту передбачає вирішення таких завдань:

- обґрунтування якісного та кількісного відбору інформантів;
- визначення часу, місця та способу проведення експерименту;
- підготовка завдань, спрямованих на об'єктивацію даних короточасної (оперативної) та довгочасної пам'яті інформантів;
- добір лексичних одиниць з різними типами конотативних значень;
- визначення методики обробки матеріалу, його класифікації та опису;
- перевірка результатів експерименту.

При цьому «перед формулюванням конкретної задачі, а головне, при виборі гіпотези, що перевіряється, необхідно виділити в середині дифузного поняття певне «ядро» і пам'ятати, що можливі результати експерименту стосуються саме його, а не всього комплексу ідей, асоціацій метафор, пов'язаних з вихідною метафорою — моделлю» [1, 212].

Водночас слід пам'ятати й про те, що експериментальні дані, які не належать до «ядра», теж мають важливе значення для дослідника, оскільки в «периферійній» зоні експериментальних даних відображається специфіка індивідуальної предикації та перетворені форми мовленнєвої діяльності, які теж психологізуються.

Узагальнення матеріалів експерименту, поєднане із вивченням картини лексикографічної об'єктивації конотативних ознак української лексики, особливо того її шару, що формується константними образами національної культури — *калина, рушник, Мазепа, кобзар, мати, хата, вишня* та інші, являє собою важливий елемент наукового дослідження, в якому «конотативність» семантики розглядається як відображення глибинних механізмів функціонування мови.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исследование речевого мышления в психолингвистике. — М., 1985.
2. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. — М., 1986.

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ОЦЕНКИ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ (на материале публицистики В. Шукшина)

Со времен А. А. Потебни и Д. Н. Овсяннико-Куликовского наукой накоплены обширные знания о внутренней форме слова, о предикции, о порождении речи, дискурса, о речевом поведении личности и т.д. Однако для ученого-лингвиста и сегодня огромный интерес представляет их богатое теоретическое наследие, особенно в той его части, которая посвящена изучению различных способов формирования и передачи мысли, способов изображения действительности, вызывающих различные эффекты «как для сознания говорящего, так и для возбуждения мысли слушающего» [3, 29].

Краеугольным в процессе изучения языковой личности представляется нам положение Д. Н. Овсяннико-Куликовского о значении личности ученого (равно как и личности художника) в обществе, «о ценности нравственного идеала»: «Глубокая правдивость мышления, искренность познавательных процессов, умение ценить мысль ради мысли, а не ради чего-либо постороннего ей — вот черты, которыми характеризуется идеальный тип истинного ученого, подвижника познающей мысли, испытателя тайн природы и психики. Эти черты, по существу дела, суть черты *нравственные*. <> Конечно, в действительности этот тип встречается сравнительно редко, но — тем драгоценнее он! И когда он встречается, тогда мы видим ясно, что высокое достоинство мысли (а в случае с личностью художника и достоинство чувства. — Т. Д.) идет об руку с моральной чистотой, с чуткостью, с *неумолимостью категорического императива нравственности*» (курсив наш. — Т. Д.) [4, 82].

В свете именно такого подхода к пониманию языковой личности (с некоторыми поправками на личность прежде всего художника) мы намерены рассмотреть вопрос о семантическом поле оценки как инструменте речевого воздействия (на материале публицистики В. Шукшина). Отмечая роль художника, ученого в обществе, мы исходим из мнения Д. Н. Овсяннико-Куликовского, высказанного им о значении деятельности А. А. Потебни, и считаем его в высшей степени справедливым по отношению ко всякой по-настоящему творческой личности, деятельность которой соотнобразуется с высокими принципами «нравственного идеала»: «Но мы еще помним, что это был человек не только высокой мысли, но и безупречной жизни, человек, одаренный крайне чутким аппаратом нравственного чувства, всегда — как барометр — безошибочно точно реагирующий на отрицательные явления действительности. Мы еще

помним, что это был в одно и то же время человек глубоких научных идей и живых нравственных негодований» [4, 83]. Таким образом, авторское «я», проявляющееся в трудах ученого, в произведениях художника, несомненно, оказывает определенное воздействие на читателей и слушателей, превращая их из просто «потребителей» произведений науки и искусства в соавторов сложного процесса духовного познания мира и самого человека и вовлекая их тем самым в многотрудный и подчас противоречивый процесс самостроительства, самосовершенствования.

Публицистика — это именно та область литературной деятельности, в которой непосредственно и с особой силой проявляется авторское «я». Своеобразие публицистики В. Шукшина, на наш взгляд, заключается, во-первых, в отборе словаря, в использовании языковых единиц, связанных с характеристикой общечеловеческих ценностей, и в полном отсутствии единиц, «отвечающих» за идеологизацию текста; во-вторых, в актуализации (часто посредством контекста) внутренней формы слова, что позволяет писателю в ряде случаев давать собственную интерпретацию «отношения представления к значению» [3, 23]; в-третьих, в использовании языковых единиц, характеризующих взаимоотношения автора с читателем и слушателем, взаимоотношения автора с антигероем, которые основаны на определенной апперцепционной базе (иными словами, в публицистических произведениях В. Шукшина значимыми являются и единицы, обуславливающие особую полифоничность рассматриваемых текстов).

Остановившись на отдельных моментах выражения авторского «я» посредством семантического поля оценки, мы исходим из мысли Д. Н. Овсяннико-Куликовского, что в «психологии языка, т.е. в мышлении фактическом, реальном (а не формально-логическом), вся суть не в том, что сказано, что подумано, а в том, как сказано, как подумано, *каким образом* представлено данное содержание» [3, 28]. Эта мысль, на наш взгляд, чрезвычайно важна, так как намечает стратегию анализа текста, при которой оказываются связанными две области: когнитивная наука и риторика, «поскольку риторические изобретения (приемы) обусловлены обработкой соответствующих знаний в сознании говорящего — о слушающем, о ситуации общения, о принятых формах общения (сведения о последних черпаются из предыдущего речевого опыта). \sphericalangle Поэтому когнитивный анализ, как моделирующий мыслительные процессы, при производстве текста естественно дополняется риторическим» [2, 15].

Риторические приемы, используемые в публицистике В. Шукшина, направлены, как нам представляется, не столько на «перевод» читателя и слушателя «на свою точку зрения», сколько на «включение» их в процесс духовного поиска ответов на извечные вопросы человеческого бытия. Особое значение

в этом отводится лексическим единицам, функционирующим в семантическом поле оценки. Большинство из них представлены как бинарные оппозиции с ведущими семами нравственности/безнравственности, правды/лжи, духовности/бездуховности, красоты/уродливости. Нередко в публицистических текстах В. Шукшина наблюдается процесс «диффузии» сем, который не сводится к простой суммации, а представляет собой своеобразное наложение, взаимопроникновение однополюсных сем.

Так, в семантическом поле на уровне лексики особую роль играют номинации (простые и сложные) с эмотивно-оценочным значением: «*Книги-уродцы, фильмы-уродцы* туда (в деревню.— Т. Д.) все равно приходят, иногда так же скоро, как и в город, а объяснить, что они уродцы,— некому, и их принимают за красавцев» [5, 22]. В основе этих номинаций лежит метафора, построенная на противопоставлении: красота/безвкусица, пошлость, уродливость. С помощью данной метафоры олицетворяются, становятся зримыми образы неудачного фильма и неудачной книги, создается ощущение опасности, исходящей от них, поскольку внутреннее их уродство скрыто подчас за внешней красотой. Ощущение опасности усиливается другой метафорой: деятельность людей, понимающих искусство, уподобляется набату («бьют тревогу»), который должен быть услышан в деревне: «Как быть? Должны быть в деревне люди, которые понимают искусство. И если в городе бьют тревогу, что родился урод — плохая книга, фильм,— то надо это делать очень громко, чтобы в деревне тоже услышали» [5, 22].

Другие сложные номинации, имеющие эмотивно-оценочное значение, выступают как результат развернутой метафоры, в основе которой лежит уже отмеченная нами оппозиция: «Мне вовсе не хотелось выходить к зрителю с фильмом, который весь в вопросах, как хорошенькая головка в бигуди. (С головки в конце концов эти железки снимут, и станут — кудри; *фильм-кокетка*, выпущенный со студии, так и пойдет гулять по экранам)» [5, 19]; «Кто придумал глиняную кошку с бантиком? Мещанин. Кто нарисовал лебедей на черном драпе и всучил мужику на базаре? Мещанин. Крестьянин не додумается до этого. Он купит лебедей, повесит на стенку и будет думать, что это красиво. Его обманули. Попробуйте теперь отнять у него этот ковер с лебедами. Не отдаст. \diamond Надо бить его по рукам, этого «изготовителя», всеми возможными средствами. Изготовителя *ковров-книг, ковров-фильмов, ковров-лекций, ковров-концертов*» [5, 22].

Апелляция к разуму и чувствам реципиента в публицистике В. Шукшина идет также и на морфологическом уровне. Художник активно использует экспрессию суффиксов субъективной оценки: «Можно, конечно, принять восемнадцать лет как дар жизни, с удовольствием разменять их на *мелочишку*

чувств, небольших, легко исполнимых желаний — так тоже можно, тоже будет что вспомнить, даже интересно будет... Только жалко. Ведь это единственный раз!» [5, 55].

В метафоризированном сочетании «мелочишка чувств» основной импульс экспрессии заключен в просторечном слове «мелочишка», содержащем суффикс с уничижительным значением *-ишк-*. Своеобразный фразеологический окказионализм возникает на основе устойчивого словосочетания «размениваться по мелочам», в котором существительное «мелочи» употреблено в значении «что-либо не имеющее существенного значения; пустяк», однако обладает повышенной по сравнению с ним экспрессией и приобретает дополнительную семантику за счет соединения невозвратного глагола «разменять» с сочетанием, включающим слово «мелочишка», во внутренней форме которого актуализировано значение «мелкие деньги», и слово «чувство» в значении «внутреннее состояние человека, его душевное переживание». Таким образом достигается «снижение» семантики всего словосочетания, обусловленное перенесением акцентов из «внутренней» сферы в сферу «внешнюю», из области духовной в область меркантильную. Так, посредством использования семантики мотивирующего слова и суффиксов субъективной оценки, привносящих в значение слова новые, иногда неожиданные для реципиента оттенки, автор концентрирует его внимание на непреходящих ценностях, отношение к которым в конечном счете определяет жизненную позицию личности.

В семантическое поле оценки вовлекаются и лексемы, содержащие суффиксы, изначально лишённые значения субъективной оценки. Коннотативное значение этих суффиксов во многом обусловлено значением мотивирующего слова, а также контекстом, в который попадает суффиксальное образование: «Грешным делом подозреваю, что это — модный крик души». < > Это смахивает на прием «выступальщиков» — «так давайте же нам!», «помогите же нам!» [5, 53]. Суффикс *-щик-* со значением лица, указанием на профессию приобретает негативный оттенок в слове, образованном от глагола «выступать», так как актуализирует внутреннюю форму мотивирующего слова, обозначающего многократное, механистическое по сути действие, направленное на создание внешнего эффекта.

В семантическом поле оценки значимыми моментами являются «смысловые и экспрессивные спады и подъемы, которые обеспечивают духовную сопричастность слушателя/читателя воспроизводимой ситуации» [1, 145]. Посредством многоголосия интонации подчеркивается неоднозначность оценок, их амбивалентность. С помощью риторического синтаксиса реципиент включается в диалог и полилог, наделяясь при этом агентивной функцией: «Нет, старичок спокойно читал себе газетку. Красивый человек!

А! — противопоставление: в деревне — хорошие, в городе — плохие, за редким исключением. Нет же, нет! И в деревне есть всякие. Есть такие, что не приведи Господи! Но и там и там есть такие вот душевные, красивые люди, как эти старики» [5, 52].

Активизация языковых единиц, вклеенных в семантическое поле оценки, в публицистике В. Шукшина в конечном счете имеет целью не только возбуждение у читателя (слушателя) эмоционально-оценочного отношения к явлениям бытия и проявлениям человеческой сущности, но и возбуждение у него потребности саморефлексии. В этом смысле к публицистике В. Шукшина применима формула, «выведенная» Д. Н. Овсяннико-Куликовским: «О любом произведении искусства, будет ли оно словесное, живописное, скульптурное, все равно, можно по праву сказать, что оно есть в сущности «одночленное произведение», в котором выражено одно лишь сказуемое» [3, 18].

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефанова Л. П. Уникальность синтаксической организации «Жития протопопа Аввакума» // Первое произведение как семиологический факт: Сб. ст. научно-методич. семинара «Техтус». — Вып. II. — СПб. — Ставрополь, 1997.
2. Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. — Вильнюс, 1995.
3. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Язык и искусство. — СПб., 1895.
4. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Литературно-критические работы.: В 2-х т. — М., 1989. — Т. 1.
5. Шукшин В. Собр. соч.: В 5-ти т. — М., 1996. — Т. 5.

С. В. МАЛЫХИНА

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ В ПОЛЕМИЧЕСКИХ ЖАНРАХ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Разработка теоретических научных положений нередко определяется не поиском оригинальных идей, а фиксированием новых интерпретаций уже известных фактов, установлением действующих закономерностей в языке. Интерпретация категорий естественного языка привносит в науку новое видение и новую формулировку той или иной проблемы в широком философском контексте. Известно, что в процессе восприятия текста читателем происходит порождение новых смыслов, что служит посылкой к выводу о безграничности интерпретаций. Обсуждение этой идеи в современной лингвистической литературе оставляет ощущение разработки проблемы, заявленной ранее

в другой научной парадигме, что обусловлено, по словам Ю. С. Степанова, постоянно изменяющимся образом языка. Такие изменения не затемняют значимости старых традиционных представлений, а только оттеняют проницательность и пророчество исследователей, поставивших проблемы, разрабатываемые современной филологией.

Читатель, к которому приходят работы Д. Н. Овсянико-Куликовского, ставшие библиографической редкостью, живет в ином культурно-историческом контексте. Тем ценнее для современного читателя наследие, в котором самим опытом исследований ученый наметил контуры целостной лингвopsихологической программы. Отдельные элементы теории, в частности рассуждения о «приемах мысли», заслуживают серьезного освоения и включения в контекст современных исследований.

Вот цитаты из работы «Наблюдательный и экспериментальный методы в искусстве», которые мы представим без комментария, способного заглушить тональность оригинала. «...Нередко весь смысл и значение той или иной философской системы сводится к тому, что она дала два-три новых понятия, послуживших исходным пунктом дальнейших изысканий и ставших необходимыми формами научно-философского мышления» [2, 107]. «...Движение умов, критика, полемика, вызванная философской системой и приводящая в конце концов к выяснению того, что в ней может оказаться пригодным для науки; ... выделение этого пригодного в виде одного-двух-трех-нескольких понятий, т. е. научно-философских слов, т. е. элементов высшей теоретической прозы, которые и входят во всеобщее употребление» [2, 107—108].

Д. Н. Овсянико-Куликовский обращает внимание на процесс научного творчества, в рамках которого происходит зарождение и разворачивание общезначимых символов в устоявшиеся философские понятия. В процессе актуализации некоторых понятий, в процессе их адаптации в другом научном контексте происходит наполнение их новым содержанием. Возможно, что порождение новых смыслов понятий, рожденных в других культурных пространствах, происходит путем восстановления, реставрации их первоначальных смыслов, а затем реконструкции и интерпретации в современном контексте.

В пристальном внимании и толковании содержания сегодня, на наш взгляд, нуждаются такие понятия, как «диалог», «спор», «полемика». Рассматриваемые прежде в риторической традиции и ставшие в определенной мере категориальными философскими обобщениями, эти понятия могут быть объектом как логической науки, так и психолингвистики и того, что сегодня называют прагматикой. Смещение фокуса рассмотрения этих понятий, реализация принципа дополнительности в их объяснении даст богатый материал для осмысления практики диалога.

Принадлежа к древнейшим разделам науки о слове и речи, риторика в одном из своих значений истолковывалась как «искусство порождения проза-

ической речи», отсюда ее классификационный характер и практическая направленность. Практическое значение античной риторики состояло в представлении свода правил и предписаний, в основном касающихся способов речевого убеждения. Риторике как стройной системе взглядов был присущ прагматический способ построения материала, сопровождавшийся обычно классическими образцами античного и национального литературного творчества. В современной речевой практике рекомендации старой традиции как бы не востребованы. Но универсальные механизмы порождения смысла, унаследованное от античности сосредоточение на способах речевого убеждения, описание логического анализа аргументов и содержания спора — все это реализуется в речевой практике, в частности в сфере научной полемики.

Тексты современных филологических периодических изданий показывают, что современная гуманитарная мысль проявляет себя в столкновении разных речевых субъектов, разных точек зрения и позиций. В силу этого научный дискурс предоставляет обширный материал для анализа тенденций реагирования на «чужое высказывание». Эксплуатация диалогических отношений в научном дискурсе наиболее характерна как раз для тех речевых контекстов, которые связаны с ситуацией спора, конфликта, дискуссии, полемики. Среди множества нюансов значения термина «диалог» для нас актуальны те, которые связаны с диалогом культур, с сопоставлением «своего» и «чужого», с прояснением истины в ходе обсуждения проблемы между заинтересованными сторонами. То, что отношения «своего» и «чужого» имеют общекультурную значимость, не вызывает сомнений. Как и то, что эти отношения также играют существенную роль в системе речевого взаимодействия, что выводит нас на частный уровень проблемы взаимоотношений «я» и «другого», где «другой» — собеседник, без которого не может быть установлено общение. «Я» и «другой» — это речевые субъекты со своими когнитивными планами и различными коммуникативными целями.

В соответствии с этимологией слова «диалог» (через-словие, т. е. чередование высказываний авторов) последний понимается как речевое общение, результат которого удовлетворяет участников спора, полемики, дискуссии не просто как обмен репликами, высказываниями. Диалог, с одной стороны, расшифровывается через такие понятия, как «общение», «взаимодействие», «контакт», «обсуждение», что связано с направленностью диалогической практики на взаимопонимание, обмен мнениями. С другой стороны, диалог не может обойтись без «спора», «борьбы мнений», «дискуссии», «критики», «полемики», в связи с необходимостью отстаивать свою точку зрения, отвергать неприемлемое в позиции «другого», критически проверять суждения собеседника. (Слово же «критика» этимологически связано с «анализом», «разбором» и чаще всего понимается как «отрицательное суждение».) Полемика в тра-

диционном представлении воспринимается как опровержение суждений и отвержение требований соперника, что обусловлено и внутренней формой слова («полемика» в переводе с древнегреческого значит «враждебный»). Полемика обычно возникает при наличии несогласия, разности интересов у речевых субъектов-исполнителей стратегий. Дискуссия связывается преимущественно с отстаиванием своего взгляда, опровержением аргументации оппонента в споре. Античные риторы в основном связывали диалог со спором: отсюда «диалектика» как искусство спора. Не лишним будет вспомнить, что еще во времена становления классической теории диалога понятие «диалектика» как искусство ведения беседы, спора стояло рядом с понятием «эристика», имевшим практически то же значение. Внутренняя форма слова «эристика» связана с именем богини раздора Эриды (той самой богини, которая подбросила другим богиням «яблоко раздора»). Уже в античности выделялись три типа спора: спор ради победы (одним из его средств является софистика), предполагающий возможность действовать недопустимыми логическими средствами; спор во имя спора, ведущийся с целью только самодемонстрации спорящих сторон (его называют фатическим, т. е. пустым); спор во имя истины (аподиктический спор), смысл которого состоит в принятии решения на основе достоверных данных при использовании строго и максимально исчерпывающей аргументации. А. Ф. Лосев, анализируя метод рассуждения в диалоге такого типа, выделял такие характерные черты, как демонстрация множественности, вариативности идей и реализация антидогматизма [1, 152—154].

Культура диалога-согласия, диалога-унисона разработана в риторической традиции в значительно меньшей степени, чем культура диалога-спора. Все сферы человеческих отношений, очевидно, требуют осознания роли диалога. В практике реального диалога наблюдается укоренившееся противопоставление «мы» — «они», настороженное неприятие «чужого», агрессивное отношение к «другому», предубеждение, что «чужое» всегда значит неверно и плохо, а «свое» принимается как единственно приемлемое. Научная полемика, научная критика, без сомнения, не могут обойтись без столкновения, без борьбы мнений, без спора. Но нам представляется, что традиционный жанр «полемики» в современном научном дискурсе демонстрирует новые возможности, новые тенденции изменения стиля научного повествования, его структурного усложнения и своеобразного оживления. Этот процесс как бы реставрирует характерные особенности античного диалога, отражающие в речевом взаимодействии преодоление догматизма, образование особого образного механизма мышления, сближение и взаимопроникновение сфер речевых субъектов, соположение принципиально несопоставимых аспектов обсуждаемой проблемы, которое раскрывает неожиданные резервы смысла. В статье мы выносим на обсуждение вариант металингвистического описания рече-

вых стратегий в сфере современной научной полемики. Рассмотрим основные тенденции, проявляющиеся в столкновении разных речевых субъектов.

В полемике создание общей среды, в которой формируется результирующая мысль, имеет большое значение. Обмен мнениями, дискуссия, спор могут возникнуть только в ситуации обоюдного интереса сторон, участвующих в обсуждении. Задачей первостепенной важности в таком случае становится создание единого пространства, неделимого на сферы влияния речевых субъектов, как бы «среды» для мнений, в которой участники, независимо от индивидуальных целей, создают некоторый общий эффект обсуждения проблемы. Роли полемизирующих в этом процессе являются одинаково конструктивными, так как признается установка на интеграцию смыслов. Только в таком пространстве может быть сформировано новое всеобъемлющее содержание проблемы, найдена имманентная ему форма выражения. Рождение новых понятий-слов происходит только в освоении старого, а значит, в какой-то мере «чужого», по мнению Д. Н. Овсянко-Куликовского, «благодаря многовековым усилиям целых поколений мыслителей» [2, 107]. Такие понятия долго кристаллизуются, очищаются от «обыденно-посредственной», поверхностной оболочки, пока не находят «возможности определиться в таком «слове», с которым... составят одно нераздельное, как бы органическое целое — в «слове», которое ... уже не перерастут» [2, 101].

Для полемики как одного из способов диалогических отношений существенно важна реализация принципа общей заинтересованности в решении проблемы. Участникам диалога должно быть интересно «чужое содержание», даже если они имеют собственную точку зрения по определенному вопросу. Это становится возможным, если для восприятия «чужого» уже подготовлена почва, создан общий апперцепционный фон. В этом случае диалогические отношения разворачиваются в диалог-согласие. Участники диалога при этом воспроизводят «чужое содержание» не только как удачный, найденный ранее способ формулировки, а как принципиально важное оригинальное знание, отражающее суть явления и подтверждающее собственное понимание. В противном случае интерпретатор воспринимает «чужое как неприемлемое содержание, отвергаемое мнение, находящееся в противоречии с собственными представлениями. В такой ситуации возникает конфликт между «своим» и «чужим». Понятие «конфликт» в общекультурной традиции трактуется как предельный случай обострения отношений или как большая совокупность разнообразных форм столкновений (лат. *conflictus* означает «столкновение»). Второе толкование кажется более емким, поскольку дает более широкое пространство для содержательных интерпретаций.

Как уже отмечалось, в диалоге важно осознание общности конечных интересов участников, их общности на пути к наилучшему результату, дости-

гаемому в том числе и через уступки. Речь идет о приспособлении к «другому», согласии с ним, включении «чужого» в личную сферу действия. Существенным для практики речевого общения является настроенность на достижение консенсуса, т. е. не вынужденного, а желаемого согласия, выработанного в ходе диалога единого понимания, основанного на общем жизненном опыте собеседников. Идеальным методом разрешения конфликта является компромисс. Смысловое содержание этого метода заключается в новом комплементарном сочетании выдвигаемых аргументов. Известно, что «компромисс» характеризуется соблюдением равновесия между сотрудничеством и противоборством взаимодействующих сторон, переходом от выбора альтернатив к взаимному дополнению этих альтернатив.

В диалогических отношениях особенно отчетливо представлена тенденция освоения «чужого содержания», реагирования на «чужое слово». Возникающая в связи с этим проблема признания своей неправоты, слабости собственных аргументов, соглашение с доводами партнера часто становится решающей в выборе стратегии речевого поведения. Аспект выбора правильной стратегии речевого поведения включает не просто декларирование широты подхода, а действительную настроенность на восприятие «чужого». От речевого субъекта требуется понимание позиции «другого», сопоставление «своего» и «чужого» для нахождения «общего». Немаловажным фактором становится психологическая установка на то, что полемика — это не просто состязание с обязательным противоборством между «сильным» и «слабым», не «сражение до победы» со стереотипным образом «врага», а факт совместного действия, активного сотрудничества полемизирующих, у которых различные ценностно-смысловые позиции. Такие модели диалогических отношений обнаруживаются в дискурсивной практике.

Диалогические отношения реализуются в языковом пространстве полемических контекстов, которые предоставляет современный научный дискурс. Анализ языкового материала позволяет говорить о функционировании разновидностей полемических контекстов: дискуссии вокруг различных толкований художественного произведения и полемика по поводу интерпретаций системы понятий отдельного исследователя или целого направления. Читатель полемических материалов знакомится со стратегиями понимания определенных смыслов участников полемики, а не с системой авторских идей. Участники полемики, обращаясь к одному и тому же источнику, воспроизводят его в соответствии со своей собственной установкой, с определенной точкой зрения на организацию текста, пользуясь индивидуальным кодом, осуществляя и регулируя рядоположение элементов исходного текста по-разному. Читатель же имеет дело не со стратегией исходного текста, а с речевыми стратеги-

ями интерпретаторов, т. е. с теми способами и правилами, которые задаются участниками полемики — речевыми субъектами — предполагаемому читателю в условиях состоявшегося речевого действия.

Речевые стратегии полемизирующих чаще всего демонстрируют способы интерпретации какого-либо «ключевого слова» или метафоры оригинального текста. Убеждающими, успешными стратегиями оказываются те, в которых интерпретаторы декларируют всесторонний охват фактов, совмещают собственное толкование с хронологическим комментированием, вводя читателя в круг воспоминаний, впечатлений, оценок современников, помещая толкование в широкий культурный контекст. Такие речевые стратегии отличаются высокой степенью речевого убеждения, ориентацией на осознание и переакцентовку «чужого слова».

Стратегия понимания текста формируется интерпретатором в соответствии с субъективной личностной позицией. Следует отметить, что в современной научной прозе есть примеры иных полемических стратегий, когда интерпретация содержит лишь отдельные элементы «чужого смысла», вырванные из контекста, неправомерно помещенные в авторский комментарий и ведущие к заблуждению, к искажению первоначального смысла.

Выявляя стратегии полемизирующих, мы тем самым анализируем приемы и механизмы образования нового смысла, состоящие в образном преобразовании и воспроизведении «чужого смысла». В сфере современной научной полемики наблюдается превалирование личных партитур в интерпретации «чужих» и отстаивании «своих» позиций. Прослеживается разрушение прежних «канонов» научного повествования. Тем самым изменение прежних моделей диалога служит целям создания нового типа мышления, свободного от «обыденного», «шаблонного», «рутинного», (за что ратовал Д. Н. Овсяннико-Куликовский), стремящегося создать условия для реализации потенций индивидуального, творческого сознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. — М.: 1969.
2. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Наблюдательный и экспериментальный метод в искусстве // Овсяннико-Куликовский Д. Н. Полн. собр. соч.: В 9-ти т. — Спб., 1909. — Т. 6.
3. Степанов Ю. С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип причинности // Язык и наука конца 20 века: Сб. статей / Под. ред. Ю. С. Степанова. — М., 1995.

ПРЕСУППОЗИЦИЯ КАК КОНТЕКСТ ЗНАЧЕНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ЧАСТИЦЕЙ ПРОСТО

В лингвистической литературе неоднократно отмечался тот факт, что при попытке «вынуть» частицу из контекста от ее семантики ничего не остается. Проблемы описания смысла частиц объясняются более сильной, чем у других лексем, связью с контекстом, причем часто очень широким. В случае с частицей совершенно неясно, можно ли учесть всю ее сочетаемость и в каких терминах ее следует описывать [2, 8].

Как вообще определить, что является контекстом для слова *просто*? Какова должна быть классификация полученных контекстов? Если понимать такую классификацию буквально — как перечень всех возможных семантико-синтаксических классов, — то можно получить такое количество значений, с которыми не справится ни составитель, ни читатель словаря или справочника. Основным пороком «многозначного» описания частиц авторы «Путеводителя...» считают неспособность ответить на самый естественный и самый «наивный» вопрос: почему во всех значениях (типах контекстов) носитель языка использует одну и ту же единицу.

Задача состоит в том, чтобы вскрыть некоторый общий механизм, который находится над контекстными употреблениями и позволяет воспринимать каждую частицу как единое целое, подвергающееся каким-то определенным контекстным модификациям или «деформациям».

Актуальный речевой смысл высказывания с частицей определяется контекстом и является зависимым от него, а само значение частицы находится вне этой зависимости и вступает во взаимодействие с контекстными факторами, организуя значение высказывания. Ср., например:

1. Он *просто* разыгрывает тебя (разыгрывает, а «не более», не делает чего-то иного, преднамеренного, более серьезного, что, возможно, предполагал собеседник) — «Не переоценивай важности!».

2. Он *просто* разыгрывает тебя! (когда предполагается, что адресат воспринимает ситуацию всерьез) — «Не недооценивай важности?».

Второй случай связан с эмоциональной реакцией неодобрения со стороны говорящего — так называемое эмфатическое употребление — при общей модальной рамке «это плохо».

Разные осмысления этого предложения реализуются в рамках разных интонационных контуров — интонация маркирует имплицитный контекст.

Главным контекстным фактором, определяющим речевой смысл изолированного высказывания с частицей *просто*, является пресуппозиция, представ-

ляющая собой «наивный» контекст существования значения высказывания.

Согласно теории пресуппозиции, понимаемой как объективная часть речевого поведения, позволившей представлять имплицированный (скрытый) смысл наравне с эксплицированным (явным), высказывания строятся на исходных посылках, не отрицаемых и не подвергающихся сомнению [4; 1; 6].

Значение высказывания с частицей может быть отражено через его фиксированную семантическую структуру. Однако каждой семантической структуре на уровне глубинной семантики, т.е. на концептуальном уровне, может соответствовать несколько контекстов существования этой семантической структуры, несколько речевых ситуаций.

Конфликтность между когнитивно существующим уровнем «наивных» контекстов и актуальным смыслом высказывания снимается пресуппозицией, определяющей прочтение высказывания.

Например:

Она *просто* красавица (а «не более», не умна).

Она *просто* красавица (а «не менее», не только симпатичная, привлекательная).

Процедурность семантики частицы *просто* заключается в том, что она регулирует распределение семантической информации внутри плана содержания высказывания (пропозиция — пресуппозиция).

Рассмотрим семантические структуры высказываний с частицей и без нее, сравним их с точки зрения изменений, связанных с вводом частицы в высказывание.

Как известно, предложение состоит из нескольких предикаций: пресуппозитивной и ассертивной; любой смысл может утверждаться прямо (ассерция предложения), а может быть выражен более или менее косвенно (пресуппозиция, импликация). Выявить пресуппозицию помогает тест вычеркивания (на введение отрицания). Известно, что пресуппозиция — это смысл, который не подвергается отрицанию и действию модальных операторов [3; 5]. Чтобы получить общеотрицательное предложение, необходимо присоединить отрицание к реме высказывания [5, 154]. Ассерцией будет та предикация, которая входит в состав значения толкуемой единицы S и присоединяет к себе отрицание при отрицании S, т.е. меняет смысл истинность на смысл ложность. Та же предикация, которая содержится в неизменном виде как в S, так и в отрицании S, образует пресуппозицию S.

Рассмотрим утвердительное и общеотрицательное предложение без частицы:

Они соседи (A есть X).

Они не соседи.

Пресуппозиция: «они существуют»; ассерция: утверждение о том, что «они соседи».

Проанализируем семантические структуры утвердительного и общеотрицательного предложений как результат ввода частицы *просто*.

Они просто соседи (А просто X).

Смысл утвердительного предложения можно представить в виде операций:

1. Они соседи (А есть X).

2. Потенциально существует иное, другое (не-Х) положение дел, ситуация (в данном случае множество: X_1, X_2, \dots — знакомые, друзья, приятели).

3. Иное, другое (не-Х) мнение, положение дел исключается из предикации как не соответствующее, с точки зрения говорящего, актуальному положению дел, реальной ситуации, действительности (Х, а не что-то иное, другое, не-Х: соседи, а не приятели, друзья...).

4. Х — данное, это самое, обозначенное Х-ом, — сопоставляется с не-Х (иным, другим, потенциально возможным) и оценивается как «малое, несущественное, низко лежащее на аксиологической шкале». Соседи — это «мало» на ценностной шкале человеческих отношений.

Они не *просто* соседи.

1. Они соседи (А есть X).

2. Потенциально существует иное (не-Х).

3. Иное, другое (не-Х) утверждается как соответствующее актуальному положению дел, реальной ситуации действительности.

4. Х оценен сопоставлением с иным, наличие которого утверждается говорящим. Сказать: «Они *просто* соседи», недостаточно, они таковы, что необходимо сказать еще что-то («большее»). В результате ввода частицы в высказывание «они соседи» статус пресуппозиции получают:

1. сама предикация *А есть X* (они соседи);

2. смысл «потенциально существует иное, другое (не-Х)»;

3. Х (данное, это самое) сопоставляется с иным, другим (не-Х).

Ассерцией, т.е. предикацией, принимающей отрицание и меняющей истинность на ложность, будет в случае *А просто X* — имплицитное утверждение об исключении из предикации иного, т.е. отрицание реального существования иного: Х, а не что-то другое; в случае *А не просто X* — утверждение о реальном существовании иного. Иное соответствует актуальному положению дел и, как правило, дескриптивно развертывается в последующем тексте: Они не *просто* соседи — они друзья (сотрудники, единомышленники и т.д.).

Следовательно, частица *просто* модифицирует ассертивную часть смысла высказывания. Посредством имплицитного исключения *иного* происходит специфическое выделение и идентификация *этого самого (X)*: «Я все пересмотрел, исключил другое и пришел к выводу, что Х». В контекстах «минимизации», где Х — нечто малое, неважное, элементарное, неценное, как результат действия

значения частицы рождается смысл «X, а не более» (а не что-то более важное, ценнее, значимое). X — не обязательно предельно неценен. Но всегда менее ценен по сравнению с тем, что перебирается в уме и задается конституацией в целом:

Я *просто* устал (а не болен например).

Мы *просто* гуляем (а не идем с определенной целью).

Он *просто* промолчит (а не выскажется).

Исключаемое *иное* может быть эксплицировано в тексте:

Зачем тебе железо — возьми *просто* картонку.

Ничего не понимал — *просто* слушал.

Компонент «потенциально существует иное, другое (не-X)» является «концептуально» инвариантным во всех случаях употребления частицы *просто*. Этот смысл вводится частицей и составляет пресуппозицию значения высказывания. Его конкретная реализация, контекстная «картина», задается семантикой X-а (этого самого, данного, охарактеризованного в предложении), природой отраженной ситуации в целом, контекстными особенностями.

Виды и типы *иного*, ассоциативно связанные с понятием *этого самого*, о чем сообщается в предложении, принципиально бесконечны и с трудом поддаются систематизации и описанию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. — М., 1988.
2. Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В. Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. — М., 1993.
3. Богуславский И. М. Исследования по синтаксической семантике. — М., 1985.
4. Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании: На материале славянских языков — М., 1985.
5. Падучева Е. В. О семантике синтаксиса. — М., 1974.
6. Падучева Е. В. Тоже и также: взаимоотношение актуального членения и ассоциативных связей // Предварительные публикации Института русского языка АН СССР.— Вып. 155. — М., 1977.

КОННОТИРОВАННАЯ ЛЕКСИКА: АСПЕКТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

Д. Н. Овсяннико-Куликовский в своей работе «О значении научного языкознания для психологии мысли» дает определение слова: «Слово есть сложный психический процесс, принадлежащий к тому отделу психики, который называется мыслью, и сводящийся к известным процессам ассоциации и апперцепции» [8, 46]. Другие высказывания ученого позволяют трактовать психологические термины этого определения как раскрывающие важнейшие компоненты смысловой структуры слова: внутренняя форма первичной и вторичной номинации; культурно-исторический аспект слова (зависимость от прошлого опыта, от запаса знаний); антропоцентризм производного значения (зависимость от содержания духовной жизни человека, привнесение языковых элементов в само миропонимание) и даже зависимость восприятия значения от психического состояния человека (конситуативно обусловленные значения и оценки).

В работе «Наблюдательный и экспериментальный методы в искусстве» Д. Н. Овсяннико-Куликовский пишет о недостаточности междометного выражения чувств «для передачи многих, более или менее тонких душевных движений» [9, 88]. Возможность реализации таких движений ученый видит в ассоциации с определенным представлением или понятием, с воплощением в определенный конкретный образ, который будет служить представлением этого понятия, — так прозаическое слово становится художественным. В переводе на язык современной лингвистики это раскрытие смысла и процесса вторичной номинации.

В слове художественном Д. Н. Овсяннико-Куликовский выделяет образ или особое представление и, что очень важно, считает его отличным от того, что составляет лексическое значение слова: «Слова поэтические (художественные) — это те, в которых... есть особый образ или особое представление, отличное от того, которое составляет лексическое значение слова. Таковы, например, существительные: душегрейка, незабудка, подсолнечник...; прилагательные в выражениях «золотое сердце», «железный характер» и т. п.; глаголы и сочетания: пригорюниться, подлаживаться..., лыжи наострить, лямку тянуть...; наречия и обстоятельственные выражения вроде «келейно», «под рукой»...» [9, 89—90].

Внутреннюю форму, целостный образ, лежащий в основе именованного, Д. Н. Овсяннико-Куликовский считает живым, присутствующим в сознании носителей языка, сопутствующим компонентом смысла: «Часть образа, выра-

женная словом, дает толчок воображению, которое должно само воспроизвести образ» [9, 94].

Для современного исследователя эти положения Д. Н. Овсянико-Куликовского достаточно явно соотносятся с понятием коннотативного аспекта семантики номинативных единиц. В работе В. Н. Телия смысл внутренней формы и ассоциативные связи при вторичной номинации определяются как информация, как компонент значения, объективируемый в слове, когда предмет объективирования служит не мир, а форма эмотивной реакции на обозначаемое [11, 17].

Таким образом, в определении в терминах психологии слова вообще и слова поэтического, в частности, в характеристике внутренней формы в работах Д. Н. Овсянико-Куликовского угадываются идеи концепций прагматики. Под знаком прагматики современная лингвистика осуществляет толкование значений слов и фразеологических единиц.

Разработанный в трудах американских и европейских лингвистов (60—70-е годы XX века) терминологический аппарат прагматики как лингвистической теории об отношении говорящих к единицам языка как правила пользования ими в соответствии с ситуацией и коммуникативным заданием, нашел свое всестороннее обоснование, упорядочение и дифференциацию в исследованиях языковедов России — Н. Д. Арутюновой [2], В. Н. Телия [11], Ю. Д. Апресяна [1] и др.

Понятие коннотация, особенно характерное для семантики маркированной лексики (фразеологии) и высказывания, включает в себя несколько взаимосвязанных аспектов (компонентов): а) иллокутивные силы, т. е. целенаправленность, интенции, установку говорящего (характер воздействия на адресата: вопрос, совет, жалоба, намерение похвалить, унижить, оскорбить, отнестись снисходительно и т. д.); б) эмоции, ощущения, формирующие эмотивное отношение говорящего к объекту (их спектр представлен очень широко в исследованиях А. Вежбицкой); в) оценка, связанная с эмотивностью обуславливающей взаимной связью (общая — положительная и отрицательная; частные — дескриптивные; рациональные и эмоциональные — см. работы Н. Д. Арутюновой и Е. М. Вольф); г) внутренняя форма производной лексики при первичной номинации и вторичной, при формировании переносного, метафорического значения (голова — голова; плестись — плестись). Внутренняя форма — «двигатель» эмоций и оценок [11, 21]; лингвисты даже предлагали ввести внутреннюю форму в толкование лексического значения слова; д) стилистическая окраска, т. е. информация, добавленная к значению как результат словоупотребления в высказывании [11, 126]. Совокупность коннотативных компонентов создает эффект экспрессии, т. е. большей силы, выразительности, изобразительности, и чем полярнее стилистическая окраска, тем

выше экспрессия. Эмоционально-оценочная коннотированная лексика многократно изучалась в разных аспектах и с разными целями.

В. Н. Телия «готовое» значение слова разделяет на элементы коннотации, раскрывая этапы прагматического замысла. Вторичное наименование *орел* автор представляет следующим образом: говорящий / субъект речи считает, что лицо X обладает свойствами мужества, таланта и т.п., которые выделяют его по мощи их проявления из ряда других лиц, что вызывает уважение, и говорящий хочет, чтобы и адресат разделил то восхищение, одобрение, поклонение перед X-ом, которое испытывает говорящий; слово *орел* ограничено в употреблении разговорной речью [11, 17].

Действие всего коннотативного механизма, всех его составляющих, порождение высказывания с коннотативной лексикой как совокупность интеллектуально-психологических состояний говорящего или воспринимающего речь было показано и А. Вежбицкой в работе «Язык. Культура. Познание» [3] на материале производных личных существительных типа *Маринка, Иринка, Татьянка* [3, 139—149].

Выделение в маркированных вторичных наименованиях главных признаков эмоционально-оценочной реакции привело лингвистов к мысли о включении во вторичную номинацию *субъективно-оценочного словообразования*, так как на объективное отображение реалии наслаивается здесь отношение к нему именуемого [6, 224]. В РГ—80 подробно описаны так называемые суффиксы субъективной оценки существительных типа -аг(а), -ин(а), -ул(я), -онк-, -н(я) [10, 208—217]. Однако типологии лексем с суффиксами субъективно-оценочной деривации, кажется, еще нет. Для смыслового и коннотативного «прочтения» таких слов важно, чем они мотивированы. Мотивирующим может быть нейтральное по отношению к оценке слово другого или того же дескриптивного содержания (варево, писанина, политикан); может быть уже коннотированным в прямом или переносном значении (слизь — слизняк); это может быть слово того же дескриптивного значения и уже коннотированное (вор — ворюга, сокол — соколик). Из этих сопоставлений видно, что значение форманта не ограничено собственно мелиоративным или пейоративным — во многом в зависимости от мотивации формант может вносить сумму коннотативных признаков и новое дескриптивное содержание (варево — нечто невкусное, несъедобное; писанина — бессодержательное, глупое, недостойное внимания; политикан — спекулянт в политике; лгунишка — лгущий по мелочам); может лишь усиливать экспрессию (ворюга — необузданный вор); менять дескрипцию и эмоционально-оценочное содержание (сокол — соколик); может наслаиваться на имеющуюся экспрессивность внутренней формы (сопли — сопляк); заключать только в себе неизменный экспрессивный потенциал (армейщина).

Ассоциативно-образное переосмысление значений, в основе которого лежит метафора, ярко проявляется в обиходном представлении о свойствах животных, названных словом в его первичной номинативной функции, переносимых на свойства лиц, называемых этим именем в его вторичной номинативной функции. Проблемы так называемых зооморфизмов рассмотрены в научной литературе в различных аспектах. Определены обиходные квазистереотипы этой семиотической микросистемы при отсутствии жесткой связи с природой объектов (Ю. Д. Апресян это значение характеризовал как не имеющее общих семантических признаков с основным) и одновременно наличия какой-то точки опоры в типовых представлениях о животном. Установлены факты национального, специфического креативного сознания (обезьяна у вьетнамцев — символ нелюдимости, курица — трудолюбия). Охарактеризован ассоциативно-психологический механизм антропометрического именованья (человек, по своему образу и подобию, приписывает определенные свойства животному, имя которого становится стереотипом, символом, а затем возвращается к человеку). В. Н. Телия [11, 81] отмечала, что по отношению к словам этого типа трудно говорить об определенной дескрипции и тем более логико-таксономическом классе. Ю. Д. Апресяном был поставлен вопрос о способах толкования зоонимов во вторичной номинации и лексикографическом месте ассоциативной зоны [1, 87—88].

Анализ исследований, посвященных этой проблеме (некоторые из них указаны в списке литературы), и обращение к толковым словарям приводит к мысли о том, что дескрипции зооморфизмов даже в *принципе* не могут быть строго определенными, полными, завершенными (составители словарей часто «пропускают» такие значения). Действует много ассоциаций, восприятие образа может быть субъективным, и к бытующим доминантным определениям (например, в МАС) почти всегда можно добавить смежные признаки. Вариации значений зооморфизмов можно извлечь из достаточно большого количества текстов, а также путем эксперимента при внимании к социокультурным особенностям информантов. С учетом мнений нашей аудитории покажем варианты: *кобель* (о мужчине) — сексуальный, похотливый (можно добавить: неразборчивый в выборе, воплощает самые низменные качества в отношении к женщине и т. д.); *теленочек* — неопытный, простодушный, безвольный (можно добавить: робкий, безответственный, непрактичный, не отличающийся деловыми качествами и т. д.); *телка* — глупая — в грубой оценке, которая более характеризует говорящего (можно добавить: предельно «телесная», «физичная» и т. д.); *курица* — глупая, простодушная, ограниченная узким кругом бытовых, житейских интересов и т. д. Когда слово имеет неопределенно широкий дескриптивный диапазон, оно превращается в аффектив — знак «чистой» эмоции и эмотивной оценки (*нес, сука, собака*, современное просторечное *козел* — как знак презрения, возмущения, негодования по поводу каких-то качеств адресата/объекта — или без всякой аргументации).

Микросистема зооморфизмов, обширная, но строго очерченная в отношении денотата, не нашла в известных нам специальных работах адекватного представления, так как дескриптивное содержание вторичной номинации является производным от всех его коннотативно-прагматических свойств, от всех аспектов семантики, которые были определены в теоретических исследованиях — в частности, в работах В. Н. Телия.

В новой, когнитивной, парадигме исследования языка, направленной на изучение ментальных процессов, лексика и фразеология рассматривается как *текст*, воспринимаемый в ходе коммуникации говорящим и слушающим как блок информации, охватывающей денотацию, оценку, мотивацию (внутреннюю форму, буквальное прочтение) и эмоционально-оценочную реакцию — объективное и субъективное содержание языковой единицы. Когнитивный подход, базируясь на коннотативно-прагматических аспектах лексики и фразеологии, особо выделяет корреляцию и полифонию говорящего, воспроизводящего закодированную информацию, заложенную в языковой единице, и «считывающего» ее, слушающего — коммуниканты интерпретируют ее в пространстве своего социокультурного знания, языковой компетенции. М. С. Ковшова пишет, что для исследователей такого направления существенны вопросы о том, можно ли коннотированную лексику (в том числе и явления вторичной номинации) рассматривать в функции культурного знака, хранящего и воспроизводящего культурные установки, символы, стереотипы, в функции индикатора культурно-языковой компетенции субъекта коммуникации, как знак народной ментальности, «высокой» и «низкой» культуры [5, 38].

В. Н. Телия неоднократно отмечала, что тропоморфные и словообразовательные средства экспрессии могут представлять сложную комбинацию.

Среди зооморфизмов есть словообразовательно производные (о человеке: *коза* — *козел*; *коза* — *козочка*). Их производность сложно «прочитывается» на фоне соотносительной словообразовательной пары первичной номинации (о животном: *коза* — *козел*, *коза* — *козочка*). Просматриваются два типа отношений.

В случаях, когда дескрипции и коннотативные свойства словообразовательно связанных зооморфизмов в целом совпадают, можно говорить о направлении мотивации в рамках человек → человек (*овца* — *овечка*, *петух* — *петушок*, *курица* — *курочка*, *теленки* — *теленочки*) или о метафоризации в рамках животное → человек (*овечка* // *овечка*, *петушок* // *петушок*). Однако возможны параметры несовпадения: вряд ли возможна, например, по отношению к животному ироническая, насмешливая коннотация.

Несовпадение дескрипции и коннотативных свойств разводит формальную словообразовательную пару «о человеке», и остается объяснение каждого компонента как результата отдельной самостоятельной метафоризации —

ср. в нашем толковании: *коза* (резвая, бойкая девочка, девушка) — *козел*; *кот* (корыстный, блудливый, сексуальный, развратный) — *кошка* (своенравная, непокорная); *козел* — *козлик* (невзрослый, резвый, милый); *коза* (своенравная, бойкая) — *козочка* (резвая, бойкая, грациозная); *кошка* — *кошечка* (милая и грациозная, скрывающая свой нрав за внешней мягкостью).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Апресян Ю. Д.* Прагматическая информация для толкового словаря // Прагматика и проблемы интенциональности. — М., 1988.
2. *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. — М., 1988.
3. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание. — М., 1997.
4. *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. — М., 1985.
5. *Ковшова М. Л.* «Когнитивные характеристики идиомы: новая парадигма исследования». Языковая категоризация // Материалы круглого стола, посвященного юбилею Е. С. Кубряковой по тематике ее исследований (РАН, Институт языкознания). — М., 1997.
6. *Кубрякова Е. С.* Теория номинации и словообразования // Языковая номинация, виды наименований. — М., 1977.
7. *Литвин Ф. А.* Об изучении разновидностей зооморфных характеристик (на материале английского языка) // В помощь преподавателям иностранных языков. — Вып. 5. — Новосибирск, 1974.
8. *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* О значении научного языкознания для психологии мысли // Овсяннико-Куликовский Д. Н. Собр. соч.: В 9-ти т. — СПб., 1909. — Т. 6.
9. *Овсяннико-Куликовский Д. Н.* Наблюдательный и экспериментальный методы в искусстве // Овсяннико-Куликовский Д. Н. Собр. соч.: В 9-ти т. — СПб., 1909. — Т. 6.
10. Русская грамматика. — М., 1980. — Т. I.
11. *Телия В. Н.* Коннотативный аспект семантики лексических единиц. — М., 1986.
12. *Черемисина М. И., Сопна Н. С.* К вопросу о семантике зоохарактеристик // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. — Вып. 2. — Новосибирск, 1973.

И. В. ЯКОВЕНКО

МЕТАФОРА В МЕДИЦИНЕ И ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ

Истории лингвистики уже давно известно повышенное внимание к происхождению и разграничению высшего художественного творчества и обыденного сознания.

Данную тему исследовал известный литературовед и языковед Д. Н. Овсяннико-Куликовский. Он писал, что «между художественным творчеством

в собственном смысле и нашим обыденным житейским мышлением существует тесное психологическое средство: основы первого даны в художественных элементах второго» [4, 78].

Аналогично разграничению Д. Н. Овсяннико-Куликовским связи между художественной мыслью и обыденной, в нашей статье делается попытка проследить отсутствие четких границ на материале номенклатурных терминов и народных наименований, взятых из ботанических словарей и энциклопедий [6, 8]. Например, такие научные наименования, как «*ноготки лекарственные*», «*чистец лесной*», «*мак снотворный*», «*желтушник раскидистый*» и другие одновременно несут в себе отпечаток обыденного мышления и житейского опыта, который часто и берется за основу наименования. Так, растение «*кровохлебка лекарственная*» получило свое название потому, что оно обладает вяжущим средством и применяется в народной медицине при кровохарканье у туберкулезных больных для заживления ран. Растению, очищающему тело человека от бородавок путем их прижигания, дали название «*чистотел большой*».

Подобную мысль по отношению к художественной прозе и обыденному мышлению высказывал Д. Н. Овсяннико-Куликовский, отмечая, что «первые ростки «прозы» научной представляются нам непосредственно выступающими из прикладной «прозы» обыденного мышления» [4, 103].

Однако в результате анализа значительного количества языковых единиц ботанической лексики становится очевидным, что наименования некоторых из них соотносятся не с конкретным обыденным опытом, а с мифологической Вселенной, т.е. легендами, поверьями, традициями и мифами. В связи с этим и с принципиальной диффузностью метафоры иногда невозможно точно определить мотивировку таких языковых единиц, как «*Ивасику*», «*ангельське зілля*», «*орех ведьмин*», «*божі ручки*» и др. Подобные замечания можно обнаружить в работах многих языковедов. Мифологичность первобытного мышления подтверждает также высказывание В. В. Иванова о приближении мифологии к первобытной науке [1, 12]. М. М. Маковский утверждал, что наш язык точно отражает все особенности нравов, обычаев, верований, способов мышления на протяжении определенного периода жизни языкового коллектива [2]. Этой же мысли придерживался и Д.Н. Овсяннико-Куликовский. Он писал о том, что «основные понятия первобытной науки... возникли из мифа» [4, 109]. Вместе с тем он подчеркивал, что обиходные понятия первоначально были не обиходным мышлением масс, а мышлением отдельных талантливых личностей, мыслителей. Только спустя определенный период времени они приобрели всеобщий характер.

В указанной работе обращается внимание также на то, что «обыденное творчество сравнительно редко наблюдательно» [4, 77] и что, в отличие от художественного образа, в обыденном образе «черты типичные заслонены иными, нередко случайными или совсем нехарактерными» [4, 81]. Наше ис-

следование подтверждает теорию автора о сложности установления реальной эмпирической мотивировки при большой прозрачности формальной мотивировки. Очень часто в таких наименованиях наблюдаются лишь полунамеки и даже с помощью интуиции тяжело выяснить причину мотивации. Это заметно проявляется в таких терминах, как «воробейник лекарственный», «каштан конский обыкновенный», «вовчий зуб», «ива козья» и др. В данном случае мы только догадываемся о том, что указанные животные едят эти растения. Вопрос о скрытой мотивировке названия затрагивал Т.Я. Марченко. Он считал, что той части названий, которая характеризуется скрытой мотивировкой, нужно применить детальное этимологическое исследование, «яке має ґрунтуватися на даних не лише суто лінгвістичних, а й позалінгвістичних» [3, 29].

Вопрос о мотивации наименования тесно соприкасается с процессом метафоризации. Каждое слово, по выражению Д. С. Сетарова, «выражающее мотивирующий признак, в определенной степени метафоризируется» [7, 29].

До недавнего времени считалось, что научному сознанию не свойственен метафорический компонент в связи с тем, что номенклатурные термины должны нести только научную ценность обозначаемого явления, а метафоры, по словам В.В. Петрова, «скорее призваны выражать эмоции и чувства, нежели познавательную информацию» [5, 75—76]. Эмоциональность же всегда считалась главной чертой наивного сознания. Но практика работы с научной терминологией показывает, что «в науках описательных мы постоянно встречаемся с приемами образной мысли, без которых нельзя дать обстоятельного описания [4, 105] (ср., к примеру, такие научные названия растений, как «бешеный огурец обыкновенный», «бездременник великолепный», «живучка ползучая» и др.). Но вполне объяснимо и то обстоятельство, что роль образного компонента значительно больше в народных наименованиях, чем в принятых номенклатурных терминах. Указанная особенность отчетливо прослеживается в таких народных наименованиях, как «чарівна ліщина», «дівоча краса», «красавка», «дивное дерево» и др.

Но метафорические значения «можно считать вторичными, трансмутационными образованиями по отношению к формам когнитивного сознания», так как, будучи образными, экспрессивными языковыми знаками, они не повторяют первоначальное содержание, а обогащают его, вводя новые связи и отношения [9]. Например, «глухая крапива», «тысячелистник благородный», «коровяк великолепный», «зигаденус изящный» и др.

И в заключение статьи можно отметить, что не существует демаркационной границы между различными видами сознания — обыденным, научным и художественным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов В. В. Культурная антропология и история культуры // Одиссей, 1989. Человек в истории. — М., 1989. — С. 11—16.

2. *Маковский М. М.* У истоков человеческого языка. — М., 1995.
3. *Марченко Т. Я.* Походження назв рослин у сербській мові // Мовознавство, 1994. — С. 68—73.
4. *Овсянко-Куликовский Д. Н.* Собр. соч.: В 9-ти т. — СПб, 1909. — Т. 6.
5. *Петров В. В.* Семантика научных терминов. — Новосибирск, 1982.
6. *Попов А. П.* Лекарственные растения в народной медицине. — К., 1967.
7. *Сетаров Д. С.* Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. — М., 1970.
8. *Смик Г. К.* Корисні та рідкісні рослини України. Словник — довідник народних назв. — К., 1991.
9. Языковая личность. Проблемы значения и смысла: Сб. научн. тр. / Науч. ред. И. В. Сентенберг.

СОДЕРЖАНИЕ

Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ О ПРИРОДЕ ТВОРЧЕСТВА И ИСКУССТВА	5
<i>А. М. Гуторов.</i> ПОСЛЕДНИЙ МОГИКАНИН УНИВЕРСАЛЬНОГО ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ (о научном наследии Д. Н. Овсяннико-Куликовского)	5
<i>В. В. Курилов.</i> КОНЦЕПЦИЯ ИСКУССТВА Д. Н. ОВСЯНИКО- КУЛИКОВСКОГО И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ ПОСТСОВЕТСКОЙ ТЕОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ	10
<i>Л. Ф. Тарасов.</i> СЛОВО В ЭСТЕТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ А. А. ПОТЕБНИ И Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО	16
<i>С. В. Вакуленко.</i> ЭСТЕТИЧНА ВАРТІСТЬ СЛОВА В КОНЦЕПЦІЇ ДМИТРА ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСЬКОГО	20
<i>В. С. Калашиник.</i> РОЗВИТОК СУЧАСНОЇ УКРАЇНСЬКОЇ МОВИ В ЭСТЕТИЧНОМУ НАПРЯМІ	26
<i>А. И. Ковтун.</i> ИДЕИ Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО В ЛИТОВСКОЙ РУСИСТИКЕ	32
<i>И. И. Московкина.</i> Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ О «НЕРЕАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ» И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕГО ИЗУЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ	37
<i>И. Е. Карпенко.</i> НАСЛЕДИЕ ХАРЬКОВСКОЙ ШКОЛЫ И ЛИНГВОПОЭТИЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН ОРНАМЕНТАЛЬНОЙ ПРОЗЫ	44
<i>О. М. Цивкач.</i> ТВОРЧЕСТВО АДАМА МИЦКЕВИЧА В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО О ПСИХОЛОГИИ ГЕНИАЛЬНОСТИ	49
<i>А. А. Слюсарь.</i> О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ СИНТЕЗЕ	53
<i>Н. М. Назорная.</i> НАРРАТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ МЕТОДОЛОГИИ Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО («образ автора», повествовательные инстанции)	59

<i>Т. С. Матвеева.</i> СПОСТЕРЕЖЕННЯ ТА ЕКСПЕРИМЕНТ У КОНЦЕПЦІЇ ПСИХОЛОГІЇ ХУДОЖНЬОЇ ТВОРЧОСТІ (дослідження Д. Овсянико-Куликовського в контексті українського літературознавства)	66
---	----

<i>В. А. Гусев.</i> Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ — ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК	74
---	----

**ЛИРИКА КАК ОСОБЫЙ
ВИД ТВОРЧЕСТВА В КОНЦЕПЦИИ
Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО 79**

<i>А. И. Лагунов.</i> ТВОРЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ АФАНАСИЯ ФЕТА В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИЙ А. А. ПОТЕБНИ И Д. Н. ОВСЯНИКО- КУЛИКОВСКОГО	79
--	----

<i>В. А. Суковатая.</i> МОДЕЛЬ ОБЩЕСТВЕННОГО БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В ПЕТЕРБУРГСКОЙ «КАРТИНЕ МИРА» (На материале поэтических образов А. С. Пушкина, О. Мандельштама, Н. Коржавина в свете традиций культурно-психологического интерпретирования и наследия Д. Н. Овсянико-Куликовского)	85
---	----

<i>Н. П. Евстафьева.</i> «ЛИРИЧЕСКАЯ ЭМОЦИЯ» И «СИМВОЛЫ ИДЕИ» В ТВОРЧЕСТВЕ И. А. БУНИНА И С. В. РАХМАНИНОВА	90
--	----

<i>С. Н. Бунина.</i> СВОБОДНАЯ СТИХИЯ (лирика глазами Д. Н. Овсянико-Куликовського и М. И. Цветаевой)	94
--	----

<i>К. В. Гулый.</i> МЕТАФОРИЧЕСКАЯ НОМИНАЦИЯ СУДЬБЫ И СМЕЖНЫХ ДЕНОТАТОВ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ЛИРИКЕ 16 — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ 19 ВЕКОВ (на материале английских, французских, испанских, немецких, польских и русских текстов)	98
---	----

**ОПЫТ Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО
КАК ИСТОРИКА ЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ПОСТРОЕНИЯ
КУРСА ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА 105**

<i>Т. А. Савоськина, Л. В. Дмитриева.</i> Д. Н. ОВСЯНИКО- КУЛИКОВСКИЙ О РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ 20—50-Х ГОДОВ XIX СТОЛЕТИЯ	105
--	-----

<i>Р. Д. Гнеушева.</i> ЗНАЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИЗЫСКАНИЙ Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО В ИЗУЧЕНИИ ТВОРЧЕСТВА А. С. ПУШКИНА	111
---	-----

<i>А. В. Ильичев.</i> ФИЛОСОФИЯ ТВОРЧЕСТВА В СТИХОТВОРЕНИИ А. С. ПУШКИНА «ОСЕНЬ»	116
<i>С. В. Савинков, А. А. Фаустов.</i> ГОРЕ ОТ УМА (А. А. ЧАЦКИЙ, П. Я. ЧААДАЕВ, В. К. КЮХЕЛЬБЕКЕР И ДР.)	121
<i>Т. Г. Свербилова.</i> ОТ ПСИХОЛОГИЗМА К ПСИХОАНАЛИЗУ, ИЛИ ОТ ЭГОЦЕНТРИЗМА ДРАМАТУРГА К ЭКСТРАВЕРСИИ ПЕРСОНАЖА В ДРАМАТУРГИИ ГОГОЛЯ	127
<i>О. И. Борзенко.</i> КНИЖКА Д. ОВСЯНИКО- КУЛИКОВСЬКОГО ПРО М. ГОГОЛЯ В КОНТЕКСТЕ УКРАЇНСЬКО-РОСІЙСЬКИХ ЛІТЕРАТУРНИХ ВЗАЄМИН	135
<i>В. Н. Тихомиров.</i> «НИКТО НЕ ПОНИМАЕТ ДРУГОГО» (Гёте) (К проблеме «отцов» и «детей»)	141
ЛИТЕРАТУРА КОНЦА XIX—XX ВЕКОВ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИЙ Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО	
<i>В. В. Гудонене.</i> «АННА КАРЕНИНА» В ОЦЕНКЕ Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО: К ПРОБЛЕМЕ «ВЕЛИКОСВЕТСКИХ ФОРМ»	145
<i>Т. П. Цапко.</i> Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ ОБ «АННЕ КАРЕНИНОЙ» И СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ РОМАНА ТОЛСТОГО	150
<i>Т. П. Маевская.</i> Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ ОБ ЭПОХЕ И ЛИТЕРАТУРНОМ ПРОЦЕССЕ 80-х ГОДОВ XIX ВЕКА	156
<i>В. Е. Татаринов.</i> ДУХОВНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В 80-Е ГОДЫ XIX ВЕКА В ТРАКТОВКЕ Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО (на материале творчества В. Г. Короленко)	161
<i>Н. П. Гришечкина.</i> ЧЕХОВСКАЯ ПОВЕСТЬ «ДУЭЛЬ» В КОНТЕКСТЕ «ИСТОРИИ РУССКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ» Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО	165
<i>Т. А. Шеховцова.</i> ЕРМОЛАЙ ЛОПАХИН ГЛАЗАМИ КРИТИКОВ (ОТ ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО ДО НАШИХ ДНЕЙ)	169

<i>В. Ф. Максименко.</i> «НОРМА» В ХУДОЖЕСТВЕННОМ МИРЕ А. П. ЧЕХОВА	176
<i>В. Платонов.</i> ДРАМАТУРГИЯ ГОРЬКОГО В КРИТИКЕ Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО И Ф. АННЕНСКОГО	180
<i>Е. А. Михеичева.</i> Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ О ТВОРЧЕСТВЕ ЛЕОНИДА АНДРЕЕВА	184
<i>И. Б. Устюжин.</i> ПОДМАСТЕРЬЕ И СКАЗКИ ДЬЯВОЛА (Д. Н. Овсяннико-Куликовский и М. А. Волошин о природе творчества Леонида Андреева)	187
<i>Т. К. Блажеєвська.</i> СУСПІЛЬНО-ПСИХОЛОГІЧНІ ТИПИ СОЦІАЛІСТІВ У РОМАНАХ ВОЛОДИМИРА ВИННИЧЕНКА 1911—1917 РОКІВ	190
<i>О. Муслієнко.</i> М. ХВИЛЬОВИЙ: ФЕНОМЕН «ТВОРЧОСТІ ЯК ВИЗВОЛЕННЯ ЗВ'ЯЗАНОЇ СИЛИ»	197
<i>І. В. Бурлакова.</i> АНТРОПОПРИЗМАТИЗМ ПЕЙЗАЖУ (на матеріалі роману У. Самчука «Волинь»)	203
<i>П. Р. Ибадлаев.</i> РАССКАЗЧИК И. С. ШМЕЛЁВА В СВЕТЕ ТЕОРИИ ПСИХОЛОГИИ ТВОРЧЕСТВА Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО (на основе эпопеи «Солнце мёртвых»)	207
<i>Р. Г. Кузьменко.</i> «ТРАВА ЗАБВЕНИЯ» В. КАТАЕВА — ЛИРИЧЕСКИЙ РОМАН, ИЛИ «ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНАЯ ПРОЗА»?	211
МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ШТУДИИ	
Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО И НЕОМИФОЛОГИЯ XX ВЕКА	217
<i>Н. Д. Чухим.</i> Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ І МИФОЛОГІЧНА ШКОЛА	217
<i>Л. А. Чувпило.</i> ИНДОЛОГИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО	223
<i>О. В. Козир.</i> Д. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ І Г. ШКУРУПІЙ ПРО ВЕРСІЇ СИМВОЛІЧНОГО ПРОСТОРУ ВОГНЮ	228

Ю. Безхутрий, М. Філон. МІФОЛОГІЧНІ ВИТОКИ
ОБРАЗІВ РОМАНІВ В. СТОРОЖЕНКА «МАРКО ПРОКЛЯТИЙ»
І О. ІЛЬЧЕНКА «КОЗАЦЬКОМУ РОДУ НЕМА ПЕРЕВОДУ,
АБО Ж МАМАЙ І ЧУЖА МОЛОДИЦЯ» 232

О. Н. Калениченко. МИФОЛОГЕМА
О СТРОИТЕЛЬНОЙ ЖЕРТВЕ В ТВОРЧЕСТВЕ
А. П. ЧЕХОВА («В овраге», «Именины») 238

А. Рубан. НОВЕЛЛА Л. АНДРЕЕВА «ЧЕМОДАНОВ»
В КОНТЕКСТЕ РАССУЖДЕНИЙ
Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО О ВОЗРОЖДЕНИИ
МИФОТВОРЧЕСТВА В ИСКУССТВЕ XX ВЕКА 245

В. А. Сухоруков. ХРОНОТОП «УСЛОВНЫХ» ДРАМ
Л. АНДРЕЕВА («Жизнь человека», «Царь Голод»,
«Анатэма», «Океан»
И «ИДЕЯ БЕСКОНЕЧНОГО
В ИСКУССТВЕ» Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО 250

Д. В. Певко. К ПРОБЛЕМЕ СИМВОЛИЗМА
В ДРЕВНЕРУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 256

**ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ
Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО
И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ 263**

Г. И. Шкляревский. Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ:
ПСИХОЛОГИЯ — НАЦИЯ — ЯЗЫК 263

Т. А. Космеда. ЛІНГВОФІЛОСОФСЬКА КАТЕГОРІЯ
ОЦІНКИ В СИСТЕМІ ПОГЛЯДІВ
Д. М. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСЬКОГО 267

К. В. Бондарь, О. В. Коваль. О «ПРОТОВЕРСИИ»
КОНЦЕПТУАЛЬНОГО АНАЛИЗА В РОССИИ
(А. А. Потехня, Д. Н. Овсяннико-Куликовский) 273

А. А. Анюткина. ВЗГЛЯДЫ Д. Н. ОВСЯНИКО-
КУЛИКОВСКОГО НА ВЗАИМОСВЯЗЬ
ЯЗЫКА И МЫШЛЕНИЯ 278

О. Колесникова. ПРОБЛЕМИ ВИЗНАЧЕННЯ СТАТУСУ
АРХАЇЗМУ В СУЧАСНІЙ МОВІ 283

С. П. Довбах. ПОНЯТИЕ ЗНАЧЕНИЯ
В КОНЦЕПЦИИ Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО
И СОВРЕМЕННЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ТЕОРИИ 286

Т. И. Гончарова. АНТИНОМИЯ ЯЗЫКОВЫХ
И РЕЧЕВЫХ ЗНАКОВ 292

М. В. Лихинин. РОЛЬ ЭТАЛОНОВ «БЛИЖАЙШЕЙ СРЕДЫ»
В ЭТНОЦЕНТРИЧЕСКИХ ОЦЕНКАХ 297

О. А. Медведєва. ЗАПОЗИЧЕННЯ ІНШОМОВНИХ СЛІВ
ЯК МОВОТВОРЧІСТЬ (У світлі ідей Д. Овсяніко-Куликовського
та О. Потебні про творчий характер мови) 305

**Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ О МЕТОДОЛОГИИ
И МЕТОДИКЕ СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОГО
И ЭТНО-ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
ЯЗЫКОВ 309**

Л. Л. Кітова. ЗАСТОСУВАННЯ МЕТОДІВ ПОРІВНЯЛЬНОГО
МОВОЗНАВСТВА ПРИ ДОСЛІДЖЕННІ ГРАФІКИ ТА ОРФОГРАФІЇ
ГАЛИЦЬКО-ВОЛИНСЬКОГО ЛІТОПІСУ 309

В. А. Бабаянц. СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА РУССКИХ
И НЕМЕЦКИХ ПОСЛОВИЦ (группа добро/зло) 316

А. І. Даниленко. РОС. ГЛЯДЬ, ХВАТЬ,
УКР. ЗИРК, ХАП, ЛИТ. ŽIŪRS, ĆIŪRT,
АБО ПРО ОДНУ СУПЕРЕЧКУ,
В ЯКІЙ НЕ БРАВ УЧАСТІ
Д. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСЬКИЙ 322

Л. В. Педченко. НАИМЕНОВАНИЯ РИТУАЛЬНОГО
ОГНЯ У РУССКИХ (в свете исследования Д. Н. Овсяніко-
Куликовського «К истории культа огня у индусов в эпоху Вед») 327

Т. В. Абраїмова. ПРО ДЕЯКІ МОРФОЛОГІЧНІ ЯВИЩА
В ДОСЛІДЖЕННЯХ Д. М. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСЬКОГО
З ПОРІВНЯЛЬНОГО МОВОЗНАВСТВА 332

Н. Г. Корж. «ЛЕКСИКОН ЛАТИНСКИЙ»
ЕПИФАНИЯ СЛАВИНЕЦКОГО КАК ИСТОЧНИК
ИЗУЧЕНИЯ ЛАТИНСКОГО, ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОГО
И УКРАИНСКОГО ЯЗЫКОВ 337

**ЛОГИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ОСНОВАНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКИ
В РАБОТАХ Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО
И ПРИНЦИПЫ СОВРЕМЕННОЙ
КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ.....343**

Н. Н. Арват. ЗНАЧЕНИЕ ТРУДОВ
Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО ПО СИНТАКСИСУ 343

Л. П. Ефанова. КАТЕГОРИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ
В СВЕТЕ ИДЕЙ Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО 348

С. В. Ломакович. ЗМІСТ РЕЧЕННЯ І ЙОГО
ФОРМАЛЬНА БУДОВА В СИНТАКСИЧНИХ ПРАЦЯХ
Д. М. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСЬКОГО 353

В. А. Рогожина. НЕОПРЕДЕЛЕННЫЙ СУБЪЕКТ
В СВЕТЕ ИДЕЙ Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО
(на материале «Повести временных лет») 359

Л. Н. Алешина. СЕМАНТИКА ЛИЧНОГО
ПРЯМОГО СУБЪЕКТА
В «СЛОВЕ О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»..... 364

Л. И. Луговая. ИЗУЧЕНИЕ
ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ШКОЛЕ В СВЕТЕ ИДЕЙ
Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО 370

Л. Т. Маликова. ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
«АКТА РЕЧИ-МЫСЛИ» ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ
(психолингвистический и методический аспекты исследования) 374

М. М. Матлина. АБСТРАКТНЫЕ ИМЕНА
И КОНЦЕПЦИИ СИНТАКСИЧЕСКОЙ ДЕРИВАЦИИ
(к определению Д. Н. Овсянико-Куликовским категории
отвлеченности имен в русском языке) 380

Е. П. Мосьпан. СОБИРАТЕЛЬНОСТЬ В ЯЗЫКОВОЙ
КАРТИНЕ МИРА 385

М. С. Заборна. ПИТАННЯ СИНКРЕТИЗМУ
ДРУГОРЯДНИХ ЧЛЕНІВ РЕЧЕННЯ
В СИНТАКСИЧНИХ ДОСЛІДЖЕННЯХ
Д. М. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСЬКОГО 390

**КОННОТАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ СЛОВА В ТРУДАХ А. А. ПОТЕБНИ
И Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО
И НОВЫЕ ПАРАДИГМЫ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ 395**

Н. И. Сукаленко. МЕТАФОРА В ОБЫДЕННОМ
СОЗНАНИИ И ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТВОРЧЕСТВЕ 395

Л. Р. Савченко. НАУЧНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО И ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ
ПРОЗРЕНИЯ А. ПЛАТОНОВА О ПРИРОДЕ
УМСТВЕННОГО ТВОРЧЕСТВА 397

Н. Ф. Уманцева. ПСИХОЛИНГВИСТИЧНЕ ДОСЛІДЖЕННЯ
КОНОТАТИВНИХ ВЛАСТИВОСТЕЙ УКРАЇНСЬКОЇ ЛЕКСИКИ
(до постановки проблеми) 405

Т. Н. Долотова. СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ ОЦЕНКИ
КАК ИНСТРУМЕНТ РЕЧЕВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ
(на материале публицистики В. Шукшина) 408

С. В. Малыгина. РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ
В ПОЛЕМИЧЕСКИХ ЖАНРАХ СОВРЕМЕННОГО
НАУЧНОГО ДИСКУРСА 412

Е. В. Чернцова. ПРЕСУППОЗИЦИЯ КАК КОНТЕКСТ
ЗНАЧЕНИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЯ С ЧАСТИЦЕЙ ПРОСТО 419

Л. А. Быкова, В. В. Немцева. КОННОТИРОВАННАЯ
ЛЕКСИКА: АСПЕКТЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ 424

И. В. Яковенко. МЕТАФОРА В МЕДИЦИНЕ
И ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ 428

НАУКОВЕ ВИДАННЯ

Міністерство освіти України

ВІСНИК ХАРКІВСЬКОГО УНІВЕРСИТЕТУ

№ 411

СПАДЩИНА Д. М. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСЬКОГО
ТА СУЧАСНА ФІЛОЛОГІЯ

Відповідальний за випуск доц. *Д. М. Безхутрий*

Коректор *Т. Г. Алесіна*

Подписано к печати 14.09.98. Формат 60×90/16.

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Таймс.

9-00 Усл. печ. л. 27,5.

Издательство «ОКО». 310002, Харьков, ул. Артема, 44.